

Б 85(2к)
М 25

ЭК

КАЗАХСКОЕ НАРОДНОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

**КАЗАХСКОЕ
НАРОДНОЕ ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО**

А. Х. Маргулан

сбс

КАЗАХСКОЕ НАРОДНОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

ТОМ 1

Алма-Ата «Өнер»
1986

745/743(374)
M25

27

Рецензенты:

доктор исторических наук Х. А. АРГЫНБАЕВ,
доктор исторических наук В. Е. ЛАРИЧЕВ

Макет и оформление

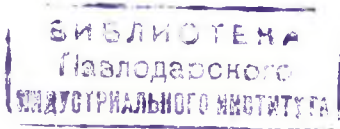
художника С. Д. АЛЕКСЕЕВА

Фотографы

А. СТРЕБКОВ, В. СТУКАЛОВ,
К. МУСТАФИН, Б. ПОДГОРНЫЙ,
У. МУХАМЕДЖАНОВ, С. БУЛАВСКИЙ

При подготовке к изданию этой книги были проведены фотосъемки памятников казахского народного искусства, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, а также Центрального государственного музея Казахстана и Государственного музея искусств Казахской ССР имени А. Кастеева. Издательство «Энер» и автор выражают благодарность сотрудникам этих музеев за консультации и помощь, оказанную при проведении съемок.

398165

Академик Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулан (1904—1985)—старейшина казахских археологов и историков, многолетние исследования которого отличались размахом и широтой, подготовил книгу «Казахское народное прикладное искусство» и два альбома к ней, которые познакомят с произведениями народных мастеров.

Данная работа А. Х. Маргулана относится к исследованиям, которые обычно оцениваются как своего рода этап, обобщающий труд, призванный стать основой для будущих, более детальных научных изысканий.

В книге автор выступает как археолог и этнограф. В сфере его внимания находились также такие бесценные источники, как рисунки художников, работавших, начиная со славных времен академических экспедиций Петра Великого, на территории расселения казахов. А. Х. Маргулан изучил в фондах библиотек и музеев старинные альбомы рисунков и фотографий, и они позволили ему воссоздать то, что казалось ранее невозвратно утраченным. Его исторические изыскания отличаются полнотой и представляют собой самостоятельную ценность—все сколько-нибудь значительное из опубликованного ранее, где содержатся сведения о народном искусстве казахов, старательно выявлено им и представлено в специальной главе, посвященной характеристике источников. А. Х. Маргулана отличает подчеркнуто уважительное отношение к каждому из его предшественников по сбору материалов и изучению казахского народного прикладного искусства. Каким бы ни был вклад в это дело кого-то из исследователей, путешественников, писателей или любителей-собирателей, всем им воздается должное и выражается признательность.

Книга академика А. Х. Маргулана многопланова. В ней он вначале достаточно подробно рассматривает то, что, в сущности, как раз и обусловило развитие и формирование характерного народного прикладного искусства казахов—структуру их экономики, сырьевые богатства, торгово-экономические и культурно-этнические связи, своеобразие национальных традиций быта и хозяйствования складывавшихся веками, природное окружение и его особенности. Что касается образцов и разновидностей самого прикладного искусства, то обширные материалы его, как собранные относитель-

но недавно самим А. Х. Маргуланом, так и хранящиеся в фондах музеев, тщательно систематизированы и описаны им. В книге и альбомах широко представлены изделия из металла, дерева, кости, войлока, ткани и кожи — всевозможная расписная и резная утварь, одежда, ковры, вышивки, ювелирные изделия. Все это бесценное художественное наследие казахского народа становится благодаря труду А. Х. Маргулана всеобщим культурным достоянием нашей многонациональной страны.

Речь в данном случае, действительно, идет не только о введении в научный оборот с любовью подобранных и описанных образцов живого творчества талантливых умельцев. Эта бесценная сокровищница мастерства представляет исключительный и самый широкий общественный интерес. Созданное в недрах народных должно стать достоянием не только и не столько узкого круга специалистов, а щедро вернуться к самому народу, чтобы способствовать новому взлету народного творчества. Как представляется, именно в этом, в первую очередь, цель и значимость настоящего труда академика А. Х. Маргулана.

Широта его научных интересов в истории и археологии, этнографии и фольклоре позволили А. Х. Маргулану рассматривать прикладное искусство своего народа в широком спектре составляющих его компонентов. Как знаток древних культур Казахстана и соседних с ним среднеазиатских республик, он представил дальнюю по истокам историческую ретроспективу, иначе говоря, показал глубинные корни, к которым восходит национальное казахское прикладное искусство. В такой постановке проблемы и предложенного решения ее заключен значительный смысл, она оправдана, а главное — плодотворна. А. Х. Маргулану при его историко-археологических экскурсах и аналогиях удалось, насколько позволяли выявленные материалы, проследить, как далеко в глубь времен уходит зарождение определяющих тенденций в развитии народного искусства, показать его устойчивость и неистребимую жизненную силу. Подобный ретроспективный, естественный для историка и археолога угол зрения заставляет задуматься над тем, что, в конечном счете, обуславливает сохранение непрерывности традиций художественного творчества, цепкую приверженность определенным канонам всех истинно народных мастеров, которые бережно, из поколения в поколение, передавали это освященное суровым вековым отбором самое сокровенное из материальных и духовных ценностей.

Все дело, очевидно, заключается в том, что образцы прикладного искусства определяют собой не только объекты исключительного по совершенству, виртуозного технического мастерства, что всегда вызывало изумление и особо ценилось как современниками, так и представителями последующих поколений, которые стремились продолжать, наследовать, закреплять и беречь достижения предков. Не следует забывать и того, что изделия народного творчества в целом или в отдельных наиболее существенных элементах как произведения художественно значимые могли воспринимать в

качестве носителей и хранителей важного семантического содержания. Прикладное искусство — живое лицо, своеобразная визитная карточка его создателей. В творениях его отражаются дела и мудрость народа, его характер и образ жизни, способы хозяйствования, мысли и чувства, реальная повседневность. Именно поэтому прикладное искусство, однажды, пусть даже тысячелетия назад, возникнув, остается жить и далее будет жить, пока существует на земле сам народ, прародитель его и хранитель.

Книга А. Х. Маргулана подтверждает такие размышления, и в том нет ничего удивительного, поскольку эволюция и трансформация народного прикладного искусства воссоздается и рассматривается им с широким привлечением сведений из области ранней истории, археологии, этнографии и фольклора. Хронологический диапазон экскурсов его впечатляющ и эффектен — зондаж поисков истоков определенных тем в искусстве казахского народа начинается в бронзовом и даже, по отдельным моментам, в каменном веке, проходит через периоды племенных объединений степных кочевников и их первых государств, а завершается в современности. Вряд ли поэтому будет преувеличением сказать, что работа академика А. Х. Маргулана с исследовательской и описательными частями и приложенными к ним альбомами воспринимается как своего рода энциклопедия казахского прикладного искусства, как уникальное по полноте и сводное по характеру собрание шедевров народного художественного творчества. Значимость труда А. Х. Маргулана заключается не только в том, что становятся общенациональным культурным достоянием бесценные сокровища народа, которые создавались в череде веков выдающимися мастерами. И не только в том, что эти богатства, творения золотых рук и острого ума талантливых художников, наконец, встанут теперь в рабочий строй и сослужат добрую службу на ниве просвещения. Не меньшая важность книги в определении оптимального по плодотворности направления в исследованиях, которые она призвана стимулировать и вдохновлять при обращении к сложным проблемам, связанным с изучением национального прикладного искусства.

В. Е. ЛАРИЧЕВ, доктор исторических наук

глава 1

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Наиболее ранним источником, в котором освещен быт казахов XV—XVI веков, является труд известного бухарского историка Фазлаллаха Рузбихана. В нем имеются сведения о жилище казахов, убранстве коня, ювелирных изделиях и т. д. (98, с. 94, 128, 129).

Этнографическое описание казахов можно найти в трудах исследователей XVIII—XIX вв. Как известно, большое значение для изучения Казахстана имело созданное в 1845 году Русское географическое общество, обратившее

из них содержат информацию о жилище казахов, другие — об одежде, головных уборах, третьи — о кошмах и коврах и т. д. Для изучения казахского народного прикладного искусства они представляют определенную ценность, как и этнографические рисунки некоторых из них или выполненные художниками, побывавшими в Казахстане.

Ориенталист И. Клапрот зафиксировал в рисунках обычаи и народные праздники казахов.

В ГИМе (Москва) хранятся альбомы художников Е. Корнеева и Орловского

Рисунок
И. Клапрота.
1816 г.

значительное внимание на изучение быта и культуры народов России. На местах появляются корреспонденты, которые печатали свои статьи и заметки в местных «ведомостях». О казахах писали П. И. Лерх, П. В. Маковецкий, Н. М. Ядринцев, Е. П. Ковалевский, А. И. Якоби, Э. Ю. Петри, П. П. Свиньин, Г. И. Спасский, А. Янушкевич, С. Большой, С. Б. Броневский, М. И. Минаев, И. Ф. Русанов, П. Медведский, Дм. Львович (Иванов), Г. Н. Потанин и многие другие. Их работы были научного, краеведческого или очеркового характера. Одни

из рисунков, выполненных в 1807—1821 годах. Они посвящены быту казахов долины реки Урал (94). На рисунках в альбоме П. Свиньина «Путешествие по России» показаны убранство коня, мужская меховая высокая шапка—кундыз борик и оружие (234). В фондах ГИМа хранятся также альбом «Башкирия, Киргизия и Средняя Азия» и акварельные рисунки художника А. Ф. Чернышева (первая половина XIX в.), где показаны группа юрт, убранство коня.

С бытом казахов знакомят рисунки Гейслера, А. Мартынова и др.

С 1847 по 1854 год путешествовал по Казахстану и Сибири английский художник Томас Аткинсон (XXIII)*. Яркая характеристика быта казахов изложена в XV—XVIII главах его капитального труда «*Oriental and Western Siberia*». Значительная часть его этнографических рисунков ныне хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они детально воспроизводят быт казахского аула, убранство юрты, костюм и утварь. Особое значение для изучения быта и

ственное дарование Чокана Валиханова проявилось в портретах молодых пастухов (один из них в шубе и войлочной шляпе, другой — в халате) и юноши в богатом чекмене и островерхой конической шапке. В парадных костюмах Валиханов нарисовал представителей казахской знати — султанов Тезека, Мамырхана Рустемова и др. Первый — в старинном кафтане и большой круглой шапке, украшенной пером цапли или фазана, второй в пестром шелковом халате с пояском и тубетейке с коническим верхом. По своей

Рисунок
И. Клапрота.
1816 г.

народного искусства имеют работы Ч. Ч. Валиханова, в частности, его портреты, дающие большой материал о costume, например, музыкантов, среди которых знаменитые кобызисты первой половины XIX в. Канкожа Валиханов и Досжан, нарисованные в характерных для них костюмах. В наброске карандашом и пером зафиксирована мантия из лебяжьего пуха и высокая островерхая шапка баксы. художе-

выразительности выделяется групповой портрет «Казахи Большой Орды». Они также одеты в кафтаны, халаты с поясами, остроконечные войлочные шляпы. Рисунки Ч. Валиханова отличаются тонкой наблюдательностью и знанием материала. Благодаря художественной выразительности и изяществу они стали достоянием национального искусства (429).

Десять лет (1847—1857 гг.) находился в Казахстане в ссылке великий украинский поэт и художник Т. Г. Шевченко. В акварелях и офортах этого периода

* Римскими цифрами обозначены архивные источники

Рисунок
И. Клапрота.
1816 г.

Рисунок
Т. Аткинсона

Рисунок
Т. Аткинсона

Рисунок
Т. Аткинсона

Рисунок
Т. Аткинсона

Рисунок
Т. Аткинсона

Рисунок
М. Мартова

Из «Путешествия» Палласа.
Кочевья

«Киргизская семья», «Казахи у огня», «Внутренность кибитки» и т. д. он воспроизвел быт казахов. На Мангышлаке Т. Г. Шевченко работал вместе с польским писателем и художником Брониславом Залеским, другом и товарищем по ссылке. В 1850—1853 гг. друзья участвовали в экспедиции в Каратау (Сая-Кук) и на Устюрт и сделали в пути много зарисовок памятников архитектуры, которые содержат богатый материал для изучения казахского народного искусства. Несколько позднее Залеский составил из них «Альбом видов из киргизской степи» (714). Альбом был издан на французском языке. Из совместных зарисовок в него вошли «Галисман аулие», «Чар кала», «Гробница

Достана», «Ханка-баба», «Священное дерево». В 1854 году Шевченко писал Залескому: «Вчера я был на Ханкабабе, обошел все овраги, поклонился им как старым друзьям, с которых мы когда-то рисовали».

Многочисленные рисунки П. Кошарова в формате четверти листа александрийской бумаги составили два альбома, из которых один находился в рукописном отделе библиотеки Всесоюзного Географического общества СССР, другой, содержащий «типы народов Средней Азии», — в МАЭ. Рисунки, вошедшие в альбомы, П. Кошаров выполнил в течение одного летнего сезона в 1857 г. На них изображены юрты, предметы ее убранства: циновка с ковровым узором,

Стеняк

шерстяные ленты—бау и баскуры с многоцветным ромбическим и меандровым орнаментом. П. Кошаровым зарисованы военные доспехи и вооружение казахов: ружье с двумя подставками, кривая сабля, секира, копье, орнаментированные насечкой серебром. Орнаментированное тиснение по коже показано на флягах, потфее. П. Кошаров сделал рисунки головного убора женщины, мехового кафтана, вышитых шелкового халата и замшевых шаровар, мужского пояса с привесками, а также утвари, легкого седла и его лук, стремян, узды, украшенных серебряными фигурными пластинами.

В картине известного русского художника В. В. Верещагина «Богатый киргизский охотник с соколом» (1871 г.) детально показан костюм охотника—колпак из белого войлока, замшевые вышитые шаровары (146).

В Букеевской орде продолжительное время работали художники А. Калон и Г. Руссо, зарисовавшие ряд оригинальных изделий, в том числе и редкий халат с древней тамбурной вышивкой (501, с. 77; 608). Художники П. Ф. Борель и Г. Борлинг, принимая участие в военных экспедициях, побывали на реке Эмбе и около Аральского моря. П. Ф. Борель—художник Эрмитажа. Он также автор фотографий делегаций из Казахстана (475, 577, 578, 580, 581). Фотограф и художница Л. К. Полторацкая из Семипалатинска в аулах верховьев Иртыша, на Алтае и в горах Тарбагатай занималась сбором этнографических материалов и их зарисовками. Среди них—интересный экземпляр саукеле—головного убора невесты (472, 473).

Значительны заслуги в собирательстве и популяризации казахских художественных изделий Г. Н. Потанина. Он собирал образцы орнамента и посылал их известному историку искусства и критику В. В. Стасову, а также в музей Омска и Томска.

Вопросам изучения и сохранения памятников казахского народного искусства в целом и отдельных его видов, а также описанию биографий знаменитых народных мастеров посвящен ряд его статей, опубликованных в газетах (592, 622). Г. Н. Потанин собирал также легенды, мифы, предания о прошлом казахского народа, сказки.

Рисунок
Колычева.
Казахи XIX в.

Казах
и башкир

Всадник

Глубокими исследователями казахского народного искусства были В. Н. Белослюдов и алтайский художник Г. Гуркин. В. Н. Белослюдов, художник и искусствовед, жил в Семипалатинске, преподавал в учительской семинарии. Он хорошо знал жизнь дореволюционного аула. Его рисунки предметов казахского прикладного искусства ныне хранятся в музее Семипалатинска, другие папки переданы автору этих строк братом художника А. Н. Белослюдовым и находятся в научной библиотеке Академии наук Казахской ССР. В. Н. Белослюдовым зарисованы резные кровати, шкафы, подставки, шкапулки, этажерки, инкрустированные костью, написан портрет певца, поющего под аккомпанемент домбры, который был опубликован в иллюстрированном приложении к «Сибирской жизни» (1913 г., № 142). В. Н. Белослюдов и Г. Гуркин — авторы иллюстраций к поэме Густава Зелинского «Киргиз». Ими выполнены отдельные сюжеты и бытовые сцены (охотник с беркутом, мужчины и женщины в национальной одежде), пейзажи, а также рисунки юрты, ее убранства, нацио-

нальной одежды, музыкальных инструментов, жезла баксы с навершием, секиры с гравировкой, ювелирных изделий, застежек, седла с убранством, изделий из кожи с чеканными серебряными пластинами, сбруи с накладками из кости в виде стилизованной фигуры орла, своеобразных подсвечников, токарных изделий и др. (93). Только из этого перечня видно, с каким усердием и любовью занимался В. Н. Белослюдов изучением казахского народного искусства.

В альбоме В. Н. Плотникова собраны материалы по Западному Казахстану (309, с. 113—119). Рисунки М. Ворониной-Уткиной, сделанные на реке Токраун во время поездки с Г. Н. Потаниным, хранятся в МАЭ (480).

Этнографические материалы и изделия народного искусства казахов зафиксированы фотографами 60—70 годов XIX века, в частности, фотографом Русского географического общества А. Муренко, подготовившим большой альбом после поездки в Казахстан и Среднюю Азию (450). Альбомы фотографий по Семипалатинской области и этнографических рисунков подготов-

лены генералом В. А. Полторацким. Один из них экспонировался на выставке Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге (1876 г.) (266, с. ССХІХ).

В начале 70-х годов XIX века был издан всего в шести экземплярах «Туркестанский фотографический альбом». В нем фотографии архитектурных сооружений Казахстана, предметов прикладного искусства, бытовых сцен, обрядов и праздников казахов (420, с. 97—99).

Ряд интересных материалов по народному творчеству казахов опубликован в изданиях Э. Э. Ухтомского (268, с. 224, 232, 234) и Переселенческого управления (250).

Памятники казахского народного искусства публиковались в научных и художественных журналах дореволюционного периода: «Русский художественный листок», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописная Россия», «Живописный альбом «Народы России», «Воскресный досуг», «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», «Природа и люди», «Сибирский вестник».

Много материалов по этнографии и художественной культуре казахов помещалось в местных газетах: Акмолинских, Семипалатинских и Тургайских областных ведомостях, в «Киргизской степной газете», «Оренбургском листке».

В советское время постоянно публикуются материалы в центральных журналах: «Искусство», «Декоративное искусство», в сборнике Музея антропологии и этнографии АН СССР, в журналах «Вокруг света», «Советская Азия», в газетах и журналах Казахстана, в Известиях Академии наук Казахской ССР, издан ряд альбомов и книг.

Изучению, пропаганде и затем созданию музейных коллекций изделий казахского прикладного искусства способствовало проведение выставок. Впервые они были показаны в Петербурге в 1865 году на этнографической выставке промысловых достижений народов России. Большая выставка была организована Обществом естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1867 году. Среди экспо-

натов наиболее ценные были из Западного Казахстана, предоставленные генералами Н. А. Крыжановским и Л. Ф. Баллюзеком (387): темно-синие чекмени, чекмень из мягкого верблюжьего пуха, плюшевый халат, вышитый золотом, меховая шапка с коническим верхом, саукеле с кораллами, цветными камнями и металлическими коническими фигурными подвесками, бархатный малиновый нагрудник, вышитый золотыми и шелковыми нитками, ювелирные изделия.

Как показывает описание В. Ф. Миллера, среди экспонатов выставки были изделия из Каркаралинского округа, в частности, костюм бывшего султана этого округа, отца великого казахского поэта Абая — Кунанбая Ускенбаева, его пояс и высокая шапка из тонкого войлока, пропитанного белой минеральной краской (179, с. 99).

В 1868 году по случаю приезда в Казахстан великого князя Владимира, старшего сына царя Александра II, была организована степными округами Сибирского ведомства показательная выставка казахской промысловой культуры (332). Среди ее экспонатов выделялись юрты акмолинца Нурмагамбета Сагнаева и атбасарца Мейрама Джа-

Рисунок
М. Федорова,
гравюра
А. Серякова

найдарова. На этой выставке преподавателем Омского кадетского корпуса Н. Буланже сделано пятьдесят фотографий экспонатов.

Большую часть экспонатов, всего около ста, составили дары султана Кокчетавского округа Чингиса Валиханова — отца Чокана Валиханова, в их числе юрта с убранством, дорогие замшевые шубы с вышивкой, шуба из шкуры жеребенка, плащ из тонкого войлока, девичьи шелковый халат с вышивкой и меховая шапка с высоким острым вер-

лока, мужской пояс и др. (179, с. 103—104).

Казахские художественные изделия наиболее полно были представлены на выставке Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге в 1876 году. Президент этого конгресса востоковед В. В. Григорьев через омского художника М. С. Знаменского обратился к Чингису Валиханову с просьбой представить на выставку станок для obtачивания и шлифовки драгоценных камней, принадлежавший некогда хану

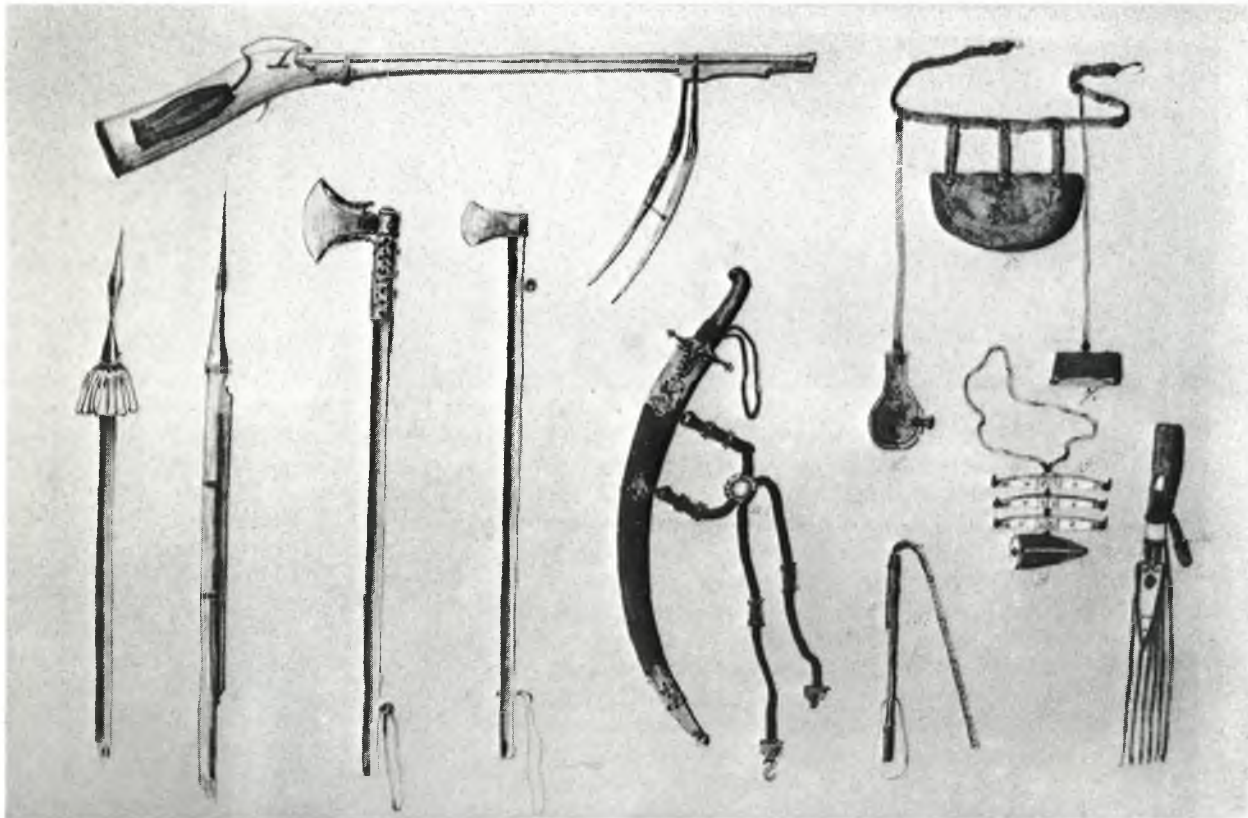

Рисунок
П. Кошарова.
Оружие
казахов

хом малинового цвета, украшенная кораллами и пучком перьев, конская сбруя и др.

Здесь же были выставлены ценные экспонаты, принесенные в дар султаном Семипалатинского округа Арынгазы Хангожиным: юрты с убранством, женское седло, инкрустированное серебром, шелковое покрывало, кожаная попона с тиснением, мужское седло, отделанное серебром с позолотой, вставками из сердолика и бирюзы, вышитая одежда, кафтан из дубленой кожи жеребенка, плащ из тонкого вой-

Аблаю. Комитет конгресса просил также прислать фотографии архитектурных памятников Ботыгая на реке Нура и Алаша-хана в Улугауской степи на реке Кенгир.

Среди экспонатов, отправленных Чингисом Валихановым, были и личные вещи хана Аблая: вышитая золотом шапка, пика, фитильные ружья, кинжалы в ножнах, богатые пояса с привесками, украшенные самоцветами и серебром. На этой же выставке экспонировались личные вещи предков Чингиса и представленные А. К. Гейнсом зам-

шевые халаты, мужские пояса с привесками, колчан, убранный кораллами, цветными камнями и позолоченным серебром, головной убор из плюша, вышитый золотом, шапка из меха выдры и т. д. (XXII, л. 30—32).

Основная масса экспонатов была собрана в Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском округах. По описи, составленной П. И. Лерхом, из Омска в Петербург поступило около четырехсот предметов. Предварительно они были выставлены в Акмолинске и Петропавловске, затем в Омске (563, 566, 567). Интересна была Омская выставка. Экспонаты были выставлены в залах областного правления Западной Сибири. В первом зале — кожаные и шерстяные изделия: обувь, тисненные кожаные ковры, пряжа овечья и верблюжья, плащи из тонкого войлока.

Было собрано много посуды: чаши и миски для кумыса, украшенные серебряными пластинами. В особой группе были показаны орудия земледельцев и инструменты ремесленников, ткацкий станок.

Во втором зале было выставлено вооружение: фитильные ружья, сабли, кинжалы из стали, а также колчаны, кольчуги, шлемы, секиры, орнаментированные серебром, нагайки, пики с длинным древком, боевые барабаны и т. д. На выставке экспонировались детское седло, конские сбруи, украшенные серебром и нередко самоцветами. Из них выделялась одна своими массивными золотыми и серебряными накладками, покрывавшими узду, нагрудник, потфей, стремяна.

В третьем зале были показаны одежда и ювелирные изделия. Прежде всего это богатый плюшевый халат, весь расшитый золотом, кафтан из шкуры жеребенка, кафтаны из сукна и козьих шкур, вышитые шелком, колпаки из тонкого войлока, круглая девичья шапка. В большом количестве были представлены саукеле и женские украшения: браслеты, серьги, перстни, кольца, пряжки, массивные пуговицы, нагрудные украшения, выполненные из серебра и золота.

Наиболее ценные экспонаты выставки — саукеле, ювелирные изделия, а также уникальная юрта Алмазова в 1878 году были отправлены в Париж

на Международный этнографический конгресс (560; I).

Художественные изделия казахов широко были показаны на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 году (60), в Екатеринбурге в 1888 году (V), в Ташкенте в 1890 году (600; 648) и в Казани в 1890 году (572).

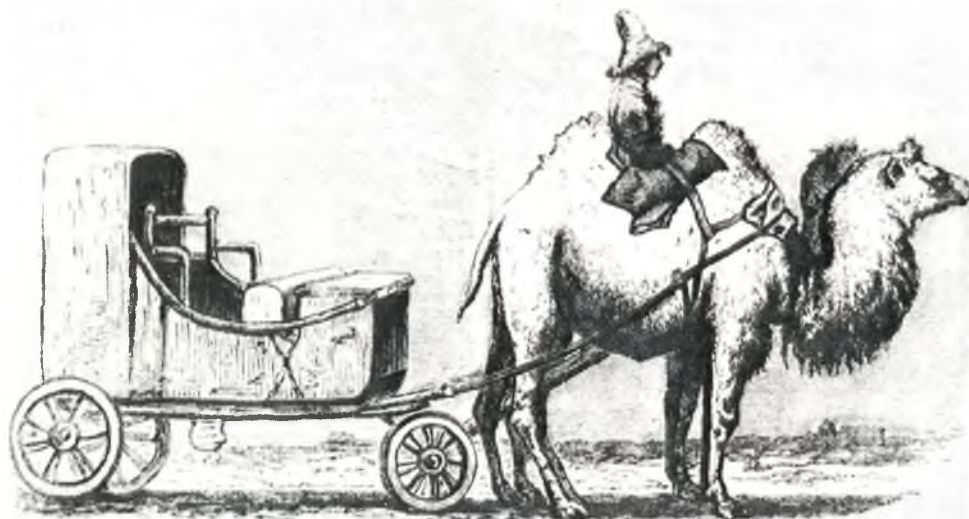
На Казанской выставке экспонировались юрта с богатым убранством, одежда султана Ибрагима Адилева, шелковые халаты, расшитые золотом, халат из темно-синего плюша, вышитый золотом, ценой пятьсот рублей, парадная шляпа из войлока, тюбетейки, а также женская соболья шапка с верхом, расшитым жемчугом и украшенным золотыми фигурными пластинами.

Как часть Всероссийской промышленно-художественной выставки (1893—1896 гг.) была организована выставка в Нижнем Новгороде в 1896 году. Среди ее экспонатов были головной убор невесты из Атбасарской степи, попона для коня и меховая шапка, шитые золотом, — предметы большой ценности.

Несколько художественно-этнографических выставок было организовано Г. Н. Потаниным и художником Г. Гуркиным в Томском университете в 1907, 1909 и 1910 годах (623).

В 1914 году на основе материалов М. Ворониной-Уткиной, собранных на реке Токраун в Каркаралинской степи, Г. Н. Потанин организовал в Томске выставку, вызвавшую большой интерес. Материалов было так много, что Г. Н. Потанин поставил в Томском кустарно-промышленном комитете вопрос об организации музея народного искусства казахов и других народов Сибири, написал об этом несколько статей. Большой заслугой Г. Н. Потанина является его деятельность по организации в Омске при Западно-Сибирском отделе Географического общества музея, экспонатами которого стали произведения казахского прикладного искусства. Подвижническая деятельность Г. Н. Потанина может служить примером в деле изучения, сохранения и популяризации наследия народного искусства.

В советское время большая выставка казахского искусства проводилась в Москве в 1923 году. В последующие

Повозка

Акыны
и музыканты.
1868 г.

Арба

Всадники.
1868 г.

Казахи
Семипалатин-
ской области.
1868 г.

годы наиболее крупные выставки устраивались во время декад казахской литературы и искусства в Москве в 1936 и 1958 годах.

В последние годы такие выставки систематически организовываются в городах и районных центрах республики. В ГМИ Казахской ССР имени А. Кастеева создан отдел декоративно-прикладного искусства, имеется постоянная экспозиция, сотрудники музея планомерно и регулярно проводят экспедиции по сбору и изучению изделий народных мастеров. Широко пропагандируют казахское народное искусство ЦГМК, областные историко-краеведческие и народные музеи республики.

Наиболее ценные памятники казахского народного прикладного искусства XVI—XVIII веков сосредоточены в Государственном Эрмитаже, ГМЭ и МАЭ.

В Эрмитаже хранятся шелковые и суконные халаты с вышивкой тамбуром, плащ для лучников без рукавов из тонкого войлока, вышитый голубым шелком, образцы вышивки и т. д.

В коллекции ГМЭ наиболее ценны юрты с богатым наружным и внутренним убранством: войлочными, ткаными безворсовыми и ворсовыми, шерстяными и шелковыми коврами; циновками, ковровыми дорожками, ткаными лентами с кистями и бахромой, сумами из войлока, чехлами для сундуков из войлока и кожи.

В коллекции этого музея хранятся образцы резьбы по дереву: инкрустированные пластинами из кости и металла двери юрты, шкафы, лари для хранения продуктов, подставки, деревянные кровати и изголовья, а также посуда: миски, чаши, ковши, мутовки для взбалтывания кумыса; седла, вешалки и музыкальные инструменты. Здесь много предметов из тисненой кожи, главным образом сосудов и попон для седла, ювелирных изделий.

Широко представлен старинный костюм: замшевые кафтаны и шаровары, искусно расшитые шелками, халаты парчовые, суконные и шелковые; крытая тканью шуба бас тон — самая дорогая в приданом невесты, которую дарят ей родители жениха, и т. д.

Интересна в этом музее коллекция женских свадебных головных уборов —

саукеле, многие из которых экспонировались на международных выставках. Из мужских головных уборов имеются высокие войлочные шляпы, различные меховые шапки, вышитые тюбетейки. Среди художественных изделий, хранящихся в МАЭ, интересны мужские пояса. Они украшены накладными пластинами из серебра с инкрустацией самоцветами, имеют подвески, покрытые резными пластинками из кости.

Отдельные ценные предметы казахского народного искусства хранятся в ГИМе, Государственном музее искусств народов Востока, Омском музее. Памятники казахского прикладного искусства хранятся также в музеях Казани (женские головные уборы), Ташкента (изделия из Семиречья, Центрального Казахстана и района Сырдарьи), Нукуса (ювелирное искусство Мангышлака и Приаралья).

В изучение истории казахского народного искусства значительный вклад внесли русские ученые. Прежде всего следует отметить В. В. Стасова. В. В. Стасов был другом Г. Н. Потанина и А. В. Потаниной, он рекомендовал им собирать памятники казахского прикладного искусства для музеев. В его архиве есть опись изделий, переданных Потаниными в Омский музей (254, т. II, с. 234; 528; 674).

Изучением казахского народного искусства на протяжении ряда лет занимался один из крупных ученых и искусствоведов конца XIX — начала XX в. С. М. Дудин. Он работал в системе трех учреждений: Академии художеств, Академии наук и Комитета по изучению Средней и Восточной Азии и имел возможность широко обследовать прикладное искусство казахов Сырдарьи и Таласа, Чу и всего Семиречья, а также киргизов и узбеков во время участия в экспедиции В. В. Бартольда в 1894 году (456, с. 354—357).

В заявлении на имя президента Академии художеств С. М. Дудин писал, что «во время поездок по Средней Азии попутно собрал обширный материал по орнаментике народностей, населяющих эту страну», в котором «отлилась потребность человеческого духа изобразить видимое в пластических образах» (XXIX).

Материал, о котором пишет С. М. Дудин, — это выполненные акварелью с

натуры на шестидесяти листах размером 57×73 см рисунки орнаментальных композиций на изделиях из дерева, войлочных и тканых коврах. Аналогов ковров, зафиксированных С. М. Дудиным, позднее не обнаружено. В настоящее время рисунки хранятся в Научно-исследовательском музее Академии художеств СССР.

С. М. Дудин — один из крупнейших историков и теоретиков искусства народов Средней Азии. В 1901 году в журнале «Зодчий» была напечатана его работа «Резьба по дереву у киргизов». В 1905 году были опубликованы акварели орнаментов резьбы и росписи по дереву, инкрустации (359). После революции С. М. Дудин опубликовал теоретическую работу «Казахский орнамент» — результат многолетнего изучения казахского народного искусства (360).

Одним из энтузиастов изучения казахского прикладного искусства был Р. Карути, специально приехавший на Мангышлак для обследования быта, культуры и искусства казахов и туркмен.

Казахский ковровый орнамент изучал А. Е. Фелькерзам, автор работы «Старые ковры Средней Азии». Он описал около двадцати ковровых узоров, названия которых, однако, в его записи сильно искажены (541).

Искусствовед В. М. Чепелев — автор статей «Об искусстве казахского народа» и предисловия к альбому Е. А. Клодта «Казахский народный орнамент». По В. М. Чепелеву, истоком казахского народного искусства является скифо-гуннская среда, особенно алтайский круг искусства (545). Казахский народ, по его мнению, унаследовал художественную культуру своих предков, оставивших на территории Казахстана много памятников. В. Чепелев прослеживает преемственность казахского орнамента, в частности, узоров на войлочных изделиях, с древней орнаментацией на тканых и войлочных коврах из курганов Ноин-Улы и Пазырыка.

В. М. Чепелева особенно интересовали орнамент и цветовое решение войлочных и тканых ковров. Он выделил несколько типов тканых ковров, среди них с коричнево-терракотовым фоном, восьмиугольной розеткой и изображе-

ниями животных. Ковер с таким фоном был представлен на выставке казахского искусства во время декады в 1936 году. Наиболее характерным для казахов исследователь считает ковер с красно-малиновым фоном и восьмиугольными розетками (128, 545).

Ковровый орнамент на примере мозаичных войлочных постилочных ковров типа сырмак и настенных ковров тускииз изучали Б. В. Веймарн и И. М. Сысоев. Исследования предшественников продолжили казахстанские ученые Э. Масанов (434), Х. Аргынбаев (657), И. Захарова и Р. Ходжаева (92) и др.

Много сведений об изделиях прикладного искусства содержится в поэмах «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Кыз-Жибек», «Айман — Шолпан», «Камбар-батыр», «Кобланды-батыр» и т. д. В них встречаются описания убранства юрты, костюмов, женских украшений. В поэмах «Кыз-Жибек» и «Айман — Шолпан» описаны богатые караваны кочующего аула, нагруженные дорогами и красивыми коврами, халатами, шубами. В поэме «Алпамыс» подробно говорится о коврах с белым фоном, золотой шелковой и шелковой одежде героини Гульбаршин. В героическом эпосе «Кобланды-батыр» можно прочесть о мастере-оружейнике, который изготовил стальной кинжал с золотыми ножами, эфесом и рукояткой. В поэме «Ер-Косай» воспевается девушка Алуакеш. На ней золототканное платье, шапка, обшитая кораллами и жемчугом, в косы вплетены фигурные золотые подвески.

В этих эпических произведениях прослеживается историко-культурная традиция, восходящая к эпохе кипчаков-ногайцев и к еще более древнему времени. Дорогие предметы из золота, искусно украшенные жемчугом и кораллами, часто обнаруживаемые в древних погребениях Казахстана, подтверждают народные сказания. Казахский эпос — это собственно кипчаковногайский эпос. В нем, кроме предметов из золота, украшенных драгоценными камнями, описаны золотые дворцы, повозки, щиты.

Не менее интересный материал можно почерпнуть из сказаний, легенд, основная тема которых — трудолюбие и талантливость народных мастеров. В на-

родных преданиях заложена высокая оценка искусства и мастерства. О них рассказывается в преданиях «Мастер», «Два кузнеца», «Состязание Аю-акына с кузнецом», «Кузнец и портной», «Мастерство», «О золотых дел мастере», «Золотая доля» в собрании А. А. Диваева.

Известна легенда о кузнеце Токтабае. Он мастер своего дела, уважаемый всеми человек. Токтабай воспитал много молодых умельцев, которые в свою очередь выучили новое поколение мастеров.

В легенде «Сумрай-хан» описана жизнь знаменитого народного мастера, у которого было сто сыновей и сто дочерей (учеников и учениц)—все прекрасные умельцы. Однажды хан запретил им пользоваться водой из его канала, а потом убил главного мастера и отрезал руку его прекрасной дочери. Народ ворвался в ставку хана и умертвил его. В знак почтения к мастеру его ученики посвятили ему узор под названием су—вода, а его дочери—орнамент с мотивом цветка.

Легенда «Онере»—«То, что прекрасно» интересна тем, что в ней рассказывается о хане-труженике. Он был очень трудолюбив и каждый год ткал по ковру, который поражал всех своей красотой. Особенно красив был его ковер с красным фоном. Из исторических источников известно, что в XV—XVIII веках казахские ханы нередко владели каким-нибудь ремеслом (676—690).

Как известно, начиная с XVI века, ислам запретил изображение человека и животных. Однако древняя культурная традиция была сильна. В период позднего средневековья народные мастера вырезали из дерева скульптурные изображения скакунов, маралов, ловчих птиц. Данные об этом содержатся в сообщениях путешественника Ф. Назарова, проезжавшего через Центральный Казахстан летом 1813 года. На одном из некрополей на реке Ишим он видел воткнутые копыя и сделанных из дерева ястребов.

На протяжении веков изображения человека, животных и птиц включались в

композиции фресок в купольных мавзолеях, вышивок на одежде, резьбы и тиснения на утвари. Об этом свидетельствуют памятники, зафиксированные на рисунках Е. А. Клодта, а также опубликованные в альбоме Н. Оразбаевой по прикладному искусству казахов. Люди, животные (козлы, олени, барсы, тигры), птицы (соколы и ястребы) вышиты на старинном замшевом халате, хранящемся в Государственном Эрмитаже. Е. А. Клодтом опубликованы ковровые изделия, на которых изображены дерущиеся бараны, голова волка, парящий орел; детская тубетейка с изображением верблюда, браслет с изображением орлиного грифона. Одним из ярких примеров реалистического рисунка является изображение черного жеребенка, вышитого в центре старинного войлочного ковра, обшитого красным сукном. Этот сурмак экспонировался на выставке ориенталистов в Петербурге в 1876 году (XXII, л. 197—199).

Для понимания казахского народного искусства определенный интерес представляют суждения о нем поэта-просветителя Абая Кунанбаева. Он указал, что казахское прикладное искусство—проявление талантливости народа. Его еще называют *шеберлик*—мастерство, *исмерлик*—художественное ремесло, *оферпаздык*—высокое искусство. Народных мастеров называют *шебер*, *исмер*, *уста*. Абай отмечал уважение, которым пользовались мастера. Они сами делали орудия труда и инструменты, были трудолюбивыми. Изделия, созданные ими, украшали жизнь. Мастер—воплощение физической и духовной красоты. Он советлив, вежлив, предупредителен, умен, образован. Трудится тщательно и добросовестно, не ошибаясь. Абай пишет, что мастеров уважали не только за их талант и умение, но и как воспитателей подмастерьев.

Абай прославлял не только мастеров, но и родную землю за ее богатство и те дары, которые использует человек: золото, серебро, древесина и т. д. Абаем описаны основные виды народного искусства и их значение в жизни казахов.

Аул

глава 2
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
РАЗВИТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
РЕМЕСЕЛ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Основными факторами для развития ремесел и прикладного искусства были скотоводство, орошаемое земледелие, обработка металла, торговля и т. д. Скотоводство было главным в хозяйстве казахов. Они разводили овец, лошадей, верблюдов. И. П. Фальк писал: «У кайсаков необыкновенно большие стада прекраснейшего скота. Овца — столь же необходимое животное в обиходе, как и лошадь. Мясо овцы очень деликатно, скорее всего по причине множества в степи трав подорожника... Стригут овец два раза в год. Из бараньих шкур они делают себе зимнюю одежду» (211, с. 159). Скотоводство давало сырье: шерсть, пух, кожу, рога и т. д. Особо ценились шкуры жеребят и ягнят. Из их кожи выделывали замшу на халаты, кафтаны, шаровары. В отдельных регионах Казахстана до середины XIX века пастбищно-кочевое скотоводство сочеталось с орошаемым земледелием.

Один из знатоков казахского быта Я. Жарков писал, что между казахами с давних времен множество земледельцев. О земледельческом быте казахов писал один из выдающихся ученых прошлого Н. М. Ядринцев: «Киргизам... было давно известно земледелие... Оно существовало рядом со скотоводством. Обычай ирригации остался доселе... у киргизов Семипалатинской области, где земледелие весьма значительно. Стало быть, наши представления о том, что инородческие племена, скотоводы и кочевники не знают земледелия, — были неверны, они давно знают способы посева» (291, с. 159).

В. В. Бартольд утверждал, что «несмотря на сохранение кочевых традиций, киргизы не были чужды земледельческой культуры» (31, с. 224—225).

Основными центрами земледельческой культуры на территории Казахстана были бассейны рек Сырдарья, Таласа, Чу и Или. Например, к западу от реки Чу находился город Талас с населением, состоявшим из полуоседлых скотоводов, ремесленников и торговцев. В период карлуков и караханидов Талас — крупный политический и культурный центр феодального государства, город с прекрасной архитектурой. Он славился развитыми ремеслами, торговлей, скотоводством, земледелием и виноградарством.

При археологических раскопках в Таласе открыт ряд памятников искусства. В их числе фигурные терракоговые плиты для облицовки фасадов общественных зданий, керамика с теми же узорами, что и на войлочных коврах, бронзовый водолей, светильник, зеркало, каменные формочки для отливки женских украшений, обломки стеклянных изделий. Из сельскохозяйственных орудий — лемехи, жернова, железная коса, топоры и другие, которые свидетельствуют о наличии земледелия (252).

Исторические источники и археологические материалы выделяют долину реки Сырдарья также как центр древнейшего орошаемого земледелия и основного местопребывания оседлого и полuosедлого казахского населения в XV—XIX веках. Все средневековые города Сырдарья и Карагау, развитое там орошаемое земледелие довольно подробно освещены в русских источниках XVI—XVIII вв. (129, 130, 424).

По данным И. Г. Андреева, С. В. Броневского, А. А. Шахатова, А. К. Красовского, Ю. А. Шмидта и других, в долинах многочисленных рек и озер Центрального, Северного и Восточного Казахстана также было развито земледелие. Об основных направлениях хозяйства Центрального и Северного Казахстана писал в первой половине XIX века офицер Идаров: «Киргизы Средней орды занимаются хлебопашеством, скотоводством, ремеслами и торговлей. Засевают озимый и яровой хлеб. Киргизские пашни приспособлены к искусственному орошению» (376, с. 23).

Казахстан богат запасами полиметаллических руд, драгоценных и полудрагоценных камней.

На территории Казахстана сохранилось много древних выработок, что позволяло относительно легко добывать руду, из которой выплавляли железо, серебро, медь и т. д. В записке одного из исследователей Казахстана говорится: «В прежние времена обитатели степи, находя много самородков меди, выделывали из нее копыя, казаны и другое» (572, с. 39).

По данным советских геологов, по северо-восточной периферии гранитных массивов Центрального Казахстана, почти по меридиану от Борового на

юго-восток до Алтая и Тарбагатая, находятся золотоносные массивы. На этом огромном пространстве с севера на юг расположены древнейшие прииски жильного и россыпного золота.

У казахов сохранились легенды о стерегущем золото джигите. Вариант одной из таких легенд записан геологом Н. И. Наковником: «Есть в степях Казахстана древний рудник Саяк, и нет конца его копам. На глубине их лежат тысячи лошадиных голов из золота, а их охраняет святой человек с золотым жезлом» (183, с. 178).

Золото преподносили в дар. Оно было одним из главных предметов торговли. Из золота мастера-зергеры делали украшения для знати. Есть казахская поговорка: «Искусство мастера познается только в золоте и серебре».

В XV—XVIII вв. территория Казахстана считалась одним из богатейших регионов по добыче не только золота, но и драгоценных и полудрагоценных камней. Известным месторождением поделочных камней в прошлом был пункт «Козтас», расположенный в пределах Джунгарского Алатау. Месторождение Алтын-Тобе, расположенное в Ульяновском районе Карагандинской области на берегу реки Нура, известно тем, что здесь находили диоптаз, или аширит. Этот минерал назван геологами аширитом в честь казахского рудознатца Ашира Зарипова, который открыл его. В 1785 году он представил коменданту Коряковского форпоста (ныне Павлодар) Бентаму кристаллы зеленоватого цвета, похожие на изумруды. Бентам также считал — это изумруды и послал их в Петербург. Химический анализ показал, что это диоптаз.

Знатком драгоценных камней Центрального Казахстана был горный инженер Л. Ф. Гауфман. Он открыл Каркаралинское месторождение бирюзы, которое, по его мнению, могло считаться первым в России. «Цвет Каркаралинской бирюзы довольно приятный,— писал он.— Так что она в торговле займет место наравне с восточной бирюзой».

В верховьях реки Тургай встречаются аметист, сердолик, горный хрусталь и др.

Многие из описанных минералов до сих пор добывают в разных районах

республики. Крупные геологические экспедиции открывают новые месторождения. В Талды-Кургане находится постоянная экспедиция по изучению цветных камней.

На развитие казахского народного искусства определенное воздействие оказали торговые связи, способствовавшие культурному обмену между народами.

На территории Казахстана и Средней Азии в древности были проложены два сухопутных маршрута с востока на запад и с запада на восток.

С древности основными предметами торговли у казахов были скот и продукты скотоводства.

В XV—XVII вв., в период обособления казахов в особую консолидацию отдельного народа, происходит возрождение городов Сырдарья: Отрара, Саурана, Сыгнака, Туркестана, Сузак и других. При раскопках Отрара обнаружены торговые ряды, кварталы ремесленных мастерских, в которых производились изделия для внутреннего рынка.

Отрар был центром гончарного производства. Мастерские, датируемые XVI веком, были расположены в северо-восточной части городища. В них сохранились остатки печей, в которых обжигались керамические изделия и покрывались глазурью голубых, синих, белых, зеленых и коричневых тонов. В мастерских по обработке металла сохранились следы шлаков, меха, поясные накладки с орнаментом, бронзовый браслет, узорчатое стекло и др. В мастерской найдены наждак для шлифовки и чистки цветного камня и стеклообразной массы, палитра для красок, наковаленки. Из привозных товаров обнаружены резной нефрит, коралловая бусинка (15, с. 58—122).

О росте торговых связей и товарообменных отношений в Отраре в период культурного и экономического расцвета казахского ханства свидетельствуют находки на городище более трех тысяч медных и серебряных монет (8, с. 12).

Другим крупным торговым и ремесленным центром был город Сыгнак, расположенный на правом берегу Сырдарьи, ближе к южным предгорьям Каратау. Впервые он упоминается в китайских источниках. В сочинении «Худуд ал-алам» Сыгнак характеризуется как бо-

гатый город. По сообщению Рузбихана, Сыгнак «обстроенный, земледельческий и населенный пункт... является местом сосредоточения купцов. Здесь всегда в достаточном количестве имеются товары всех стран» (97, с. 109).

Важное значение имели торговые связи казахов с Китаем, городами Средней Азии, которые установились с древнейших времен. Казахи постоянно ходили с караванами в Самарканд, Бухару, Хиву, Мерв и в Ферганскую долину, откуда привозили шелк и хлопчатобумажные ткани, а сами туда пригоняли стада баранов и табуны лошадей.

Большое значение для развития казахского ремесла имели торговля с Россией, а также расширение торговых связей России с Китаем. Начало торговли с Россией относится еще к XVI веку, когда казахи и ногайцы из степей пригоняли большие табуны лошадей для продажи, чтобы затем на деньги купить необходимые промышленные товары. И. Георги писал, что все необходимое «для удовлетворения суетности и для житейских выгод получают они через торги с Россией, Бухарией и Хивую...» (64, т. II, с. 136—137). А у русских большим спросом пользовались товары казахов — ткань из верблюжьей шерсти и тонкий войлок. Было «повелено тайному советнику В. Татищеву наведаться от киргизцев, каким бы образом можно шерсть оттуда доставать, и на первый случай хотя малый торг учредить» (211, с. 165).

Интенсивно развивалась русско-казахская торговля с XVIII века. Крупным торговым центром в середине XVIII века был город Оренбург. Позднее здесь был заложен гостиный двор, состоявший из нескольких сот лавок. Здесь в основном торговали казахи западных областей, а северных и восточных — в Троицке, Петропавловске, Омске, Семипалатинске и Усть-Каменогорске (64, т. II, с. 136—137;

199, ч. I, с. 346).

После того, как в Семипалатинске был учрежден таможенный округ для торговых связей со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Китаем и Монголией, он стал крупным центром транзитной торговли с Западным Китаем, через него проходило множество караванов верблюдов, направлявшихся в торговые города Западного Китая: Хотан, Яркенд, Кашгар, Урумчи, Кульджу и Чугучак.

Развитию торговли в Казахстане способствовало положительное решение ряда вопросов, в том числе и освобождение казахских товаров от пошлин в 1827 году, установление порядка причисления казахских торговцев в купеческое звание, предоставление казахским купцам заграничных билетов для торговли в Китае, Индии, Иране, Афганистане, Средней Азии (VIII, IX, XXXIV). Эти меры способствовали приобретению нужных товаров, а также культурному обмену между народами.

В Казахстане были организованы Ирбитская, Сузунская, Оренбургская, Куяндинская, Тайчинская ярмарки. Из них самой крупной была Куяндинская. Она была организована купцом В. А. Ботовым и поэтому ее еще называли «Ботовской». Здесь продавали свои товары купцы из Павлодара, Семипалатинска, Омска и т. д. Большую часть ярмарки занимали ряды ташкентских, хивинских, мервских и кашгарских купцов, продававших китайский и иранский шелк, ковры, ткани и т. д. Проводилась она ежегодно (627; 116, с. 505—507, 688; XXIV, л. 1—83; IV, л. 1—197).

Вопросы внутренней торговли отражены в трудах А. Тетеревникова (256), Г. И. Колмогорова (397), в изданиях Российского Министерства финансов (198) и в газете «Северная почта» (616).

глава 3

ИСТОКИ
КАЗАХСКОГО НАРОДНОГО
ИСКУССТВА

Истоки казахского народного искусства уходят в глубокую древность. Об этом свидетельствуют памятники эпохи бронзы, найденные на территории Казахстана: керамические изделия с геометрическим орнаментом, изделия из кости, украшения из меди, бронзы и золота.

Среди них бронзовая крестообразная пластина с закругленными краями из могильника Сангру I. Ее форма напоминает розетку, встречающуюся в композициях казахских войлочных ковров. На других изделиях встречены мотивы астрального круга — символа небесных светил, огня и неба — верховного божества (по-тюркски — кок тэнгри), по народным поверьям, оберегающего жизнь человека.

В эпоху бронзы была развита резьба по кости. В поселении Шортанды-Булак в Каркаралинской степи обнаружены миниатюрная полированная пуговица полушарообразной формы, трубчатая кость лошади с резным орнаментом из ромбов и треугольников, пластинка с резьбой по бордюру двух рядов мелких треугольников и солярного круга в центре. Из находок уникален циркуль, которым размечался орнамент. На краях инструмента нанесена резьба также в виде двух рядов треугольников с чередованием вершин то вверх, то вниз. Такой же рисунок встречен на обломках костяных рукояток. Большой художественный интерес представляют костяные резные застегки, найденные в Алексеевском поселении под Кустанаем. Эти памятники являются прототипами более позднего искусства.

Есть основания полагать, что народное искусство казахов находится в генетической связи с искусством саков, усуней, гуннов и других племен, населявших в древности территорию Казахстана. Они имели сходные бытовые черты и форму хозяйства. Вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством. Лошадь имела наибольшее значение в жизни скотоводов. Лучших коней приносили в жертву. Череп и копыта коня служили оберегом. Например, саки подвешивали к поясу копыта знаменитого скакуна как предмет, приносящий счастье в пути и оберегающий от гибели во время боя. Такой же обычай был и у казахов.

Известно, что казахи поклонялись на-

скальным изображениям копыт скакуна, которые в огромном количестве открыты в Центральном Казахстане, в горах Каратау и Мангышлака. Эти рисунки казахи называют *тулпар тас* — камень скакуна. Аль-Бируни и Казвини отмечали, что этим рисункам поклонялись огузы и кипчаки (171, т. II, с. 195). Изображение копыта скакуна встречается и на обожженных кирпичах мавзолеев Центрального Казахстана, например, мавзолея Келин-там на реке Кенгир (XIII век).

Волк — один из тотемов саков и тюркомонголов. В честь волка у тюркомонгольских племен проводились конные состязания. У казахов бытовала конно-спортивная игра «кок-бори» — «серый волк». Позднее она стала называться «кок-бар».

Известен обычай добрачного состязания юношей и девушек у саков. Только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть.

Казахская народная игра «кыз-бори» — «волк-дева» — также поединок юноши и девушки (331). Он описан в казахском эпосе и в фольклоре некоторых народов Средней Азии. Яркое описание его имеется у Марко Поло, которому довелось увидеть его в Семиречье в XIII веке (168, с. 248). В наше время эта древняя традиция продолжает жить в виде конной игры «кыз-куу» — «догони девушку».

Известно, что знамена Тюркского каганата украшались волчьей головой. Изображения знамен в виде волчьей головы сохранились до наших дней на наскальных гравюрах. Копия одной из них, найденной в горах Курдая, экспонируется в ГМИ Казахской ССР им. А. Кастеева. Изображение волчьей головы часто встречается на художественных изделиях казахов XVIII—XIX веков.

Тотемами гуннов и многих тюркоязычных народов были также олень, лебедь, бык. Бык, по представлениям древних, олицетворял силу и власть. Чтобы иметь славное потомство, новорожденным давали имя быка.

Олень приносил счастье и благополучие, указывал путь странникам. И не случайно олень часто изображался в виде золотых фигур многими поколениями древних мастеров. Культ оленя сохранился у казахов и киргизов до

наших дней. Рога оленя, как и барана, являются основными мотивами в их орнаменте.

У туңнов считалось, что лебедь охранял домашний очаг. У казахов лебедь является табу, его не убивают, почитают как священную птицу, приносящую счастье семье.

На рельефах дворца в Персеполе и на гробнице в Пасаргадах в длинных кафтанах и остроконечных шапках изображены саки. Костюмы казахстанских племен раннего средневековья, описанные в китайских источниках, по своей форме сходны с сакскими, например, военный плащ. У казахов подобный плащ называется кебенек. Островерхая зимняя меховая шапка казахов *тымак*—треух с налобником и тремя лопастями, из которых задняя самая широкая и длинная, закрывающая затылок, шею и верхнюю часть спины, похожа на островерхие шапки с тремя лопастями, найденные в Амударьинском кладе и Пазырыкских курганах. Тип амударьинского треуха с высоким верхом, откинутым назад, долго бытовал у казахов Мангышлака и Актюбинской области.

В «Прикованном Прометее» Эсхил сообщает о скифах, которые живут на высоких повозках с колесами под плетеными кибитками.

По описанию Страбона, кибитки nomadов «сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут» (418).

«Наименьшие из них,—писал Гишюкрат,—бывают четырехколесные, а другие шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов, за которыми следуют стада овец, коров, табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стада, а когда ее не хватает, переходят в другую местность» (418).

Повозка как передвижное жилище проходит через всю историю степных скотоводов-кочевников.

Исследователи отмечают, что Среднюю Азию, включая Казахстан, Алтай и Южную Сибирь, в прошлом населяли

родственные племена, тесно связанные между собой общей культурой и на протяжении веков сохранявшие постоянные контакты. Эта общность установлена на основе изучения памятников указанных регионов, относящихся к VII—IV вв. до н. э., когда на обширной территории обитали саки—азиатские скифы.

В Семиречье, Центральном и Западном Казахстане, на Сырдарье, в горах Джунгарского Алатау и Тарбагатай археологи открыли некрополи саков с сотнями каменных и земляных насыпей, самые большие из которых достигают в диаметре ста шестидесяти метров, а в высоту—двадцати метров.

Огромными размерами отличаются «царские курганы»—захоронения племенных вождей. Они большей частью находятся в Семиречье и верховьях реки Токраун: Кара-Шоқы, Сыпра-оба и Корпетаі «с тридцатью семью воинами».

Характерными памятниками сакской эпохи на территории Казахстана являются курганы «с усами»—каменными грядами и подбойные погребения. Курганы «с усами» особенно распространены в Центральном Казахстане, меньше—в Семиречье и на Сырдарье. Их материалы отражают историю и самобытную культуру древнейших сакских племен (VII—VI вв. до н. э.).

В Восточном Казахстане и на Алтае известны знаменитые захоронения Чиликты, Пазырык, Коганды, Берель, Шибэ. Т. Аткинсон справедливо считал, что подобные памятники создавали не только скотоводы, но одновременно и земледельцы, так как они отражают обжитость степи и широкую культурную связь племен.

Уникальные памятники найдены в Пазырыкских курганах на Алтае. На основе их изучения известный советский археолог С. И. Руденко писал: «Население Горного Алтая было консеводами, имело жилище, сходное с казахскими, и в антропологическом отношении близко к современным казахам и киргизам в скифское время» (225).

Из открытых в Пазырыкских курганах памятников для нашей работы наибольший интерес представляют войлочные изделия: ковры и небольшие коврики, настенные украшения, попоны для верблюдов и т. д. В изготовле-

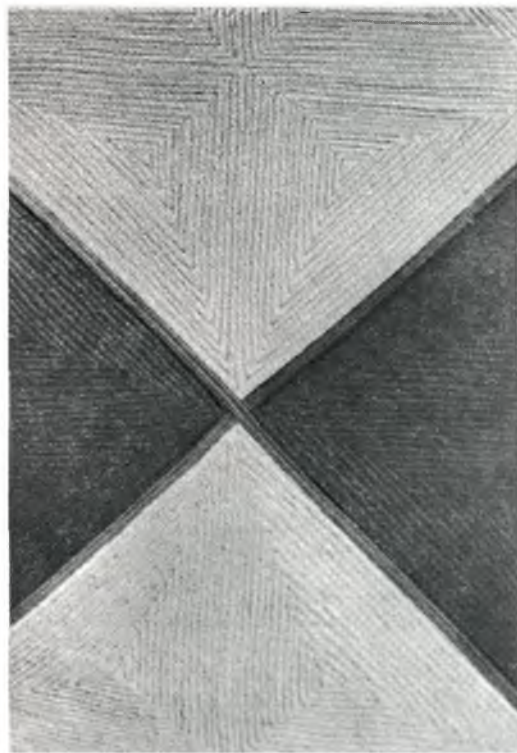

Тюркский воин.
Петроглиф.
Талды-
Курганская
область.
Джунгарский
Алатау

Тюркские
воины со
знаменами
в виде
волчьей
головы.
Петроглиф.
Ой-Джайляу

Стеганая кошма из Пазырыкского кургана. Фрагмент Сырмак — постилочный войлочный ковер. Фрагмент. Мастерница Алима Каханова. Карагандинская область

нии ковров и других изделий, служивших украшением летнего жилища (шатра), широко применена аппликация — прием наложения на войлок или ткань орнаментальных фигур из разноцветных кусков материи, кожи или ярко окрашенного в разные тона войлока. Исследователи подчеркивают, что аппликация — древнейшая и основная техника в искусстве степных племен, существовавшая с давних времен и сохранившаяся до наших дней.

В пятом Пазырыкском кургане найдены больших размеров (4,5×6,5 м) войлочные полотнища с аппликацией, напоминающие узуки — войлочные покрытия юрты казахов. На одном войлочном полотнище изображены персонажи древнешаманской легенды — фантастические птицы (у М. П. Грязнова — феникс) и всадники на крылатых конях. Существование у казахов мифа о кентаврах впервые отметил Bronislav Zaleskiy. Согласно мифу, кентавры — это образы предков, которые оберегали, защищали домашний очаг, детей. В старину предметы с изображением предков существовали также в жилищах казахов.

На другом войлочном полотнище из Пазырыкских курганов изображен вер-

ховный шаман (у М. П. Грязнова — богиня), который держит в руках цветущую ветвь — священное дерево жизни. В казахском прикладном искусстве мотив мирового дерева ассоциировался с моделью мироздания и воспринимался как оберег, предохраняющий жилище от злых духов.

В Пазырыке сохранились остатки одежды: меховых кафтанов (верх одного из них выделан в виде мозаичного узора), войлочных плащей, сшитых в два слоя, замшевых халатов. Один из плащей был длинный и просторный, другой — короткий, из тонкого войлока — фетра. Отдельные виды казахской верхней одежды, например, меховые шубы, плащи из войлока по типу сходны с одеждой из Пазырыкских курганов. Сходство прослеживается также в войлочных чулках с узором по верху (у казахов такие чулки называются *байлак*), островерхой шапкой из плотного войлока, бытующей у казахов до наших дней.

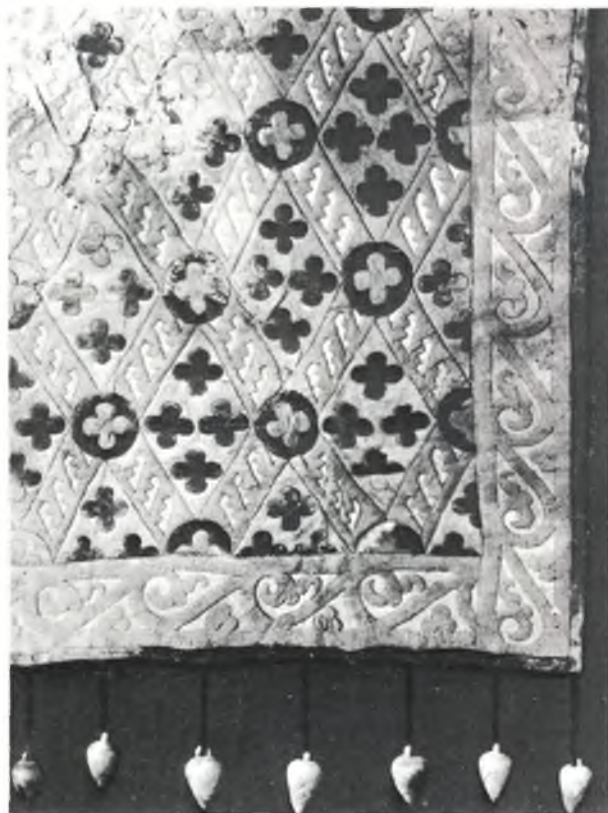
Определенные черты сходства в изготовлении предметов домашней утвари можно проследить на примере кожаных чехлов с аппликацией, покрывал, сум, флаг. Здесь же встречены изделия из кожи с тиснением. Среди них кожа-

Войлочный
ковер.
Пазырык. ГЭ

Фляга.
Кожа,
аппликация.
Пазырык. ГЭ

Фляга.
Кожа,
тиснение.
Пазырык. ГЭ

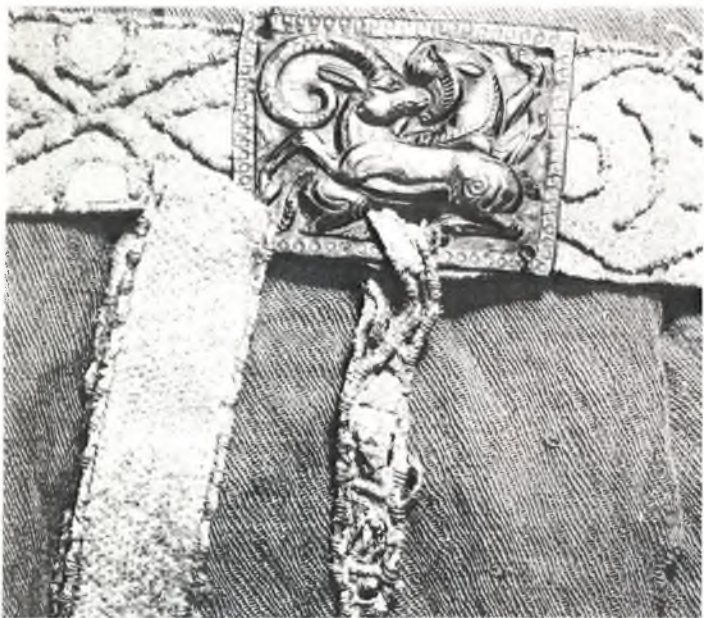

Чепраки. Фраг-
менты.
Войлок.
Пазырык. ГЭ

Фигуры лебе-
дей, украшав-
шие верх
шатра. Войлок.
Пазырык. ГЭ

Поясная
бляха.
Серебро.
Пазырык. ГЭ

ные коврики, пояса с подвесными футлярами для кинжалов, ножа и огня. Пояса украшены накладными серебряными бляхами. Такими бляхами украшались парадные пояса и позднее у тюрко-монголов и в частности у казахов.

При раскопках Пазырыкских курганов найдены украшения конской сбруи. Это вырезанные из дерева и обложенные золотым листом фигурки барана, лошади, мифического орла (грифона), голова волка и т. д.

У степных скотоводов высокого развития достигло ювелирное искусство. Из бронзы отливались в круглой скульптуре фигурки птиц и животных. Кроме литья, применялись чеканка, гравировка, штамповка. В ювелирном искусстве использовался прием плакировки — обкладки изделия тонким листом из золота.

С культурой Пазырыкских курганов тесно связан один из интересных памятников Алтая — курган Шибэ на реке Урсуле. В нем найдены остатки войлочных ковров, которыми были драпированы стены склепа. По технике исполнения им аналогичны казахские сырмаки и тускиизы. На одном из них — с черно-белым фоном — широкий бордюр с фигурками, вырезанными из синего, желтого и ярко-красного войлока. В центре ковра на белом фоне нашиты вырезанные из синего и красного войлока профильные изображения головы тигра.

К наиболее интересным памятникам Шибэ относятся украшения седла из роговых пластинок, покрытых накладным золотом. С. В. Киселев писал, что это «части некогда сверкавших золотом изображений, украшавших кожаные чепраки, покрывки седел, нагивные чехлы и др.» (124, с. 336).

М. П. Грязнов и С. В. Киселев отметили, что «узоры на них чрезвычайно близки к современным орнаментам алтайцев, казахов и тяньшанских киргизов...» (347; 124, с. 338). Их местное происхождение доказывается тем, что они встречаются и на других изделиях — не только на отдельных чепраках, но даже на технически сложной инкрустации золотом по железу.

В виде головы хищника, клюва и лапок сокола вырезаны деревянные сбруйные украшения. Все эти мотивы встречаются

Безворсовые ковры. Фрагменты. Ноин-Ула

ся и теперь в казахском орнаменте. В склепе Шибэ найдены нашивные бляшки полушарные, ромбические, треугольные, трех- или четырехлепестковые для украшения женского головного убора. «Такое разнообразие форм, да и самый прием украшения одежды золотом, так широко применявшийся на Алтае, заставляет вспомнить декоративные, сверкающие показным блеском одежды сарматской знати» (124, с. 336).

Изделия, найденные в курганах Курая, Туяхты и Караколя, находящихся недалеко от кургана Шибэ, украшены орнаментами, мотивы которых сохранились у казахов и алтайцев. Шелковое покрывало из Курая длиной полтора метра, шириной до девяноста сантиметров сверху донизу было расшито золотыми бляшками. Подобными металлическими бляшками украшались головные уборы невесты у казахов.

В курганах Котанды в вечной мерзлоте сохранились дорогие меховые шубы. Одна из них была расшита золотыми бляшками. Другая, более широкая, отделана кусочками меха, окрашенного

в зеленый, желтый и коричневый цвета. Их сочетание образует чешуйчатый узор. На верх шубы было нашито множество деревянных и кожаных бляшек, обложенных золотым листом. Вероятно, она принадлежала важному человеку вроде тюрко-монгольского баксы-абыза, имевшего большой вес в обществе. Ему принадлежал и меховой нагрудник, украшенный укрепленными на шелковых лентах деревянными фигурками коней, покрытыми золотым листом. В прошлом веке такие нагрудники носили казахские и алтайские баксы.

При изготовлении меховых изделий сакские мастера сшивали кусочки меха выворотным швом в виде шнура. Этот шов они использовали при изготовлении как кожаных изделий, так и войлочных аппликаций. До наших дней этим выворотным швом казахи шили замшевые халаты и шаровары.

В курганах Котанды найдены замшевые халаты. Казахские кафтаны, хранящиеся ныне в ГМЭ, по покрою и технике шитья с ними тождественны. В курганах Котанды и Шибэ все укра-

Шелковый ковер. Вышивка тамбуром. Фрагмент. Ноин-Ула

шения одежды, сбруя, утварь из металла и дерева были покрыты золотым листом, как в Пазырыкских курганах. Золотым листом покрывался не только металл, но и резные деревянные изделия, кожа и войлок. Большие скопления золотых предметов в древних курганах свидетельствуют о разработке месторождений золота скотоводами Казахстана и Алтая. «Племена Алтая в это время могли бы послужить сюжетом для новой легенды о грифах, стерегущих золото»,— говорил С. В. Киселев (124, с. 358).

Много предметов, подобных встречающимся у казахов в XIX—XX веках, открыто в Ноин-Улинских курганах (Монголия) (224). В их числе ножи от низких столов (подобные столы найдены на Алтае и в Кенкольских курганах у Таласа), вьючное седло, попона с аппликацией, бронзовые литые трех- и четырехлопастные пластины, одежда. Войлочные изделия представлены орнаментированными подметками мягкой обуви, простеганными попонами для верблюдов (такая же техника простеги-

вания бытует у казахов) и коврами. Одни из них похожи на ковры, называющиеся у казахов битпес— нескончаемый.

В Ноин-Уле были найдены гобелены из шелковой и шерстяной тканей. На них тамбуром вышиты фигуры черепах, рыб, крылатого волка, дракона, птиц, а на бордюрах— S-образный знак, рогообразные узоры (у казахов они называются бараний рог и ломаный рог), ромбические фигуры.

Орнаментом, аналогичным мотиву *кошкар муйиз*—бараньи рога, расписаны глиняные сосуды, украшена ручка бронзового котла.

В целом по технике изготовления и орнаментальным мотивам изделия казахов, алтайцев, киргизов и тувинцев близки описанным древним памятникам Алтая и Северной Монголии.

Памятники сакского времени, найденные на территории Казахстана, относятся к так называемому звериному стилю, для раннего периода которого характерен реалистический образ животных. Они изображены в агрессивной и оборонительной позах. Позднее мастера начинают изображать их свернувшимися, в так называемой утробной позе. Дальнейшее развитие искусства идет по пути стилизации. Изображения животных постепенно превращается в орнаментальные мотивы.

Для архаического этапа сакского искусства (VII—VI вв. до н. э.) характерны изображения животных: горного козла, архара, оленя, хищников— в статичной позе. Из памятников этого периода найдены скульптура барана, стоящего на задних ногах, на боевом чекане (озеро Боровое), навершие со скульптурой горного козла из кургана Мурза-Шоки Каркаралинского района, миниатюрная пластинка с изображением пары противопоставленных голов козлов (озеро Кайранкуль) и золотая застежка с изображением головы сайги (Тургайская область) (224).

Богаты тасмолинские находки. Среди них обнаружены уздечные бляшки в виде спирально-вихревых розеток. Этот мотив через два с лишним тысячелетия мы видим без каких-либо существенных изменений в числе основных видов декора ювелирных изделий у казахских мастеров-зергеров.

В кургане Нурмамбет I найдены бронзовые накладки, одна из которых сердцевидной формы. Подобные сердцевидные фигуры до сих пор сохраняются в казахском и каракалпакском орнаменте. Орнаментом в виде запятых, характерным для искусства сакских племен, украшен кинжал из погребения Нурмамбет IV.

В памятниках VII—VI веков до нашей эры прослеживаются элементы полихромного стиля: инкрустация, вставки самоцветов или бирюзы, орнамент, выполненный зернью.

В погребении Чиликты найдены предметы, инкрустированные бирюзой и орнаментированные мелкими шариками—зернью. Это предмет в виде рыбы, бляшки в виде орлов, оленей, птиц, обоймица для ремня, подвеска и т. п.

Яркие памятники звериного стиля открыты в кургане Иссык под Алматы. Головной убор и одежда погребенного «золотого человека» украшены бляхами и пластинами. Головной убор—высокая коническая шапка—убран нашивными фигурами барсов, пластинами в виде горы. В налобной его части—протомы двух крылатых и рогатых коней. Они вырезаны из дерева и покрыты золотым листом. Венчает головной убор миниатюрная литая статуэтка архара. В символическую композицию головного убора входят стрело-

видные пластины в виде крыльев птицы, рельефные бляшки в виде тигров, птиц, пластинки геометрической формы и т. д.

Куртка и сапоги погребенного сплошь, как и Котандинский кожаный кафтан, обшиты фигурными бляшками. Ворот, борта и полы куртки украшены бляхами в виде львиных голов. Особой красотой отличаются кинжал и ножны. На обеих сторонах кинжала тонкие золотые пластины с рельефным изображением зверей: волка, архара, зайца, сайги, горного козла, змеи и т. д. Навершие кинжала оформлено в виде голов грифонов. Ножны его украшены накладными бляхами с изображением оленя и лошади.

В кургане Иссык встречены золотая серьга с зернью и подвесками из бирюзы, обоймы цилиндрической формы с рельефным изображением головы тигра и т. д. В украшениях «золотого человека» прослеживаются все виды ювелирной техники: литье, ковка, чеканка, гравировка, штамповка, лакирование. В памятниках кургана Иссык практически не встречена инкрустация камнями, это позволяет отнести захоронение к IV веку до н. э.

Большой интерес представляют и памятники, случайно найденные около города Иссык и известные под названием Иссыкский клад. Своеобразен жертвенник в виде круга с невысокими бортами, на котором расположены скульптурные фигурки человека и лошади.

Другой предмет Иссыкского клада—квадратный железный столик со стороной 30 см, высотой—36 см. По углам столика припаяны ажурные декоративные бортики в форме узора, который известен в орнаменте казахов под названием торт кулак—четыре уха. Стол прикреплен к ажурной подставке с прямоугольным основанием, грани которого вогнуты внутрь. Пространство между гранями заполнено ажурным орнаментом, напоминающим казахский узор кошкар муйиз—бараний рог.

В большом количестве памятники звериного стиля представлены в Сибирской коллекции Петра I. Часть их найдена на территории Казахстана. Из них наиболее древняя—серебряная литая фигура пестрого оленя с позолоченными копытцами, служившая руч-

Бой верблюдов.
Петроглиф.
Хребет
Каратау,
урочище
Арпа-Узень

Бляхи.
Жанровая
композиция
«Отдых в пути».
IV—III вв. до н.э.
ГЭ

кой сосуда. Она обнаружена на бугровой осыпи близ реки Бухтарма. В местности Дуздак бывшего Казалинского уезда Сырдарьинской области найден ажурный литой браслет с изображением лошади. Глаза, грива и копыта ее заполнены вставками бирюзы. К этой же группе относится шейная гривна с изображениями фигур лежащих баранов с детально проработанной формой головы и условно намеченным корпусом. На поверхности золотой пластины есть гнезда для вставки камней. На ажурной литой застежке изображена борьба трех животных. Поле гравировано и инкрустировано вставками бирюзы.

Можно назвать также литые скульптурные изображения волков, готовых к прыжку, ажурную застежку (Гурьевская область), на которой изображена борьба тигра и верблюда, с характерной непропорционально большой фигурой хищника (226). Имеется много аналогий этой сцены: тигр обычно вцепляется в передний горб верблюда, а последний хватает переднюю лапу тигра. С подобным сюжетом найдены бронзовая пряжка в кургане Карамурун (Центральный Казахстан) (85, с. 398, рис. 64) и предмет из городища Жеты-Асар у поселка Тастаган Казалинского района.

В Центральном Казахстане в долине реки Аксай, правого притока Атасу, находится группа курганов «с усами». При раскопках одного из них обнаружена ажурная бронзовая пластина с изображением единоборства двух жеребцов. Борьба двух самцов-верблюдов

изображена на бронзовой бляхе из погребения Бесоба (Актюбинская область). Аналогичные сюжеты встречаются на памятниках Ордоса, Забайкалья, Минусинской степи. Борьба двух самцов верблюдов и баранов была излюбленным зрелищем у иранцев, казахов, хакасов и других народов Средней Азии. Борьба коней, верблюдов, а также поединки богатырей, сцены охоты, изображенные на памятниках искусства из Сибирской коллекции Петра I, по мнению М. Грязнова, отражают моменты тюрко-монгольского героического эпоса (346).

К этой же группе памятников относятся две ажурные литые пряжки (IV—III вв. до н. э.), на которых изображены расположившиеся под деревом двое мужчин и молодая женщина в высоком головном уборе типа саукеле. Один мужчина сидит, поджав ноги, и держит на поводу оседланных лошадей, другой лежит. Его голова покоится на коленях сидящей женщины.

В отдельных высказываниях о сюжете этих пряжек говорится, что это — картина из жизни древних скотоводов. В источниках сюжет имеет два названия: «Отдых кочевников под деревом» или «Всадники под деревом». М. П. Грязнов считает, что «более близким сюжетом является алтайская поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (346). Согласно казахскому варианту легенды, Козы-Корпеш погиб от руки коварного соперника Кодара и мертвый лежал под одиноким тополем, который был местом его встреч с Баян-Сулу. К по-

Киргиз-
кайсаки

гибшему Корпешу подъехали его брат Айбас и возлюбленная Баян-Сулу, которая, положив голову Корпеша на свои колени, оплакивала его смерть. Здесь вполне совпадают древние и более поздние варианты легенды, в том числе и казахские, о смерти Козы-Корпеша и скорби Баян-Сулу.

Сравнение древних и современных материалов позволяет говорить о том, что «некоторые орнаментальные мотивы искусства древних саков и других близких к ним кочевых племен сохранились в народном узоре казахов и киргизов вплоть до наших дней» (59, с. 410).

Традиции стилизованного изображения животных в казахском ковровом орнаменте отмечал С. М. Дудин. Он зарисовал орнамент ковра со стилизованным изображением горного козла. В. Чепелев писал: «В скифо-алтайском круге искусства мы находим мотивы, близкие ряду старейших казахских узоров. Раскопки на Алтае обнаружили в древней резьбе и в обрывках тканей также очень схожие стилистические мотивы». Эту мысль В. Чепелев повто-

рил и в предисловии к альбому Е. А. Клодта, подчеркивая родственные мотивы казахского искусства и памятников скифо-алтайского круга (545, с. 157). По его мнению, мотив рога животных, в частности барана, является преобладающим в казахском орнаменте.

На Мангышлаке, в Центральном Казахстане и в горах Тарбагатай широко распространены каменные изваяния барана, до сих пор почитаемые и бережно охраняемые. Сакские изображения баранов известны в виде выступа на ручках керамической посуды в группе памятников Келесской степи, на бронзовом рельефе Амударьинского клада, украшениях узды из кости и резного дерева из Пазырыкских курганов. Баран, один из главных тотемов, олицетворял могущество и силу власти. Вожди древних племен носили головные уборы с двумя рогами барана. В древних легендах народов Средней Азии и Казахстана Александр Македонский назывался Искандер Зулькарнайн, т. е. двурогий. Олицетворение барана как символа богатства и благополучия особенно ярко сохранилось в искусстве казахов, узор бараний рог в различных вариациях до сих пор является одним из основных зооморфных мотивов казахского орнамента.

В искусстве звериного стиля образы животных и птиц: барана, лошади, оленя, волка, орла и т. д.—были представлены в многофигурных, геральдических композициях, в виде одиночных фигур, а позднее—в виде голов. В виде головы орла-грифона были сделаны обоймы сбруи из кости, в виде головы волка, барана и т. д.—псаилии из дерева.

Замена фигуры животного изображением какой-либо ее части—головы—начало процесса трансформации реалистических и экспрессивных образов в орнаментальные мотивы. Можно предположить, что именно так возникали в орнаменте казахов мотивы *ат бас*—голова лошади, *бори кулак*—волчьи уши, *кошкаф муйиз*—бараний рог и т. д. В казахском орнаменте сохранились фигуры сердцевидные, ромбические, четырехлопастные, S-образные, в виде трилистников и запятых, роговидные узоры, крестовины и др., которые встречены на сакских памятниках.

Усуни, гунны, кангюи (канглы) — в определенной мере продолжатели культурных традиций саков. Их искусство тесно связано с художественными традициями звериного стиля. Вместе с тем, для него характерно более широкое применение инкрустаций, вставок самоцветов — альмандина, граната, бирюзы, изумруда, оникса и т. д.

В III-II вв. до н. э. на смену звериному стилю приходит полихромный, памятники которого сохранились на обширном пространстве от Алтая до Крыма. Характерной особенностью его, как уже было сказано, являются инкрустация металлической (золотой, серебряной или бронзовой) пластины вставками цветных камней в кастах-гнездах, ряды филигранных поясов (плетенки, «рубчики»), перегородчатые эмали, окруженные узорами из зерни в виде треугольников и ромбов.

К лучшим творениям полихромного стиля относятся золотые и серебряные диадемы, височные подвески от женского головного убора — колты, массивные браслеты, серьги, гривны, наконечники женских поясков и т. д.

Такие памятники в наше время исследованы в трудах А. И. Бернштама, С. И. Руденко, С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, С. И. Вайнштейна, А. Альфонди и других. Значительный вклад в изучение западных вариантов полихромного стиля гунно-сарматского времени внесли М. П. Засецкая и А. В. Давыдова.

Их исследования свидетельствуют о том, что в Семиречье, в долинах рек Таласа и Сырдарьи, существовали варианты полихромного искусства, которые по времени совпадают с ранним пребыванием гуннов, усуней и кангюев в этом районе (III—I вв. до н. э.). Так, в долине реки Кенкол А. Н. Бернштам открыл могильник III—I вв. до н. э., по культуре сходный с гунно-усуньскими могильниками Илийской и Чуйской долин и озера Иссык-Куль. В Кенколе А. Н. Бернштам установил более простую технику изготовления инкрустированных вещей, которую он отнес к периоду зарождения полихромного стиля, к первоначальному этапу его развития.

Ранняя форма полихромных изделий прослеживается в ювелирном искусстве Джеты-Асара, в погребениях Талды-

Курганской области, в частности, в курганах на реке Коктал, в верховьях реки Каратагал, в районе г. Талды-Кургана и около озера Алаколь. В подбойном погребении Арасан I встречены две золотые серьги, выполненные в технике филигрании со шнуровым орнаментом.

К ранним памятникам полихромного стиля относятся свыше трехсот золотых предметов, составлявших гарнитуры богатой женщины-усуньки, а не шамана, как полагал А. Н. Бернштам, из погребения Мын-Ошак в урочище Каргалы под Алма-Атой. В их числе масса нашивных круглых, треугольных, сердцевидных бляшек; встречены бляшки в виде козлов, четырехлопастные со вставками бирюзы и обведенные зернью, перстни с щитком в виде верблюда и серьга с подвеской, где изображена мышь. Есть мнение, что на щитке серьги изображена не мышь, а кабан, напавший на человека.

Среди золотых изделий особой красотой отличается подвеска в виде стилизованной фигуры птицы. Крылья, хвост и голова птицы украшены самоцветами. В центре подвески — гнездо с краями, обрамленными рубчатым орнаментом. Золотые обкладки сходны с полихромными изделиями из городища Актобе 2 на Сырдарье.

Из Каргалинского клада выделяется ажурная диадема длиной сорок сантиметров, шириной пять сантиметров. На ней изображены вереница драконов, животных, птиц, растительные мотивы и т. д. Некоторые фигурки животных инкрустированы бирюзой.

Каргалинский клад, а также находки в погребениях долины реки Чилик (III—I вв. до н. э.), урочища Тенлик, верховьев реки Каратагал (III—II вв. до н. э.), долины реки Кенгир Улутауского района, горы Бегазы и др., где были обнаружены украшения из цветных камней с элементами полихромного стиля, доказывают, что Казахстан является одним из районов, где сохранились наиболее древние уникальные памятники полихромного стиля.

В кургане Актасты (Кегенский район, Алма-Атинская область) (III—IV вв.) найдены золотые колты — одни из самых утонченных изделий полихромного стиля. И. П. Засецкая относит колты к украшениям, бытовавшим в

гуннскую эпоху. На колтах по пять гнезд со вставками сердолика. Поле между гнездами заполнено треугольниками из зерни. По краю припаяны цилиндрики с рифлением, завершенные пирамидками из зерни.

На другом случайно найденном золотом колте также вставки сердолика, бортик окаймлен рубчатым орнаментом и пирамидкой (240, рис. 1, 2).

Для современных казахских серег, изготавливаемых народными мастерами, характерна форма, аналогичная колтам. Такие серьги бытуют во всех регионах республики.

Одним из центров искусства полихромного стиля был Центральный Казахстан. Об этом свидетельствуют памятники, найденные в кургане на реке Сарысу, в ауле Кара-Агач, ныне Жана-Аркинского района Джезказганской области, на озере Боровое Кокчетавской области и в ауле Канаттас. Уникальной находкой из Кара-Агача является наконечник гривны в виде стилизованного изображения головы дракона с рогом и открытой пастью, входившего в состав древнейшего циклического календаря. Наконечник украшен вставками граната, рядами треугольников, выложенных зернью, края его обрамлены шнуровой вязью. Подобный наконечник гривны найден в Каряжском городище близ Ставрополя (517, с. 40—43).

Среди многочисленных золотых и серебряных изделий, случайно обнаруженных в окрестностях озера Боровое, большой художественный интерес представляют обломок обкладки золотой диадемы, украшенный цветными камнями и зернью; золотая бляха трапиевидной формы с крупным овальным гнездом. В углах пластинки—фигурные касты. Поле между ними заполнено треугольниками из зерни. Изящна золотая прямоугольная пластинка, разделенная на три одинаковых части. В центре каждой его части четко обозначено гнездо, от которого к углам радиально расходятся лучи. Пластинка окаймлена ободком из мелкой зерни. С особым мастерством выполнены бляхи подковообразной формы, сплошь покрытые треугольниками из зерни. В центре—круглое гнездо со вставкой самоцвета, по краям пирамидки. Вставками крупных сердоликов ук-

рашены медальон, круглые бляшки, пуговицы с ободками из зерни. Здесь же найдены бронзовая бляшка в виде головы орла, рельефная бляха прямоугольной формы из золотого листа. На бляхе три фигурные ячейки в виде четырех соколов с сопоставленными крыльями. Такие крылья птиц до сих пор являются одним из мотивов казахского орнамента.

В кургане «с усами» у аула Канаттас в 1957 году найдена диадема из сплава серебра и золота (III—V вв.). На диадеме ряд кастов со вставками самоцветов, окруженных треугольниками из зерни. Сходные диадемы найдены в погребении у села Чулак-Тау Джамбулской области и у озера Боровое.

Описанные памятники ранних кочевников отражают наиболее развитый этап искусства полихромного стиля и характерны для первой половины I тыс. н. э.

Черты полихромного стиля прослеживаются и в памятниках, найденных при раскопках полуседлых и оседлых городищ Нижней и Средней Сырдарьи. Некоторые из них служили резиденциями племенных правителей. К ним относятся Джеты-Асар, Куюк-кала, Актобе 2, Кауинчи, Канка. Во всех этих поселениях процветали ремесла и прикладное искусство. Например, в Актобе 2 обнаружен архитектурный комплекс—дворцовые здания с цитаделью и мощными фортификационными сооружениями, которые возвышаются над берегом Сырдарьи на пять—пятнадцать метров. Памятники из раскопок освещают прежде всего идеологические представления древних племен, одухотворение ими природы, культы предков и солнца. Об этом свидетельствуют глиняные печати с изображениями человеческого лица (Кауинчи) и солярного знака. Уникальными являются алебастровые статуэтки женщины (Актобе 2) и мужчин (Актобе 1). Известно, что каменные статуэтки закапывались. Их часто находят в курганах Центрального Казахстана. Одно из таких изваяний обнаружено в кургане Кара-Агач вместе с памятниками полихромного искусства, другое—в кургане Бесоба, третье—в кургане «с усами» на реке Атасу вместе с ажурной бронзовой пластинкой в полихромном

стиле, четвертое — в разграбленном кургане в северном предгорье Улутау. Статуэтки символизировали дух предков и служили предметами поклонения.

При раскопках дворца Актобе 2 часто встречались изображения барана и его рогов. Они найдены также в Кауинчи и Алтын-Асаре (163).

В погребении внутри дворцового здания Актобе 2 открыты памятники полихромного стиля, золотые бляшка, серьга, подвеска, инкрустированные самоцветами и украшенные зернью. Аналогичные серьги из Актобе 2 встречены в курганах Таш-Тобе в верхней долине Таласа и в Кара-Агаче.

Памятники полихромного стиля обнаружены также в погребениях Шоль-Тобе, Чулак-Тау, Кызыл-Кайнар-тобе и т. д. В кургане у поселка Чулак-Тау обнаружена электрическая диадема прямоугольной формы с сердцевидными гнездами со вставками самоцветов и зернью. Бортик диадемы окаймлен шнурком в виде «елочки» (379, с. 91—92, рис. 27).

В погребении воина — сводчатом помещении у древнего поселения Кызыл-Кайнар-тобе найдено много вооружения и пояс, украшенный накладками в форме бантика с бронзовой кольчатой пряжкой. Шею воина украшала золотая цепочка, сплетенная из нитей длиной 35 см. Подобные пояса и цепочки встречались и в других погребениях. Найденная в этом погребении фигурка из золотой фольги, напоминающая коня, свидетельствуют о том, что древний обряд погребения с умершим его коня претерпел изменения. Конь заменен изображением. Аналогичные золоченые фигурки лошадей были найдены в кургане Котанды у подножия горы Белухи. Около шеи погребенного была обнаружена золотая плоская подвеска овальной формы с рельефными бортиками по краям. На лицевой стороне диска валик и треугольники из зерни. В центре диска напаяны пять круглых гнезд, в которые вставлены самоцветы розовато-вишневого цвета. Памятник тождествен полихромным изделиям Актобе 2 на Сырдарье (176; 163).

Следует отметить, что эти памятники полихромного стиля обнаружены в крупных городских центрах. Они оставлены многочисленными племена-

ми усуней, гуннов и кангюев, живших зимою в оседлых поселениях Семиречья, долинах рек Чу, Таласа, Сырдарьи и предгорьях Каратау, и относится к концу I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. (I—V вв.).

Оседлоземледельческую культуру, существовавшую вдоль северного подножия Киргизского и Таласского Алатау, в бассейнах рек Чу, Таласа и Сырдарьи, исследователи по аналогии сравнивают с памятниками сарматскими (155, с. 18—19). На мой взгляд, эту оседлоземледельческую культуру можно связывать и с племенами, входившими в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) в конфедерацию «народ десяти стрел».

В источниках отмечается, что, помимо скотоводства и орошаемого земледелия, в эти века важную часть экономики составляла добыча и обработка железа, золота и серебра. Первые сообщения о добыче железа относятся к сороковым годам V века. В китайских анналах говорится, что, поселившись на южных склонах Алтайских гор, тюрки добывали железо для жужаней. Находясь в зависимости от сяньбийцев, а затем жужаней, вместо подати они обязаны были добывать железо и снабжать им хана. Жужанский хан их называл «мой невольный плавильщик». По данным византийских источников, в VI веке Тюркский каганат, владевший железными рудниками, на основе союзного договора часть железа продавал Византийской империи.

В наше время установлено, что основные места добычи золота и железа находились в Центральном, Северо-Восточном Казахстане и в Семиречье. Эти места в китайских источниках именуется Гинь-Фан — Золотая страна. Многие выработки сохранились до наших дней и частично обследованы.

Занятие горным делом и металлургией содействовало дифференциации ремесленного труда, отделению его от сельского хозяйства и широкому развитию торговли и ремесел: литейного, кузнечного, токарного, ювелирного. По данным многих исследователей, обработка благородных металлов и драгоценных камней в период Тюркского каганата достигла высокого уровня.

Найденные при раскопках памятники,

Поединок
воинов.
Блюдо.
Серебро.
Кулагыш.

относящиеся к V—VI вв., сохраняют черты полихромного стиля. Это серебряная бляшка из кургана Юпитер с рельефным изображением шести кругов по бортику и центрального большого диска, окруженного ободком из зерни. Стилистически с ней связана серебряная бляшка с роговым концом. В полихромном стиле выполнен серебряный перстень из кургана близ с. Орловки, золотые колты, серьги в виде колец, бусы, ожерелья (110, с. 426). В Центральном и Южном Казахстане (Борнижар), в Семиречье открыто большое количество серебряных бляшек и накладок для стремян, нагрудника, потфея, передней луки седла. Изяществом отличались серебряные пряжки, массивные концевые бляхи, лунни-

цы, наконечники, бляшки сердцевидные, в форме полушарий и с роговыми мотивами. Редкий памятник—остатки кожаного пояса, украшенного литыми фигурными золотыми накладками, с привесками для трута и огнива (110, с. 426, рис. 27). Такого типа пояса были найдены в курганах долины Иртыша (23, рис. 1, 2) и в Борнижаре (187, табл. 1, рис. 3, 4).

В период Тюркского каганата высокого развития достигает резьба по камню и кости. Резьба по камню широко применялась в архитектурном декоре. В Казахстане найдено много изваяний людей, относящихся к этому периоду. В погребении Кудыргэ на Алтае открыт валун, на котором изображены женщина с ребенком и три всадника.

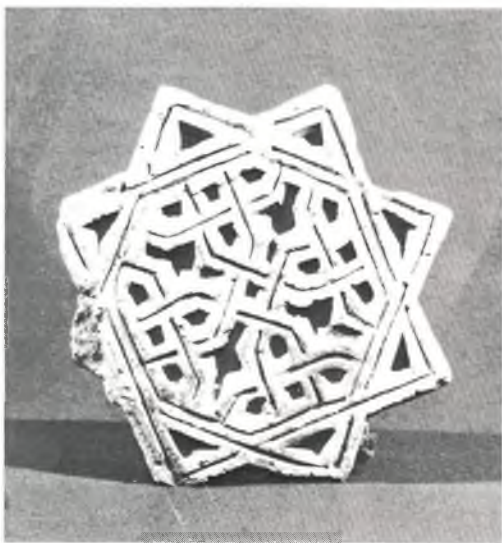

Богиня Умай.
Джамбулская
область.
ГМИК
им. А. Кастеева

Сцена коленопреклонения
на камне
из Кудыргэ

Облицовочные
плитки с
архитектурных
памятников
Казахстана

На женщине трехрогий головной убор, похожий на венец Кюльтегина. Сюжет отражает обычай поклонения предкам при посещении их гробниц.

Другие памятники Кудыргэ — костяные обкладки передней луки седла. На них воспроизведены сцены охоты с изображением лучников и животных: тигров, оленей, куланов и др. Из кости выполнены псалии в виде оленей и других животных, птиц, пчел, бабочек (Курай) и рыбы (Павлодарская область), рукоятки плети в виде головы животного со спиральным узором. Изумительной по тонкости работы назвал С. В. Киселев реалистическое изображение пчелы (124, с. 540). По технике резьба по кости была близка к гравировке по металлу.

Основными в резьбе по кости и гравировке по металлу были геометрические (линейный, спиральный, кружковый), растительные и зооморфные мотивы, размещенные строго симметрично. Памятники, сходные с находками из погребения Кудыргэ, обнаружены в Центральном Казахстане в группе Егиз-Койтас. Это остатки пояса и кусочки шелковой ткани.

Дальнейшее развитие искусства на территории Казахстана ярко отражено в художественной культуре кипчаков, карлуков и других племен (VIII—XIV вв.). Они унаследовали общественное устройство племен Тюркского каганата. В X—XII веках их культура достигла высокого уровня.

Материал о быте и культуре кипчаков и других племен содержится в среднеазиатских, арабских и персидских источниках IX—XIV веков. Один из средневековых авторов Ал-Йакуби в сочинении «Китаб ал-булдан» говорит, что огузы, кипчаки и канглы (тюрки) — самые искусные народы в изготовлении войлока, потому что из него их одежда (112).

Арабские писатели Ибн Хордадбех, Ал-Джахиз, Кудама Ибн Джаффар и посланник султанов-газневидов Абу Дулаф побывали в Семиреченском крае и Центральном Казахстане, Ибн Фадлан — на Мангышлаке и в долине Яика (Урала). Они ознакомились с бытом древних племен Казахстана, устройством их летнего жилища — юрты и ее убранством.

Каменные
изваяния

Каменные
изваяния

О кипчаках, канглы и найманах есть сведения в трудах Платона Карпини и Вильгельма Рубрука. По их словам, все предметы домашнего обихода и одежду у этих племен делали женщины, например, женские головные уборы «длиной в локоть» с четырехугольным или коническим верхом, часто украшенные тонким прутиком из золота или серебра, которые назывались *бокка*, точнее *бугтаг*. Свадебная женская шапка казахов — *саукеле* — очень похожа на этот головной убор кипчаков.

В стране кипчаков Платон Карпини видел предмет, известный у казахов под названием *асмалдык*. Это кожаный коврик трапециевидной формы, которым украшался головной верблюд из

свадебного каравана невесты. По его же сведениям, кипчаки вместе с умершими клали в могилу золотые и серебряные изделия, одежду и повозку, на которой был привезен покойник, а затем разрушали его жилище. Этот обычай сохранился у казахов с той лишь разницей, что юрта умершего разрушалась символически — по ней ударяли камчой.

По свидетельству Рубрука, у кипчаков «мужчины делают луки и стрелы, приготавливают стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки» (223, с. 85). Рубрук описал летнюю белую юрту кипчаков: покрывают ее «белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей

и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки украшают красивой и разнообразной живописью. Именно они (кипчаки) шивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей, и они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда 30 футов в ширину» (223, с. 91).

Сведения о быте и культуре кипчаков содержатся в обширном труде Шараф ад-дина Али Йезди, историка Тимура. Он упоминает о том, что Тимур привез в города Туркестан и Самарканд множество кипчакских юрт. Историк подробно и образно описывает кипчак-

скую повозку, запряженную конями и быками, юрту на колесах, предназначенную для девушек. Интересны его описания одежды кипчаков: легкого плаща, шляпы из фетра или тонкого войлока (286, с. 119).

Среднеазиатский историк XV века Хафиз-и Абру использовал в своих трудах материалы из сочинений арабо-персидских географов X века. По его указаниям, на Сырдарье и севернее от нее находились рудники, были развиты ремесла. В городах Сырдарьи выделялась своеобразная ткань из верблюжьей шерсти — один из главных предметов торговли. О ткани из верблюжьей шерсти есть информация у историка XIII века Несеви, итальянского писателя Павла Йовия Новокомского (XVI в.), историка Матвея Меховского. Из нее делали плащи, которые пользовались большим спросом.

Анной Комниной (XI в), Плано Карпини, Рубруком (XIII в.), Ибн Баттутой (XIV в.), позднее Шараф ад-дином Али Йезди, Ибн Арабшахом, Рузбиханом (XVI в.) описаны повозки с кибитками типа скифских. Повозки использовались при полуоседлом образе жизни, были рассчитаны на большое количество людей. Кибитки кипчакских и печенежских повозок — *кюйме* — для женщин и детей были плетеные, из войлока, ковровой ткани, шелка. Они бытовали среди тюркских племен с VI века — не только у кипчаков и печенегов, но и канглы, уйгуров и узов — потомков гуннов. У Анны Комниной есть упоминание о том, что гуннов в просторечьи называли узами (20, с. 214). Такими же повозками пользовалось и население улусов Джучи, а затем казахи и ногайцы. Монголы называли их «казах терген». В позднем средневековье повозку с кибиткой наверху называли *кутерме*.

Как пишет Ибн-Баттута, повозки кипчакской знати обтягивались шелком, сукном. При перекочевке повозки выстраивались в такие длинные ряды, что занимали огромное пространство, представляя причудливую картину движущегося города. Подобное описание повозок, обтянутых шелком, и перекочевки имеется в поэме «Кыз-Жибек». В самой роскошной повозке во главе каравана находилась героиня поэмы Кыз-Жибек. Длина каравана бы-

ла так велика, что возлюбленный девушка Тулеген долго не мог добраться на скакуне до головных повозок, где ехала Кыз-Жибек.

По описанию бухарского историка Ф. Рузбихана, казахские повозки были четырехколесные с кибиткой наверху. В них «впрягают верблюдов и лошадей. Во время кочевки арбы идут гуськом, их так много, что во время остановок они, сливаясь друг с другом, тянутся на сотню монгольских ташей» (211, с. 107).

Как свидетельствуют исторические источники, у казахов и ногайцев древние повозки сохранялись до середины XIX века.

В XVIII веке их зарисовал художник Гейслер, принимавший участие в экспедиции П. Палласа. В середине XIX века французский исследователь Маршалл также опубликовал рисунок повозки. Изображения больших повозок, запряженных конями, быками и вер-

блюдами, сохранились на скалах в горах Каратау и Центрального Казахстана.

Памятники искусства кипчаков и карлуков были найдены при раскопках древних городищ Южного, Центрального Казахстана и Семиречья. При многочисленных исследованиях здесь найдена своеобразная керамика, по технике изготовления и стилистическим приемам сходная с керамикой западных кипчаков, оставивших следы своего пребывания в Саксине (Волжское низовье), Шурухане и Саркеле.

Большую художественную ценность представляют орнаментированные блюда и чаши, кувшины грушевидной и яйцевидной формы, посуда с узким горлом. Для них характерны графичность и рельефность росписей.

Чаши кипчаков обычно изящны, на массивном кольцевом и дисковом поддоне. Борта прямые, удобные для питья. Цвет росписи от светлого до темно-фиолетового. Орнамент в виде волнистых линий, спиралей и поясков из звездочек, часто встречаемых на бронзовых изделиях. В Саурани и Сузаке встречены миниатюрные чаши, окрашенные бирюзой и марганцем.

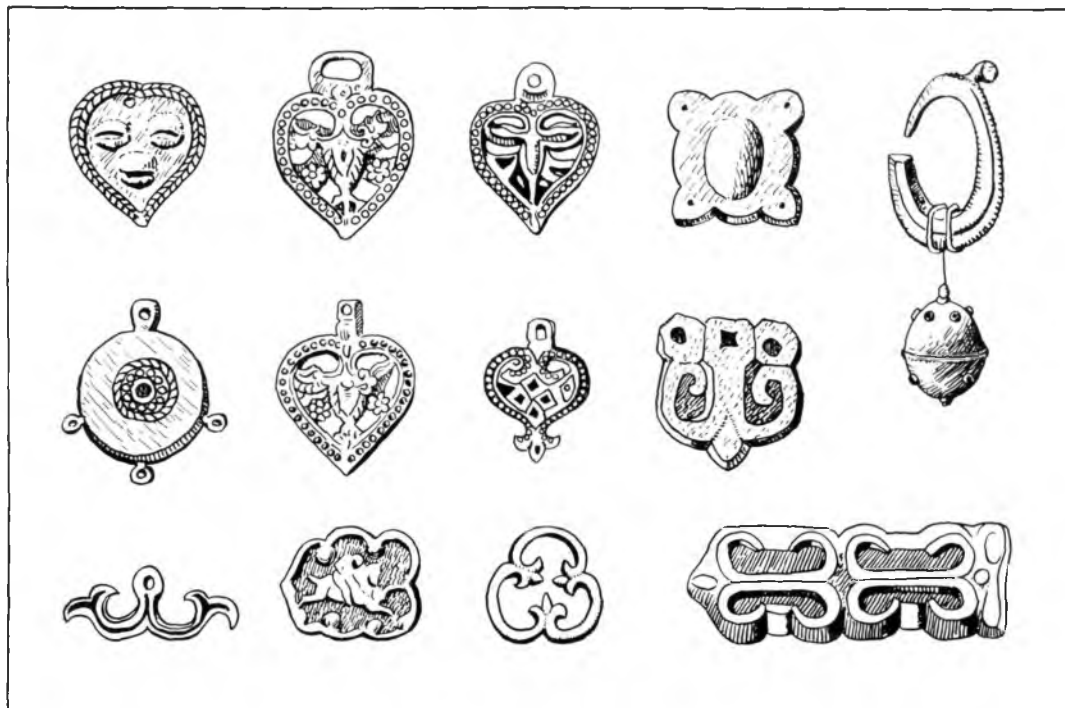
Чаши с кольцевым поддоном очень похожи на деревянную и серебряную чаши, хранящиеся в Целиноградском областном историко-краеведческом музее. На дне серебряной чаши выгравировано изображение волка. Вокруг миниатюрные пальметты (24, с. 353, рис. 36).

В погребении на реке Или найдена деревянная чаша. Мелкой штриховкой нанесены на ней растительные узоры — цветы и стебли и слово «канык», которое переводится «для утоления жажды». Края окаймлены фигурками, напоминающими клинописные знаки. Памятник датируется не позднее XIV века. Подобная описанным серебряная чаша найдена в Алма-Атинской области (24, с. 371, рис. 39). Эта находка свидетельствует о культурной связи племен Севера Казахстана и Семиречья, на протяжении X—XIII вв. объединявшихся в политический союз.

В Тургайской области была найдена похожая серебряная чаша, на дне которой изображены крылья птицы и растительный орнамент (460, с. 21,

Обкладки из кипчакских погребений. Кость. XI—XII вв. Нижнее Поволжье

Подвески,
накладки,
серьга.
Павлодарское
Прииртышье

Зеркала.
Павлодарское
Прииртышье

рис. 101, 102). Штриховка на всех этих чашах аналогична проработке рисунков на костяных и металлических накладках колчанов.

В музее археологии Академии наук Казахской ССР и ЦГМК хранятся кувшины, горшки и другая посуда с ручками в виде стилизованного бараньего рога, которые были найдены в верхних слоях городищ Отрар, Талас и Культобе (северный склон Каратау). Такая же ручка встречена на чаше из Саркела.

Орнаментальными поясками из фигур, которые сохранились в орнаменте казахов под названием *кыныр мойын* и *ою гуль*, украшены горшки. В Отраре найден сосудик с изображением фигур животных. Он украшен поливой темно-зеленого, голубого и белого цвета с росписью кобальтом. В росписях четко выражены многочисленные завитки, также сохранившиеся понине в узоротворчестве казахов.

У кипчаков было развито ювелирное искусство, особенно гравировка по металлу, резьба по кости и т. д. Памятники кипчакского искусства стали публиковаться еще в дореволюционное время в трудах П. И. Лерха, В. В. Бартольда, В. Ханенко. Отдельно следует сказать о памятниках кипчакского искусства, обнаруженных Г. Ф. Миллером во время раскопок на Иртыше и между Иртышом и Обью в 1734 году и зафиксированных на трех таблицах, которые хранятся в архиве Академии наук СССР. Большинство их опубликовано в работе Г. Ф. Миллера «История Сибири». Д. Г. Савинов определил, что памятники, воспроизведенные в этих таблицах, принадлежали кимакам. Это серебряные накладки с рельефными растительными мотивами — пальметтой, трилистниками, роговыми завитками; пластины с геральдическими изображениями ланей, гусей и других птиц; скульптуры серны, летящего гуся, всадников. Стилистически всадники из коллекции Миллера близки аналогичным памятникам, найденным в Кулундинской степи и Семипалатинской области (231; 496). По орнаментации сходны медальоны из этой коллекции и из курганов Павлодарского Прииртышья, в которых использованы солярные круги.

В погребениях у с. Подстепное и сов-

хоза Чкаловского (Павлодарское Прииртышье) открыты памятники, которые совпадают со сrostкинскими (Алтай, середина IX в.) Это серьги, пряжки и другие женские украшения из серебра и золота, квадратные, овальные и сердцевидные бляхи, обрывки шелковой ткани, остатки высоких конусовидных головных уборов, напоминающих сауке-ле, и их варианты из двух листов тонкого серебра, с высоким коническим навершием, украшенным жемчугом, золотом и цветными камнями. Аналогичные головные уборы были открыты в погребениях западных кипчаков.

При раскопке курганов в Тургайской области в 1901 г. были открыты уникальные памятники кипчаков, в том числе золотой наконечник пояса в виде головки сайги (520); в погребениях Нижней Сырдарьи — два золотых браслета с характерными чертами звериного стиля (461, с. 124). Другой памятник, восходящий к традициям звериного стиля, бронзовая накладка сердцевидной формы с изображением всадника, поражающего копьем раненого тигра (22, с. 108).

В кипчакском искусстве довольно часты ювелирные изделия в виде птиц, которые у древних тюркских племен были символом неба. В коллекции ЦГМК имеются нашивные бляхи в виде стилизованных противопоставленных птиц, серебряное кольцо, на щитке которого две птицы, подвески с силуэтом птицы и т. д. В Эрмитаже хранится много латунных блях в виде птиц, а также накладок и подвесок с камнями.

В кипчакских погребениях Казахстана и Нижнего Поволжья найдено много однотипных берестяных колчанов, обтянутых кожей с длинными накладками из кости и металла, орнаментированными завитками бараньих рогов и главным образом фигурами оленей — одного из основных образов древнего звериного стиля. Поле между узорами на колчанах нередко расписывается черной и красной краской. Сочетание красного и черного тонов характерно для многих ковровых изделий казахов. Накладки опубликованы многими исследователями: И. В. Фабрициусом, Э. А. Сыманович, С. А. Плетневой, К. Ф. Смирновым, И. В. Синицыным,

Г. А. Федоровым-Давыдовым и другими. Полный свод резных и гравированных накладок собран Н. В. Малиновской, которая определила их датировку и район распространения. Характерной чертой кипчакских резных накладок из кости является их сходство с гравированными металлическими. Фон накладок из кости часто заполнен кошой штриховой, на которую уже наносятся роговые завитки, S-образные фигуры, изображения оленей, коней и других животных.

Накладки из кости для колчанов как ранние (X—XII вв.), так и поздние (XIII—XIV вв.) стилистически однотипны. Изображения оленей на накладках из погребений западных кипчаков аналогичны оленям на серебряной пластинке из коллекции Миллера. В средневековом поселении около города Джезказгана найдена латунная накладка детского колчана со следами припая и отверстиями. Центральное поле орнаментировано роговыми мотивами, края — парными линиями с мелкими насечками в виде «елочки» между ними. Эти мотивы до сих пор сохранились в орнаменте казахов.

Среди памятников искусства кипчаков известны круглые бронзовые зеркала. Бронзовое зеркало обнаружено в кургане Кара-Оба Жангалинского района (Западный Казахстан, XI—XII вв.). Его поверхность отполирована и украшена орнаментом в виде переплетающихся бараньих рогов. Точно так же орнаментировано зеркало из кургана Молчановка № 3 в Нижнем Поволжье. На другом зеркале в центре солярные круги — символы солнца и небесных светил, которым поклонялись.

Бронзовые зеркала украшались не только орнаментом, но и различными сюжетными изображениями. Так, в погребении Унгирлы Джамбулской области найдено бронзовое зеркало со сценой охоты, на другом — изобра-

жения коней и других животных — образы циклического календаря, в центре третьего — изображения двух рыб. Следует сказать, что у древнетюркских племен, в том числе и у кипчаков, а позже казахов, рыба является символом воды и земли. Бронзовая скульптура рыбы обнаружена в кипчакских погребениях Павлодарского Прииртышья (IX в.).

Известна монументальная скульптура кипчаков и карлуков. Это каменные изваяния. Они сохранились в большом количестве в Центральном Казахстане — на родине кипчаков и в Семиречье, где долго обитали карлуки. Ранние из них плоскостны и схематичны, поздние — с полным основанием можно отнести к круглой скульптуре. Кипчакские и карлукские изваяния донесли до нас образы воинов, пастухов, старейшин, женщин. На них проработаны некоторые детали одежды, оружие, шлемы, головные уборы, пояса с привесками, женские украшения (серьги, ожерелья) и даже сосуды и музыкальные инструменты. На некоторых изваяниях орнаментированы шлемы, на полах кафтанов изображены фигуры птиц или человека.

Кроме каменных изваяний, найдены женские статуэтки из меди и бронзы. Так, в горах Улутау найдена статуэтка в головном уборе, похожем на саукеле. Она датируется XIV—XV вв. и хранится в историко-краеведческом музее г. Джезказгана.

Искусство кипчаков, карлуков, карахидов и огузов, развивавшееся в Казахстане в течение нескольких веков, является одним из истоков художественной культуры казахского народа.

Казахское искусство унаследовало многие традиции художественной культуры скотоводческих племен и сохранило их до наших дней, творчески переработав и обогатив новыми мотивами.

Пряжка с
изображением
лошадей.
Бронза.
Тасмола

Пантеры,
терзающие
сайгу.
Сбруйная
пряжка.
VI в. до н. э.
Случайная
находка.
Павлодарское
Прииртышье

Застежка.
Тасмола
Карамурун.

Козлы.
Деталь обода
котла.
IV—III вв. до н. э.
Находка близ
Алма-Аты.
ЦГМК

Бляхи.
Дерево,
резьба.
Пазырык. ГЭ

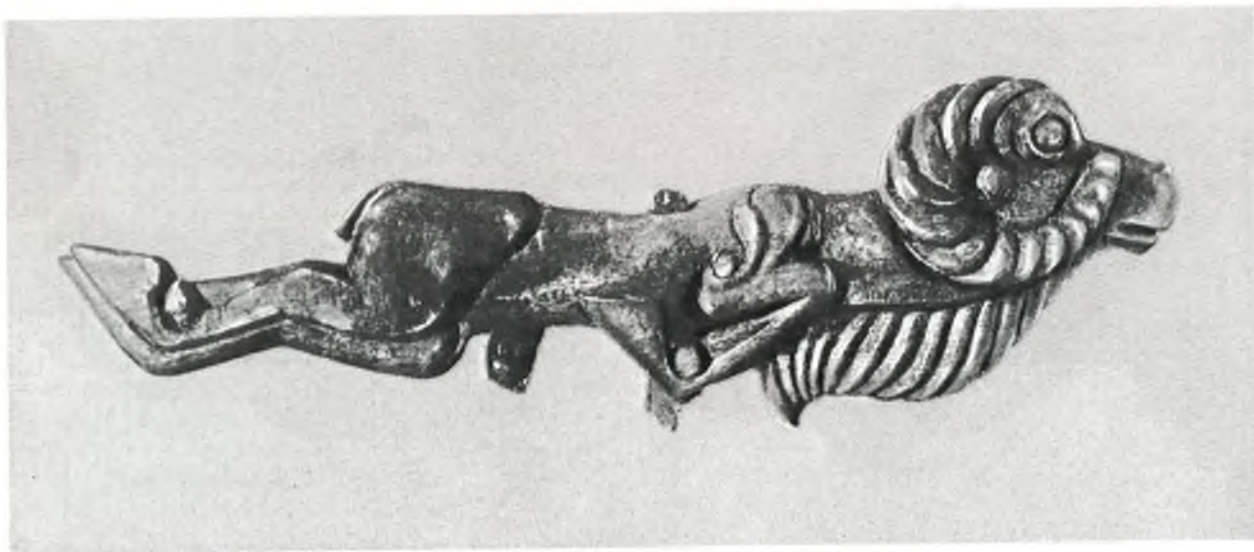

Украшение
передней
луки седла.
Дерево,
золотой лист.
Резьба,
плакирование.
Пазырык. ГЭ

Лось. Укра-
шение передней
луки седла.
Курган Шибэ.
ГЭ

Баран.
Дерево,
резьба
Курган Шибэ.
ГЭ

Голова
лося в
пасти волка.
Дерево, резьба
Курган Шибэ.
ГЭ

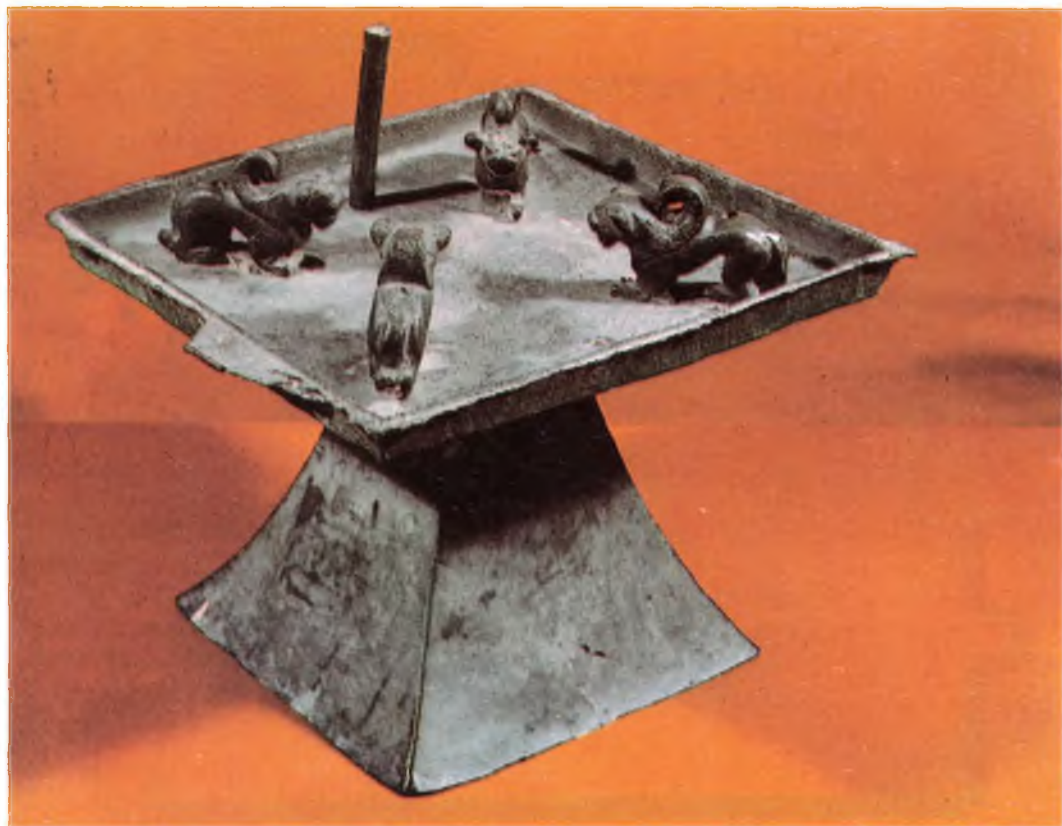
Котел. Бронза.
ЦГМК

Верблюд.
Фрагмент

Курильница.
Семиречье.
ГЭ

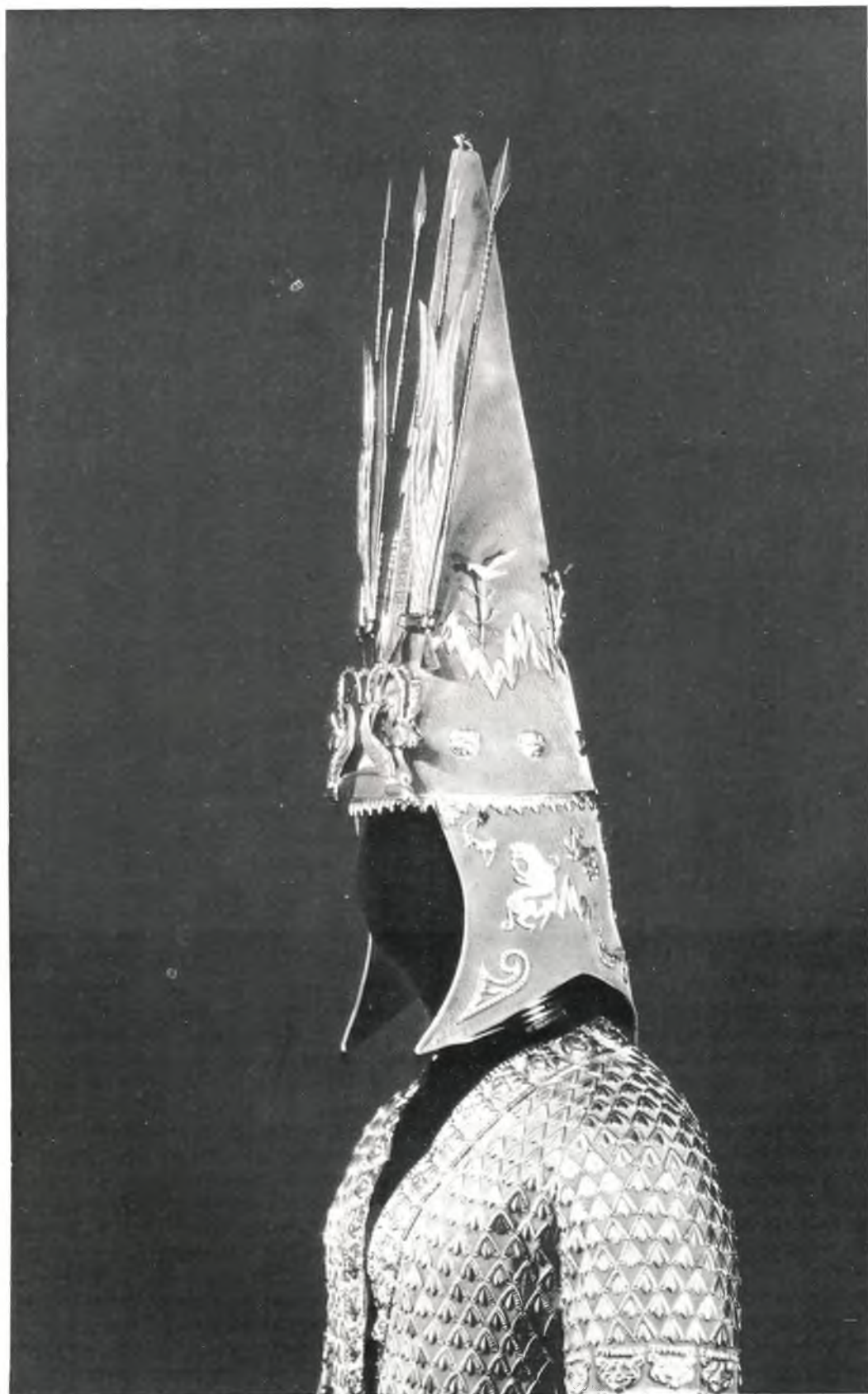
Курильница.
с. Покровка
ГМИК им.А.Кас-
теева.

Крылатый барс.
Фрагмент
квадратной
курильницы

Курильница.
Иссыкский
клад.
ГМИК
им. А. Кастеева

Головной убор.
Профиль.
Курган Иссык.
IV—V вв. до
н. э.
Музей
археологии
Академии наук
Казахской ССР

Головы грифонов.
Пряжка.
Западный
Казах-
стан. Музей
археологии
Академии
наук Казах-
ской ССР

Грифоны. На-
кладка.
Нурманбет I.
V в. до н. э.
Музей археоло-
гии Акаде-
мии наук
Казахской ССР

Пряжка.
Нападение
тигра на
верблюда.
Карамурун II.
Музей археоло-
гии
Академии
наук Казах-
ской ССР

Браслет
с изображением
фантастичес-
кого волка.
III в. до н. э.
ГЭ

Браслет дву-
створчатый на
шарнирах с изо-
бражением ло-
шади.
III в. до н. э. ГЭ

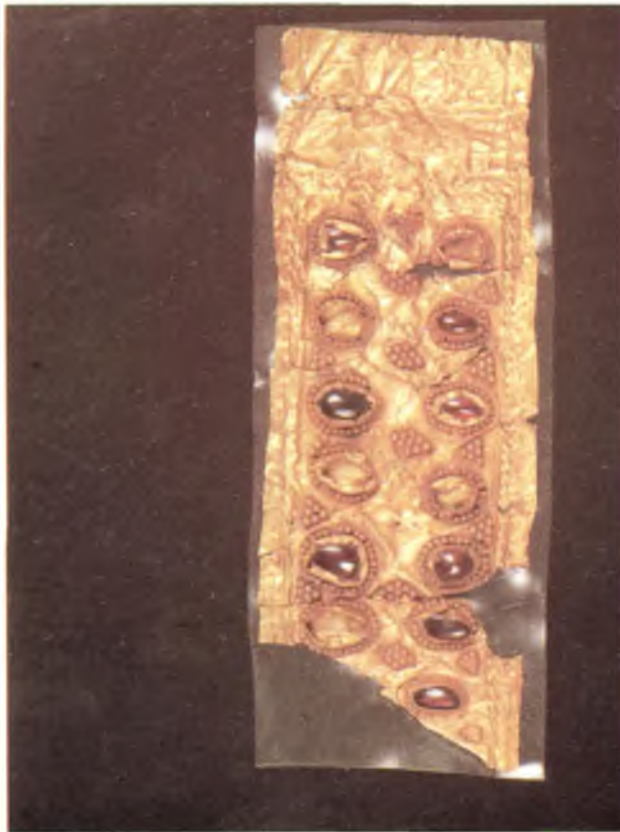
Подвеска.
Бронза, бирюза,
нефрит.
III—V вв. ГЭ

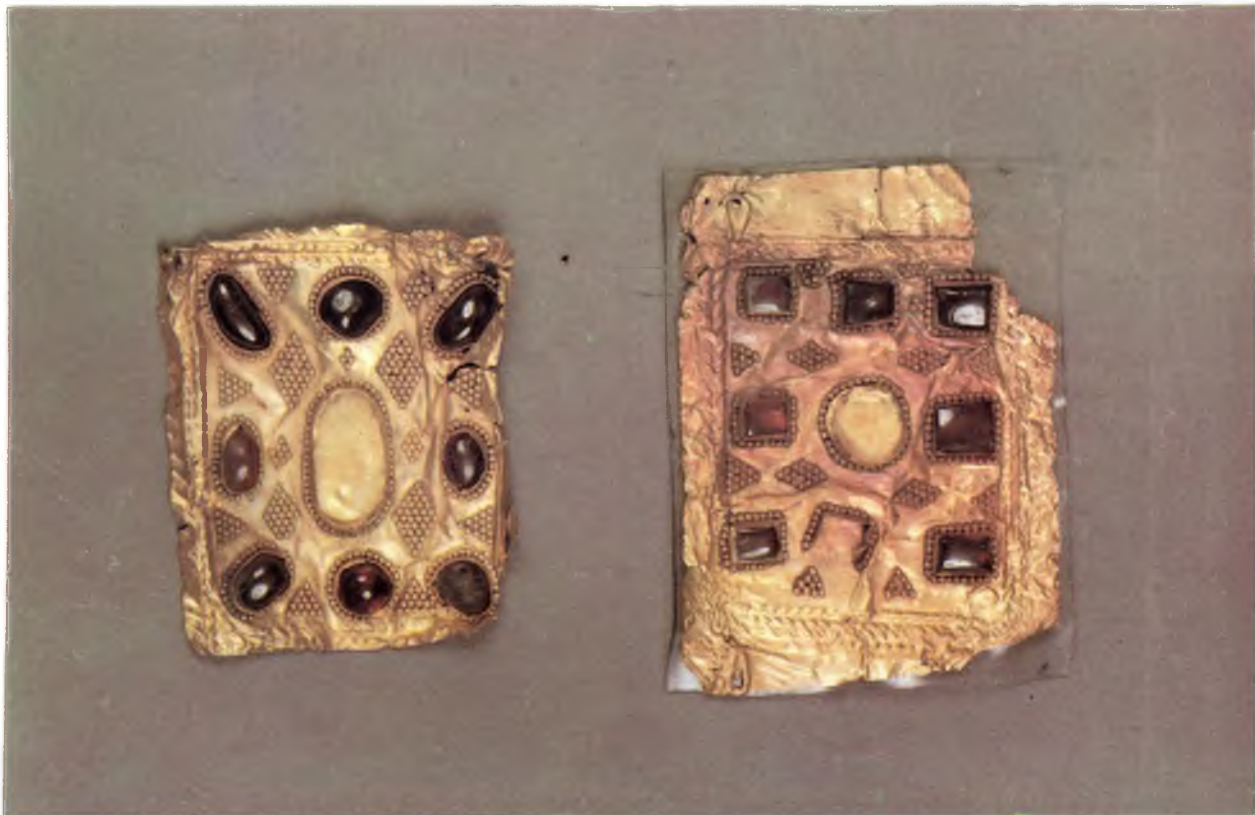
Медальон,
пуговицы
и бляха.
III—V вв. ГЭ

Обкладка диадемы.
III—V вв. ГЭ

Обкладки прямоугольные.
III—V вв. ГЭ

Бляхи трапециевидная и
прямоугольная.
III—V вв. ГЭ

Бляхи фигурная и в виде
головы птицы.
III—V вв. ГЭ

Наконечники
гrywны.
III—V вв.
ГЭ

Колты.
III—V вв.
Музей археологии Академии наук
Казахской ССР

Бляхи под-
ковообразной
формы. III—V вв.
ГЭ

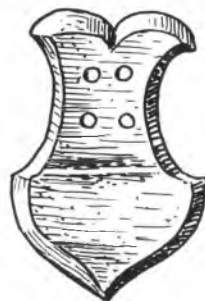
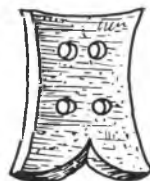
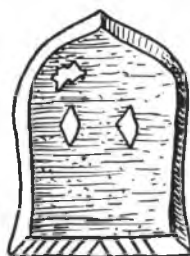
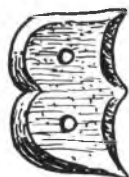

Блюдо
поливное.
IX—XII вв.
Музей археоло-
гии Академии
наук Казахс-
кой ССР

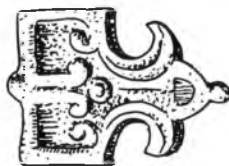
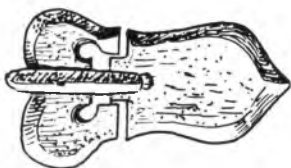
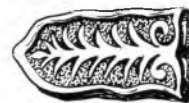

Блюдо полив-
ное. X—XII вв.
Музей археоло-
гии Акаде-
мии наук
Казахской ССР

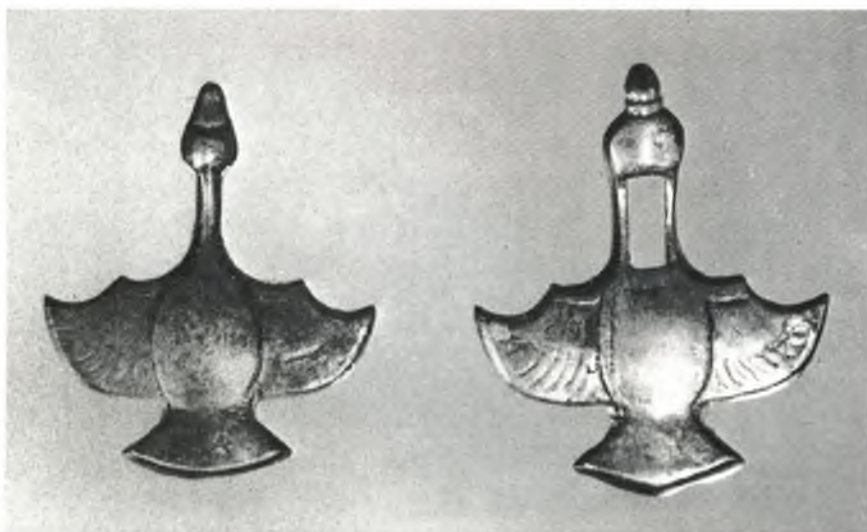
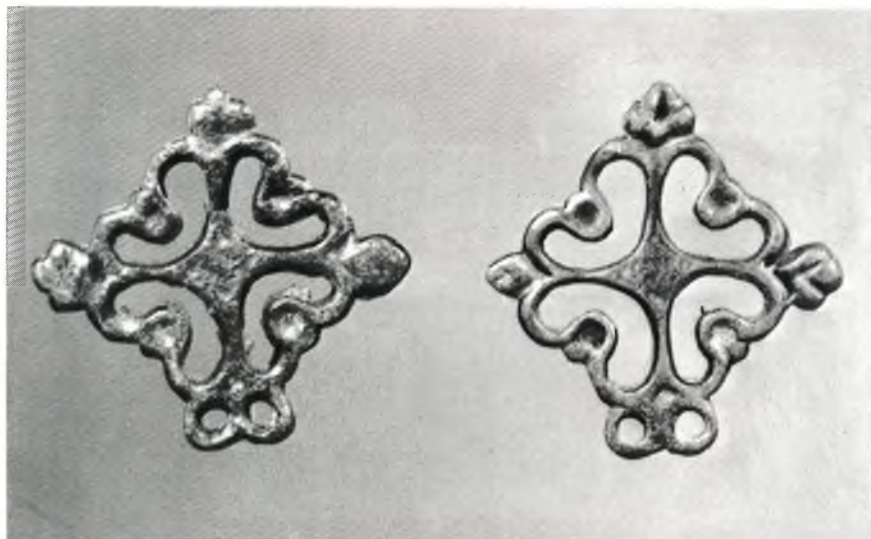

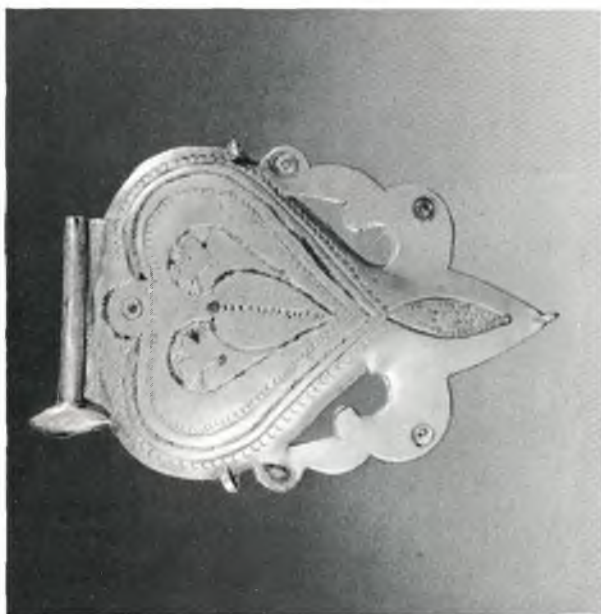
Бляхи,
пряжки.
Бронза,
серебро,
позолота.
VI—X вв.

Ювелирное искусство кимаков и кипчаков

глава 4

РЕМЕСЛА И ВИДЫ
НАРОДНОГО
ИСКУССТВА КАЗАХОВ

В дореволюционном Казахстане были развиты следующие ремесла: кузнечное, ювелирное, слесарное, плотничье, скорняжное, кожевенное, портняжное, сапожное, красильное и другие.

Красильный промысел освещен в трудах П. С. Палласа (199, ч. I, с. 346—353), сообщениях И. Краузе (137, с. 206—213), А. Кушакевича (643) и др. Красители получали из растений и различных минералов, которые добывались на месте. Основным растением, из которого получали желтый, коричневый, оранжевый, красный, бордовый, пурпурный, малиновый и другие красители, являлась марена и ее корни. Она растет в низинах практически во всех речных долинах Казахстана.

Чтобы получить, например, насыщенный желтый краситель, большое количество корней кипятили в специальном растворе из квасцов. Многие мастерицы добавляли в раствор баранье сало, чтобы краска была устойчивой. Окрашенные ею кожа и шерсть не теряли своего цвета.

По сообщению П. И. Рычкова, казахи хорошо знали свойства минеральных красителей, которые они добывали у себя в степи. Для усиления тонов краски они применяли селитру, купорос, серу горючую, нашатырь, охру. Он замечает, что в «киргиз-кайсацких ордах... селитряных земель сыскаться может довольно. Самое знатное место находится около Созака (Сузака—А. М.). На сем месте множество самородной селитры лежит, кою как киргизы, так и другие тамошние народы берут, и в дело употребляют... Самородный нашатырь находится в Туркестанских горах. Сера горючая... находится по реке Сырдарье... тамошние народы достают ее множество» (230, ч. I, с. 522).

Народные мастера пользовались смесью охры и киноvari, дающей темно-красный, бордовый, пурпурный тона.

Исследователи прошлого сообщают, что из киноvari изготовлялась темно-пунцовая краска для окраски шерсти или кожи. Особое предпочтение казахи отдавали белой краске, считая ее выражением радости. Для усиления белизны кошм, которыми покрывались юрты, употребляли белую глину и мел.

Забывтой отраслью казахского ремесла

является обработка технических культур, а, именно кендыря. Из него получали прочные волокна, к которым добавлялись верблюжья шерсть или козий пух, что придавало пряже мягкость. Из этих нитей ткали ткань для верхней одежды, настенных ковров и конских попон.

Мужчины изготовляли хозяйственные инструменты и вооружение: фитильные ружья, сабли, полусабли, секиры, топоры; делали седла, все убранство коня, ювелирные украшения, занимались резьбой по дереву, кости и камню, выделывали кожу и изделия из нее украшали тиснением; сапожничали и т. д.

Женщины обрабатывали шерсть, делали войлок, постилочные ковры, занимались ткачеством, шитьем и вышивкой. Как правило, работали группами при изготовлении войлочных полотнищ для покрытия юрты, войлочных, ворсовых, безворсовых и шелковых ковров, приданого невесте: одежды, постели, домашней утвари и т. д. Групповая работа казахских мастериц отражена в наблюдениях Г. И. Спасского, С. Б. Броневского и др. Эта традиция сохранилась до сих пор, в частности, на юге Казахстана ворсовые ковры женщины гкут группами и передают свое мастерство молодым.

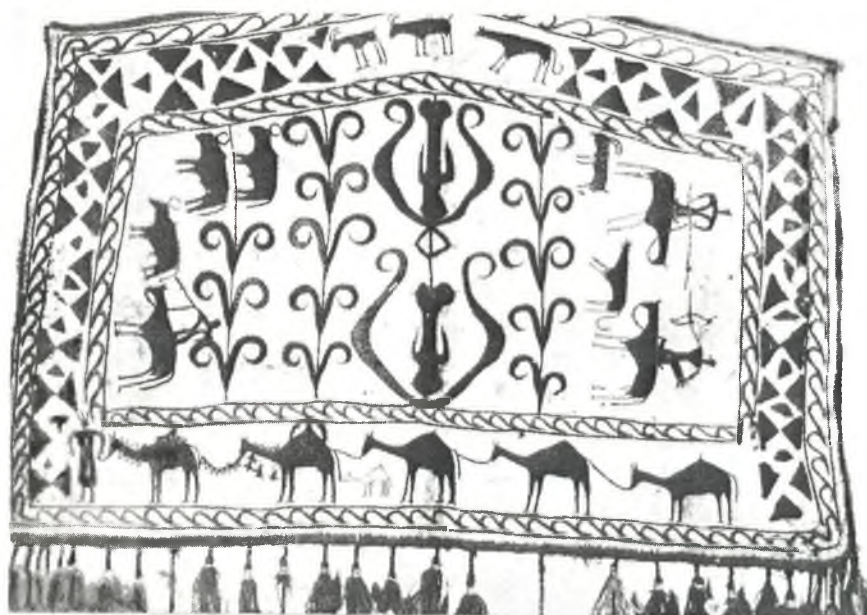
И. Ф. Русанов писал: «Кайсаки не имеют для ремесла удобных мастерских, но... все, что ни выходит из рук кайсака, если не отличается особым изяществом, то прочностью. Для домашнего обихода они не нуждаются ни в чем чужеземном, а все потребности жизни удовлетворяют продуктами своего скотоводства» (572).

Семьи со средним достатком сами изготовляли предметы быта и производили основную часть ремесленных изделий. Богатые казахи являлись только заказчиками, а за выполненную работу платили скотом или продуктами скотоводства. Например, за шитье суконного кафтана давали одного-двух баранов, за шитье шубы из хорошей мерлушки—два-четыре барана или снабжали шерстью, овчинами, выбойками и прочим.

Самые ценные изделия ремесла и народного искусства производились по заказу ханов, султанов и беков в их ставках и мастерских. Здесь трудились

Настенные
фрески. XIX в.
Фото А. И. Тер-
ножкина

Коврик для
верблюда.
Конец XIX в.

самые талантливые ювелиры, резчики, вышивальщицы и т. д. По заказу знати строились и мавзолеи, облицованные резными плитами, с художественной обработкой портала, колонн и фриз. В некоторых мавзолеях Казахстана — надгробных сооружениях, которые создавались как память об умершем для почитания его духа, открыта фресковая роспись. Росписями были украшены стены и своды купольных мавзолеев Наурызбай (Улутауский район, Торткара), Кулсары (низовья Эмбы), Сырлы-там, Сырлы-там II в долине Джиланчик Тургайской степи, на некрополе Коркут-Ата (Сырдарья).

К наиболее древним относится роспись на большой надгробной плите в одном из мавзолеев в районе г. Жезказгана. Она выполнена клеевыми красками. На плите изображены воин и его конь. Созданные вопреки предписаниям ислама, эти образы отражают пережитки древних верований, сохранившихся у казахов.

Сюжеты более поздних росписей воссоздают военные походы, охотничьи сцены, картины перекочевки и быта. По литературным данным, такие росписи характерны для сооружений огузов и кипчаков, живших на Сырдарье и в степи севернее от нее.

Соответствие формы подвижного жилища — юрты и купольно-центрического сооружения позволяло художнику воссоздать в архитектурном декоре убранство кочевой юрты. В качестве примера можно привести росписи, открытые в Джамбулской области в 1936 году А. И. Тереножкиным в мавзолеях Байтымбета, Джантая и Ак-Тепе. Первые два построены в середине XIX в., последний — в 1903 году (531).

На фризовой фресковой росписи, которая напоминает по расположению баскур в юрте, мы видим караван верблюдов, сцены охоты, летний аул с жеребятами на привязи, всадников в военных доспехах, отдельные предметы утвари, одежды, украшений и др. Свод мавзолея Джантая, построенного из жженого кирпича, покрыт фреска-

ми, по формам расположения напоминающими интерьер летней юрты. Главный сюжет росписи — большой караван, идущий справа налево. Его сопровождают три лошади. Лошади и последний, шестой, верблюд расписаны синей краской, остальные верблюды — желтой, дикие козлы — зеленой. Попоны на верблюдах — красного цвета с черными крапинками.

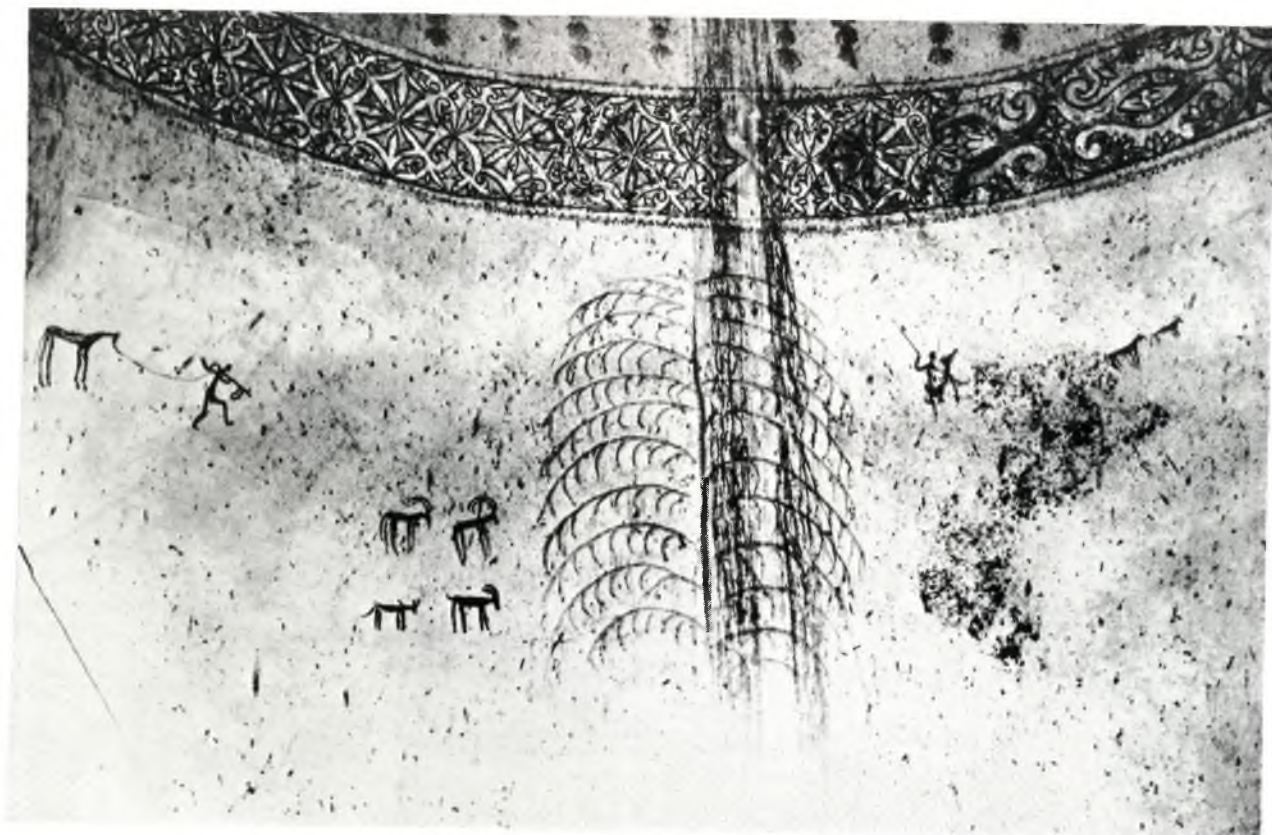
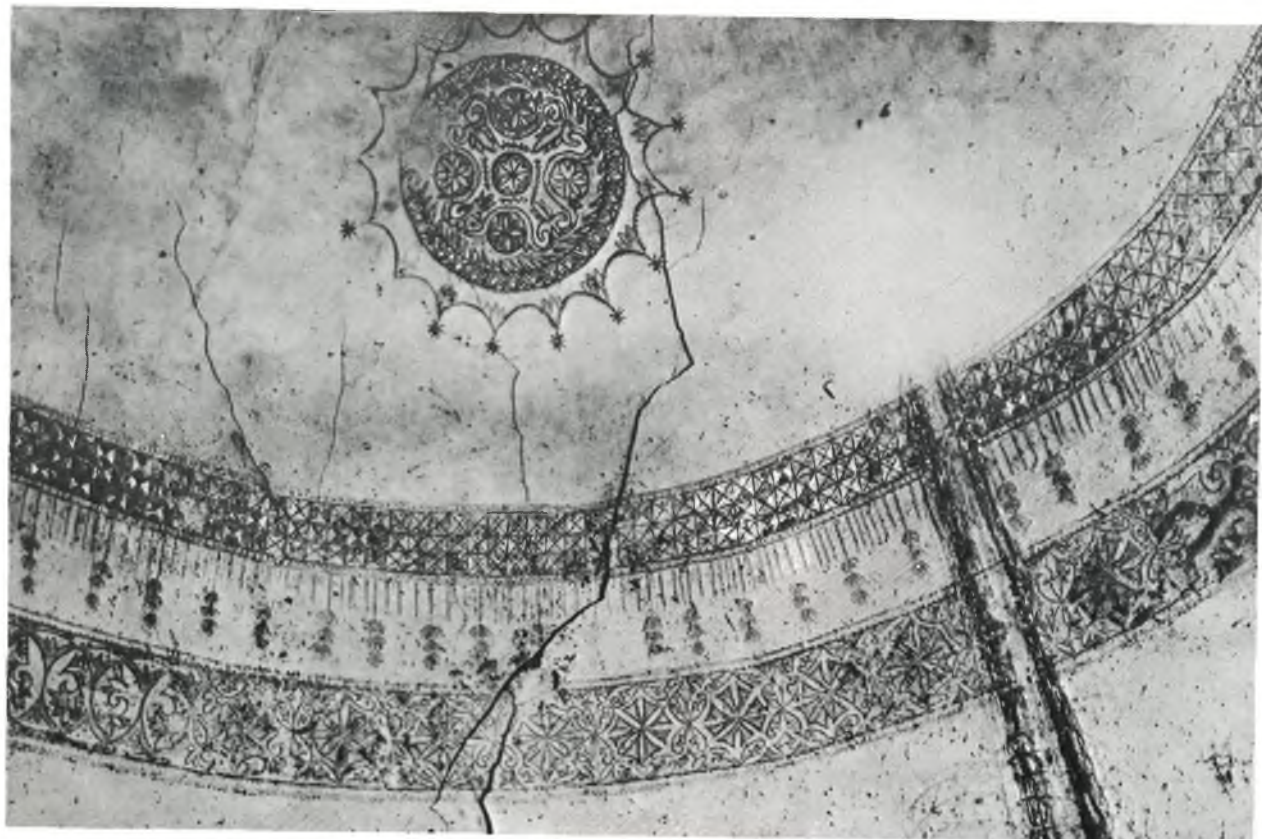
Интересно, что подобные сюжеты, совершенно одинаковые по стилю, встречаются на ковриках, которыми покрывались верблюды из свадебного каравана невесты, — асмалдыках. Коврики эти имели трапециевидную форму, были из шелка с вышивкой или тканые. Лучшие варианты асмалдыка в середине XIX века зарисованы адмиралом А. Н. Бутаковым около Аральского моря, и теперь эти рисунки хранятся в архиве В. В. Стасова в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Асмалдык, сотканный ковровщицей из Мангышлака, опубликован А. Фелькерзамом (541, с. 24, 25). В центральном поле этого асмалдыка — караван из пяти верблюдов, идущих справа налево. На верхнем бордюре коврика — изображение поединка вооруженных пиками всадников. На нижнем и боковых — фигуры трех крупных быков, группа рогатого скота, козлы, собаки и охотник.

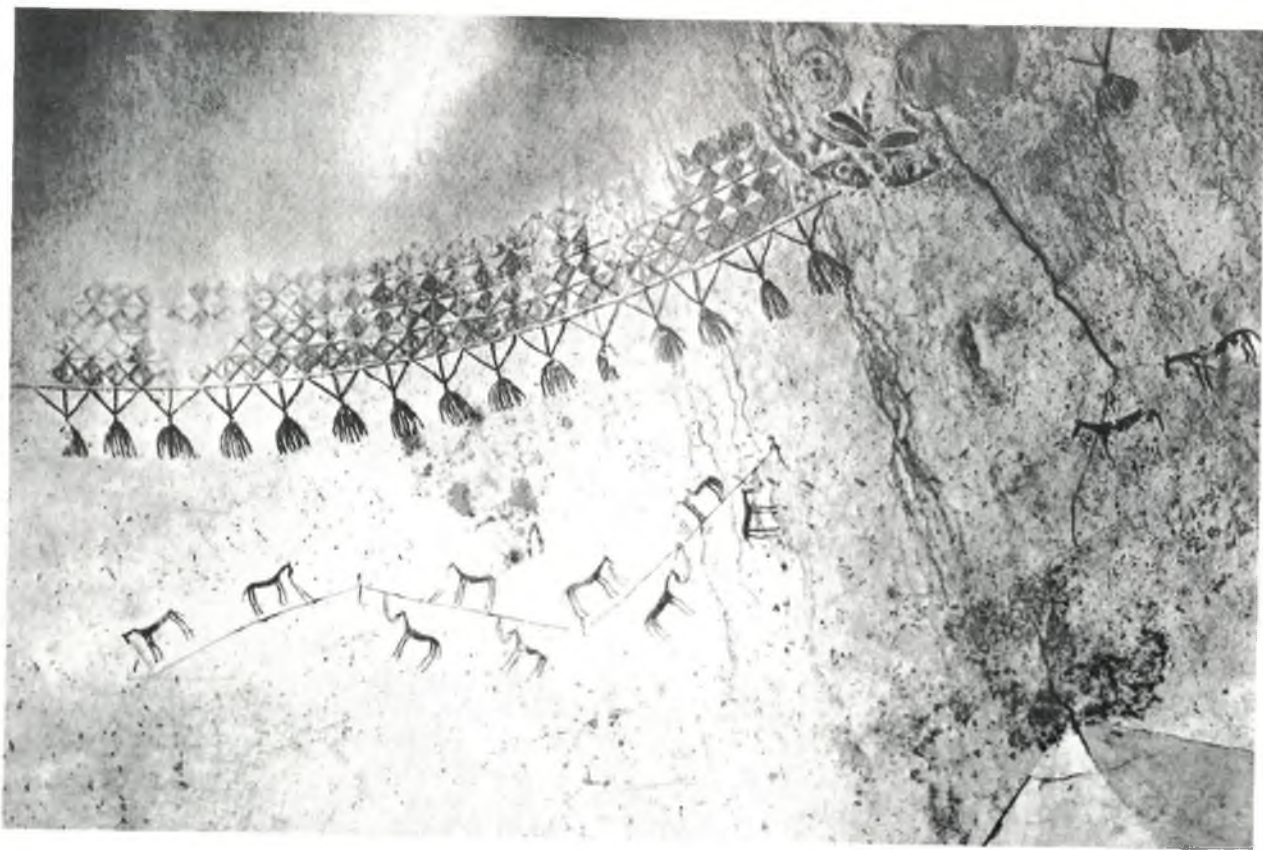
В ГМЭ хранятся рисунки и фотографии асмалдыков, выполненные С. М. Дудиным на Сырдарье. На одном из них вышиты козлы, тигр, собака и растительные мотивы. По низу асмалдыка пришита бахрома с длинными кистями. На другом асмалдыке — караван из пяти верблюдов, идущих справа налево, в центре три верблюдицы с верблюжатами. Слева, на бордюре, изображены фигуры трех диких козлов, справа — козел, собака и два танцующих человека.

Делались и более узкие варианты асмалдыка. Таким образом, традиция изображений одних и тех же животных в сходных композициях прослеживается в архитектурном декоре и декоре бытовых вещей.

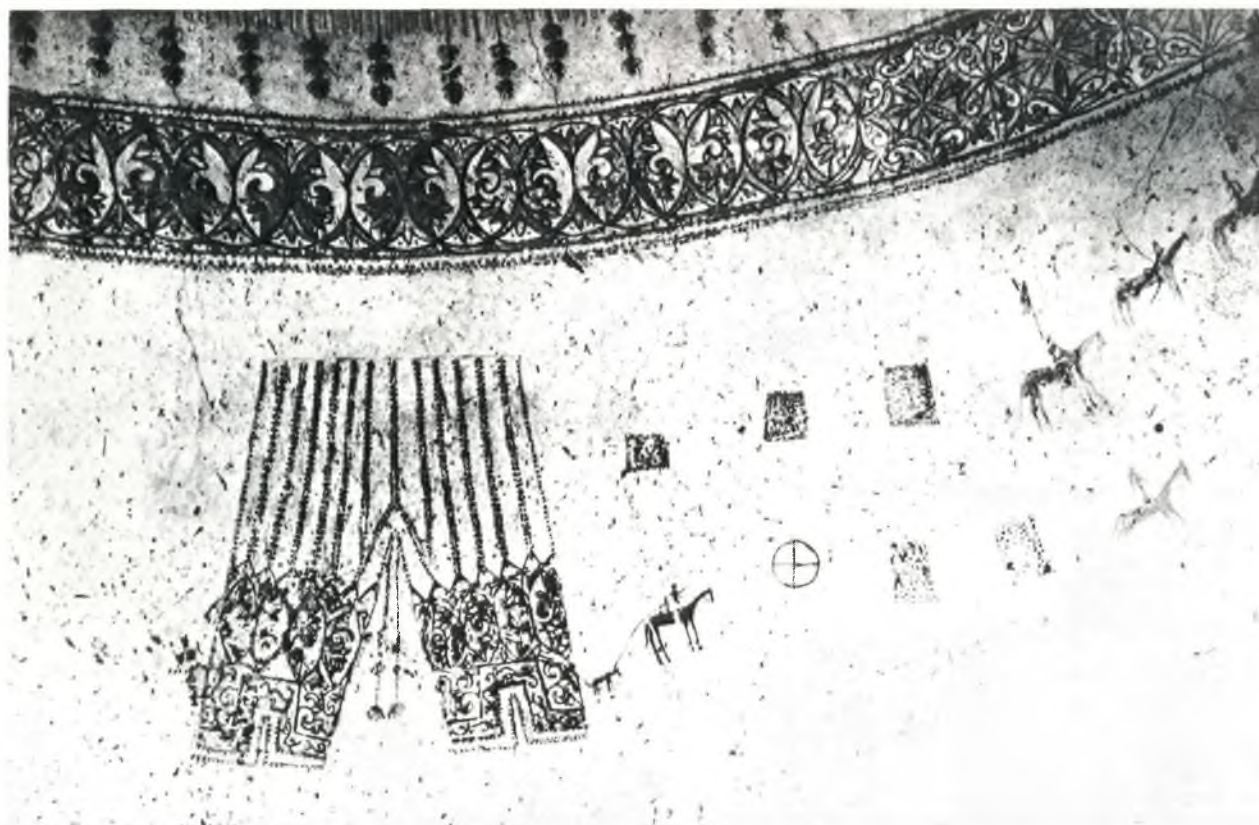
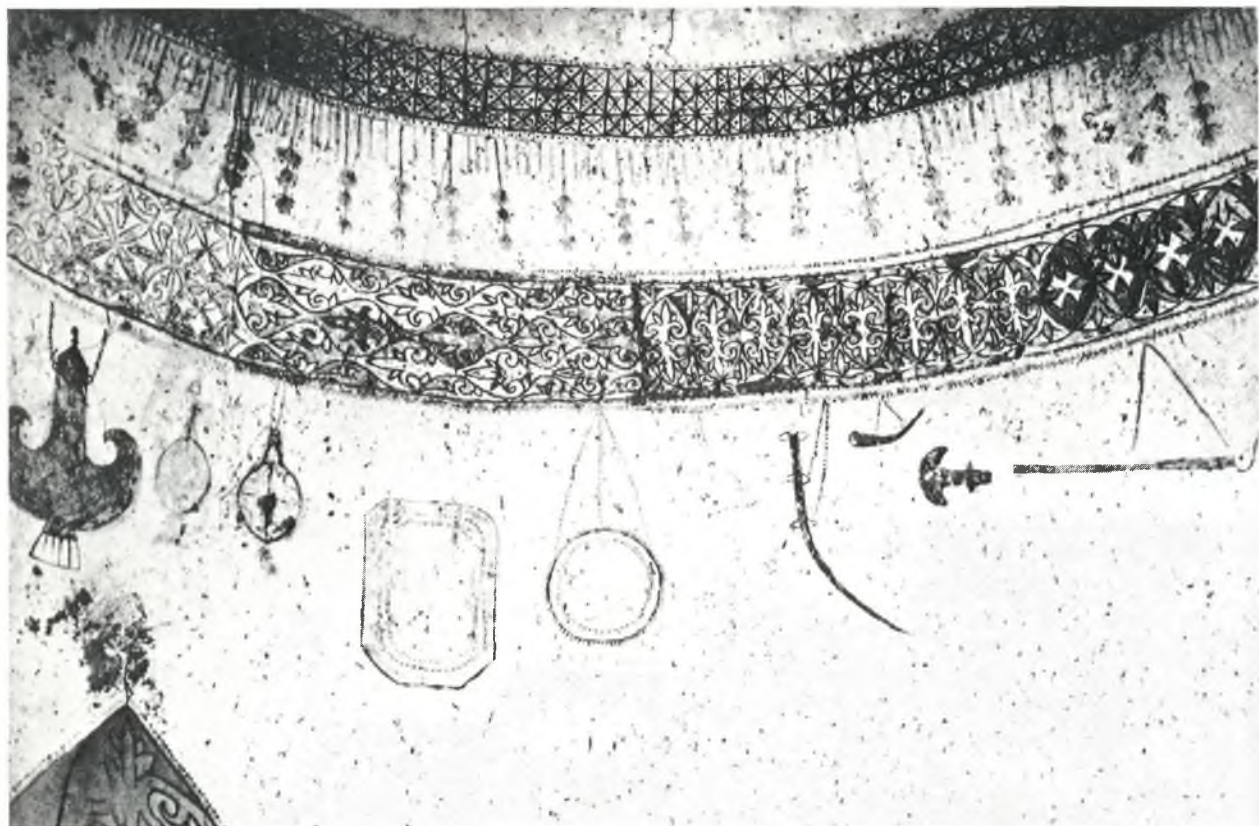

Настенные
фрески. XIX в.
Фото А. И. Тер-
ножина

Настенные
фрески. XIX в.
Фото А. И. Тер-
ножкина

глава 5

КАЗАХСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ОРНАМЕНТ

Орнамент в казахском искусстве изучали русские и советские ученые. Среди них В. В. Стасов, С. М. Дудин, В. Н. Чепелев, Б. П. Денике, Т. А. Жданко, Л. И. Ремпель и другие. Исследователи отмечали, что казахи живут как бы в мире орнамента. «Окружающая действительность своеобразно опозитивирована в гамме узоров. Утварь, посуда, оружие, одежды — все любовно покрывается орнаментом» (545, с. 153).

Орнамент формировался на основе искусства древних скотоводческих племен — саков, усуней, гуннов, тюрков, канглы, кипчаков. В своих главных чертах он отражает их художественное мышление. Узоротворчество возникло в процессе трудовой деятельности, общения человека с окружающей средой. Орнамент в древности имел ритуальное значение. Например, у казахов были бронзовые и серебряные талисманы с солярными кругами — символами солнца, луны, неба, которым они поклонялись. Орнаментированный талисман был знаком магии, символом счастья и благополучия, отражением религиозных представлений.

Практически все орнаментальные узоры «читались» в свое время совершенно определенным образом. Ныне смысловое значение многих орнаментальных мотивов утрачено. Раскрыть его — задача будущих исследователей.

С определенностью можно сказать о происхождении и значении зооморфных мотивов. В основе их — стилизация образов древнего «звериного стиля»: барана, лошади, верблюда, волка, орла (грифона), сокола и т. д., затем воспроизведение отдельных частей их фигур: головы, рогов, ушей, копыт, горбов, ног и пр., условно представляющих целое. Так возникли орнаментальные мотивы *бараний рог* — *кошкаф муйиз*, *олений рог* — *бугу муйиз*, *голова лошади* — *ат бас* и т. д., которые являются основными в орнаменте казахов.

Определенную роль в формировании зооморфных и других мотивов казахского орнамента сыграли запрет ислама на изображение живых существ, тенденция в этот период к стилизации изображений в изделиях прикладного искусства.

Мотивы казахского орнамента чрезвы-

чайно многочисленны и сохраняют черты разных эпох и стилей не только по форме, но и по технике выполнения. Основные узоры можно разграничить на космогонические, зооморфные, растительные, геометрические и т. д. Из сочетания основных узоров образуется масса производных.

К древнейшим относятся космогонические узоры. В первую очередь следует назвать солярный круг. Ему поклонялись древние скотоводы, а позднее казахи. Предметы искусства с солярными знаками в древности были талисманом, оберегом. К космогоническим узорам относятся вихревые розетки, также являвшиеся символом солнца. Эти узоры встречаются на керамике и в архитектурном декоре, например, на фасаде мавзолея Бабаджи-хатун, расположенного в окрестностях Джамбула, фризе мавзолея Алаша-хана в Центральном Казахстане.

Солярные круги и вихревые розетки, иногда в сочетании с роговыми узорами, встречаются в вышивке халатов Эрмитажа, полотенец, платков, в резьбе по дереву, в тиснении по коже, в орнаментации настенных ковров, пряжек, мужских поясов, оружия.

Изображение круга есть в резьбе декоративной стороны *кебеже* — *ларей*, хранящихся в МАЭ и ЦГМК. Эти узоры и вихревые розетки встречаются на коврах, женских нагрудных украшениях, браслете. Чеканными серебряными дисками украшен *жаглан* — *сундук*.

К космогоническим узорам относятся также *кун кози* — буквально *глаз солнца*, *солнечные лучи* — *кун саулеси*, *восход солнца* — *шиккан кун*, *лунный цветок* — *ай гуль* (встречается в коврах), *полумесяц* — *айшик гуль*, широко применявшийся в резьбе по дереву, этим узором украшалась конская сбруя.

Узор ай гуль — один из древнейших. В сочетании с треугольными пирамидками он встречен на памятниках искусства гуннов, на женском нагруднике из Пазырыка.

Производные от ай гуль узоры *уш айшик* — *три полулуния* (встречен на накладке кипчацкого пояса в Павлодарском Прииртышье) и *торт айшик* — *четыре полулуния*.

Последний узор имеет варианты: элементы противопоставлены или совмещены выгнутой стороной.

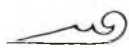

рис. 1

Звездообразными узорами — *жулдыз гуль*, *жулдыз орнек*, *топ жулдыз* вышивалась верхняя одежда. В ковровых композициях использовался узор *сегиз кырлы орнек* — восьмиугольная розетка со звездой в центре.

рис. 2

С космогоническими тесно связаны узоры, которые являются символическими изображениями природы. Земля и вода — главные стихии скотоводов, им поклонялись как священным. У казахов волнистые кривые линии, зигзаги, которые называются *су*, обозначают воду, реку, течение. Эти мотивы служат обрамлениями узоров, интервалами.

рис. 3

Десять холмов — тогыз тобе — один из древних узоров. Он обнаружен еще на бронзовой бляхе от конской сбруи (Тасмола У) (85, с. 330, рис. 3, 4, 24) и связан с солярным кругом — символом солнца. Этим узором украшены ювелирные изделия гуннов и сарматов. Пазырыкские памятники свидетельствуют об его использовании в резьбе по дереву (*псалия* от узды) (73, табл. XVIII, рис. 5), в аппликации по коже (225, с. 88, рис. 41).

Узор *тогыз тобе* обнаружен на памятниках ювелирного искусства казахстанских племен периода Тюркского каганата, в частности, найденных в городах Чуйской и Таласской долин. Он сохраняется в искусстве кимаков, карлуков. Например, этот узор есть на терракотовых плитах мавзолея Айша-Биби (XI век). В наше время он сохранился в орнаменте казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен.

К этой же группе относятся узоры *речные долины* — *арна гуль*, *купола архитектурных сооружений* — *кумбез*, *холмы — тобе*, *оросительные каналы* — *арык* и другие. Они, как и узоры *су* и *тогыз тобе*, характерны для ковров и архитектурного декора.

Зооморфные узоры наиболее многочисленны. Они отражают мир древних скотоводов и земледельцев, связаны с древней мифологией и первобытным искусством.

Узоры в виде головы, рогов, копыт животных, крыльев и лапок птиц являются основными в казахском орнаменте. Из них составляется множество производных. Кроме того, на их основе разработаны многообразные кривые и волнистые линии, спирали и завитки.

Зооморфные узоры, нередко связанные с древней мифологией, разработаны на основе реалистических изображений тотемных животных и птиц: барана, архара, оленя, волка, быка, лошади, верблюда, беркута, ястреба и других. Некоторые из них, например, узоры в виде рога и следов животных, имели ритуальное значение.

По исследованиям ученых, «баран и козел в солярно-космической мифологии одинаково связаны с солнцем и по существу идентифицируются» (193, ч. II, с. 152). В. И. Петри писал: «На изображении солнца вместо лучей нарисованы бараны рога. Ясно видно, что это космический символ, образ солнца и вселенной» (466, с. 228).

Этот узор характерен для орнамента казахов, киргизов, каракалпаков.

У казахов существует несколько вариантов этого узора. Основной из них — *пара рогов* — *кос муйиз* производный *тофт муйиз* — *четыре рога*.

Другие основные варианты узора *кошкар муйиз один рог* — *сынар муйиз* и *сломанный рог* — *сыннык муйиз*. К этой же группе узоров можно отнести узор *со-рок рогов* — *кырык муйиз*.

Из распространенных зооморфных узоров, наряду с кошкар муйиз, встречаются *шея горного барана* — *кулжа мойын*, *олений рог* — *бугы муйиз*, который используется в бордюре войлочных ковров. Очень древним является узор *шея верблюжонка* — *бота мойын* — в виде латинской буквы S. Он известен со времени саков и сохраняется в орнаменте казахов, киргизов и каракалпаков.

Лировидная фигура из этих двух элементов у казахов называется *кос алка*. S-образная фигура используется в композиции войлочных, ворсовых и безворсовых ковров, баскуров, вышивке на мужской и женской одежде, в резьбе по дереву и на ювелирных изделиях.

Своеобразна древняя орнаментальная фигура (рис. 1) — горизонтальный и вертикальный варианты. У казахов она называется голова лошади — *ат бас*. Ее можно встретить в резьбе по дереву и кости, вышивках, безворсовых коврах, ювелирных изделиях.

К древним относится узор *верблюжий след* — *туые табан*. Из него строится система узоров для центрального поля ковров. В ковровых композициях используются также узоры *верблюжий*

рис. 4

горб—*түйе оркеш*, волнистые и пунктирные линии. Волнистые линии называются *нога верблюжонка—бота тирсек*, пунктирные—*мышинный след—тышкан из*.

В орнаменте казахов, каракалпаков, туркменов, киргизов и узбеков сохранились изящные сердцевидные фигуры—*журекше*.

рис. 5

К зооморфным относятся также узоры *волчьи уши—бори кулак*, характерный для ювелирного искусства и тиснения по коже, *голова скакуна—тулпар бас*—в виде крестовины с головами лошади по углам, *лисья голова—тулки бас*—узор в виде розетки, характерный для тускизов. Своеобразен ритмически повторяющийся узор *муравьиная талия—кумырска бель*.

рис. 6

Один из распространенных в казахском орнаменте зооморфный узор *четыре уха—торт кулак*. Это крестовидная фигура, составленная из взаимопересекающихся линий с четырьмя бараньими рогами, расположенными по углам.

рис. 7

Крестовидная фигура с рогами барана впервые обнаружена в памятниках Ноин-Улы. В пятом Пазырыкском кургане на настенном войлочном ковре аппликацией выполнена фигура (рис. 2). Такие крестовидные фигуры сохранились также у казахов в орнаментации настенных ковров—тускизов.

Узор торт кулак имеет несколько основных и производных вариантов. К основным относятся имеющие крестовидные, округлые и полуокруглые очертания. Есть варианты, когда две дугообразные линии узора сдвоены и образуют фигуры (рис. 3) или (рис. 4). Фигура (рис. 5) имеет у казахов несколько названий: *покрытие—тасала*, *ковровый надверник* и *детское седло—есик жапкыш*.

Такие узоры сочетаются с солярным кругом и образуют фигуры (рис. 6) и (рис. 7). Вторая—крестовидная в своей основе. Такие фигуры используются в резьбе по дереву, тиснении по коже.

Крестообразную форму имеет узор *позвоночник—омыртка*. Из него составляются ритмические ряды в композициях ковровых изделий.

К зооморфным можно отнести узор *ребро—кабырга*, используемый для боковых участков ковровых композиций,

двойное копыто—*аир бакай* или *аша туяк*, характерный для резьбы и тиснения по коже, а также для ковров; *след собаки—ит из*, *след щенка—кушик из*, *рыбий глаз—балык коз*—мотив, встречающийся в ювелирных изделиях, *змеиная голова—жилан бас*.

В казахском орнаменте многочисленны узоры, напоминающие силуэты птиц, очертания их крыльев, шеи и лапок. Выразительны узоры *вереница летящих журавлей—тырна*, *журавль-цветок—тырна гуль*.

В орнаментации бордюров ковров используется узор *орел-цветок—буркит орнек*. Есть узоры *птичьи крылья—кус канат*, *орлиное крыло—буркит канат*, *соколиное крыло—лашин канат*. Последний используется в тускизах.

В обрамлениях различных изделий используются кривые линии: *птичий клюв—кус тумсык*; мотив елочки: *птичье небо—кус тандай*, *птичья шея—крячок—кус мойын*, *гусиная шея—каз мойын*, *гусиная лапа—каз аяк*, *птичий след—кус табан*—разновидность узора каз аяк. Узор каз аяк используется в каймах ковровых изделий.

Ко второму тысячелетию до нашей эры восходят геометрические элементы казахского орнамента. На территории Казахстана в советское время открыто и исследовано много памятников эпохи бронзы, и среди них керамика с геометрическим орнаментом, напоминающим ковровые узоры казахов. Он встречен также на наскальных рисунках и предметах из бронзы.

Геометрический орнамент широко используется в архитектурном декоре, ковровых изделиях, в резьбе по дереву и камню, в тиснении по коже. Это—квадрат, ромб, четырехугольники, треугольники, составляющие половину квадрата или ромба, разделенных по диагонали, шестиугольники, восьмиугольники, фигуры из квадратов и треугольников, параллелограмм.

Для геометрических узоров характерны равновесие между отдельными элементами, пропорциональное деление фигур, вписанных в композицию.

Многообразны всевозможные линии: прямые, волнистые, спиралевидные, в виде цепочки, шнура.

В казахском орнаменте много производных геометрических узоров. К ним

относятся *аралык гуль*—фигура, образованная из треугольников, она обычно располагается в композициях ковров между центром и бордюром; *два треугольника*—*кос тумарша*, его вариант—*сызыкты тумарша, якоревидная фигура*—*балдак улги*, ритмическая повторяющаяся в орнаментации баскуров; узор, напоминающий гребень,—*такта орнек* используется в ковровых композициях, резьбе по дереву и тиснении по коже. Древним является узор, сохранившийся у казахов под названием *сирге гуль*—тип меандра, широко известный с эпохи бронзы.

Древний элемент в виде запятой называется у казахов *алиши, алишим бар*—удача, счастье, благополучие. Этот элемент используется главным образом в вышивке настенных ковров, халатов, платков.

Растительные узоры казахского орнамента, подобно другим его группам, делятся на основные и производные. К основным относятся узоры *дерево*—*агаши гуль, яблоко*—*алма гуль*, характерные для розеток в центральном поле ковра; *колос*—*масак гуль*, используемый в вышивке, *вьющиеся стебли*—*сакык гуль*, образующий арабесковую вязь, *тополь*—*торангы гуль*, используемый в резьбе и ковровых изделиях, *восемь фисташек*—*сегиз листе*—узор для розеток, *полевые цветы*—*байшешек гуль*, сходные с ним узоры *тюльпан с бутончиками*—*кызгалдак гуль* и *миндаль*—*гуль бадам*, часто встречающиеся в вышивке настенных ковров, одежды, подзоров для кровати.

Узор *лотос* (или водяная лилия)—*сегиз илме* используется для украшения центров ковровых орнаментальных композиций, узор *горошина*—*буршак гуль* характерен для многокрасочных композиций. Узор *восемь цветков*—*сегиз гуль* характерен также для центрального поля ковра, вилообразный стебель с двойными зубьями—*багана гуль* использовался в орнаментации безворсовых ковров. Узоры *лоза*—*тал баркы, стебель с мелкими цветками в колосьях*—*балдана сабак* встречаются в вышивке. Для вышивки характерны мотивы *цветок с бутонами*—*казтамак гуль*, соцветие из пяти цветков со стеблями—*бессабак гуль, веточка с ягодами, цветок с лепестками*—*ушкат гуль*, использовав-

шийся не только в вышивке, но и в тиснении по коже сосудов; *одуванчик*—*сары гуль, пятилепестковый цветок с бутонами*—*саргалдак гуль* и т. д.

К отдельной группе растительных узоров относятся *таволга с соцветиями*—*тобылга гуль*—узор, применяемый в вышивке мужских штанов, *ветка ивы*—*уйенки гуль*, использовавшийся в тиснении по коже и резьбе. Широко применялись *узор в виде листьев*—*жапырак гуль, цветы с листьями*—*жапырак ою, большой лист*—*туие жапырак, трелистник*—*кульпнай или уш жапырак, пятилистник*—*бес жапырак, бутон*—*култе*—узор для обрамления вышивки, *красный цветок*—*кырмызы гуль*—узор для центра орнаментальных композиций.

В казахском орнаменте встречаются узоры, представляющие схематические изображения предметов бытового обихода. Это—*сандык гуль*—квадрат для украшения центральной части композиций, *кобыз*—*кобыз гуль*—узор, применяемый в инкрустации и ювелирных изделиях, *лады кобыза*—*кобыз тил*—узор в виде язычков, *чайник-цветок*—*шаугим гуль*—узор округлой формы, используемый в вышивке тускиизов и тиснении по коже, *покрывало двери*—*есик жаккыш*—узор в виде фигуры X, *падшайы гуль*—узор для орнаментации циновок, *цветок-жемчужина*—*тана гуль*, используемый в инкрустации, *ожерелье*—*моншак гуль*—узор, применяемый в филигранной технике, *гребень-цветок*—*тарак гуль*—узор вилообразного очертания, применяемый в декоре безворсового ковра и баскура, часто в сочетании с треугольниками, ромбами, якоревидными и S-образными фигурами.

Среди этой группы одним из древних является узор *каблук*—*окше гуль*. Очень распространен его вариант—*ломанный каблук*—*сынар окше*, применяемый в орнаментации паласов, ковров, баскуров, циновок, войлочных сум.

Узор *каблук* имеет несколько вариантов. Фигура из двух этих элементов называется *пара каблуков*—*кос окше*. Из одиночных и парных элементов составляют розетки в коврах и баскурах. Для этих изделий характерен также древний узор *зубья пилы*—*ара тис*. Ювелирные изделия украшаются узором *кармак*—*узdechка, крючок*.

Уникальные образцы таких дверей, представляющие большую художественную ценность, хранятся в музеях нашей страны, например, резная дверь из Акмолинской степи, отделанная кожей,— в ГМЭ.

Несколько резных дверей были зарисованы с натуры С. М. Дудиным и Р. Карутцем.

На ночь дверь обязательно прикрывалась войлочной завесой. Иногда завесы простегивались разноцветными шерстяными нитками или украшались ап-

нитями с таким расчетом, чтобы при плетении образовались яркие, иногда довольно сложные орнаментальные рисунки. Это ромбы, квадраты, по краям — бордюры.

Красочны узорные циновки Центрального Казахстана и Мангышлака. На Мангышлаке существовала своеобразная школа по их производству. Выразительной композицией выделяются циновки из районов Улутау, Каркаралинска и Баянаула (Карагандинский областной историко-краеведческий му-

Аул из белых юрт. Фото Кесслера. 1868 г.

пликацией. Дверные завесы делались и из тростника, узорно оплетенного цветной шерстью.

Решетки каркаса юрты снаружи обкладываются циновками — шим ши. Иногда такие циновки использовались в юрте как ширмы. Как и другие предметы убранства юрты, циновки имеют одновременно утилитарное и декоративное значение. Размеры их не менее 2×3 м. Изготовление циновок — трудоемкая работа, требующая большого умения и вкуса. Каждый стебель тростника обвивается разноцветными

зей). Старинные циновки хранятся в ГМЭ, в фондах музеев Алма-Аты, Ташкента, Омска и др.

Техникой плетения — ызу изготовлялись не только циновки, но и узорчатые ленты и тесьма с бахромой для украшения юрты — ызба бау.

Поверх циновок каркас юрты в два слоя покрывается войлоком. Нижний слой — это большие полотнища из плотно скатанного войлока длиной 5—6 м, шириной до 3 м, покрывающие юрту от середины свода до земли. Называются они туурлыками.

Внутри юрты по линии соединения головок решеток с купольными жердями украшалась ковровыми или войлочными полосами, известными под названием *туурлык кас* и *узук жапкы*. Узук жапкы делались также из шелка и сукна. Суконный, вышитый золотом узук жапкы хранится в фондах Эрмитажа.

Верхний слой войлочного покрытия юрты состоит из двух полотнищ — *узук*. Они покрывают юрту от шанрака. По той же линии, что и туурлыки, узук украшались додеге. *Додеге* — это выкроенный в форме квадратов или ромбов войлок, как правило, с аппликацией из красного сукна. Эти накладные украшения образуют своеобразный фриз и напоминают ряды орнаментальных плит на мавзолеях Казахстана. В Семипалатинском музее хранится додеге с изображением стилизованной фигуры человека.

Войлочные покрытия юрты скреплялись с корпусом веревками и узорными лентами — *бельдеу* с ткаными и нашивными узорами, широкими ворсовыми и безворсовыми дорожками — *баскурами*. Из баскуров наиболее красивые с белым фоном — *ак баскур*, бордовым — *кызыл баскур*, малиновым — *ал кызыл баскур*.

Замечательной мастерицей по изготовлению ковровых дорожек была Хусни Алимova с Мангышлака. В ее баскурах использованы древнейшие орнаментальные мотивы типа меандр, *бафаны рога* — *кошкаф муйиз*, *геометрические узоры* — *кима бау*, *елочка* — *кус тандай*, *каблук* — *сынаф окше*, *кривая шейка* — *ит куйрык* или *кыныр мойын*.

Свод юрты украшался подвесными ковровыми дорожками, полосами и лентами с бахромой и кистями из разноцветных шерстяных нитей. Те, которые подвешиваются к обручу шанрака, называются *жел бау*, а которые к купольным жердям — *уык бау*.

Существует несколько вариантов бау в зависимости от способа изготовления, формы, применения тех или иных орнаментальных мотивов. Это *уй бау* — *тесма*, отличающаяся сложным орнаментальным узором, *изба бау* — *полоса*, сшитая из шерстяных нитей, *алаша бау* — *безворсовая лента* и т. д.

Бау отличаются яркими тонами: белым, зеленым и желтым. В бау, как и в

баскурах, больше применяются геометрические узоры: ромбы, треугольники, не редкость завитки и растительные узоры, встречаются фасовые изображения баранов и их рогов.

Баскуры и бау относятся к ковровым изделиям, но вытканы они в виде узких дорожек. Образцы баскуров и бау хранятся в МАЭ, ГМЭ, ЦГМК и ГМИ Казахской ССР. Большая их коллекция имеется в Ташкентском музее. Рисунки баскуров, сделанные в середине XIX века адмиралом А. Н. Бутаковым, хранятся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве В. В. Стасова. Ворсовый тканый баскур под названием «йомудский» опубликован А. Боголюбовым. Р. Карутц, изучавший на Мангышлаке убранство юрты, отмечал утилитарное и художественное значение баскуров, бельдеу и бау.

Утилитарность и художественность юрты в целом как комплекса отмечали и некоторые другие исследователи. Ее архитектура, обстановка, инвентарь тесно связаны. Пол в юрте всегда был устлан войлочными и ткаными коврами, на стенах висели шелковые и войлочные ковры, сумы, одежда, у стен на резных деревянных подставках стояли лари и сундуки, покрытые войлочными или кожаными чехлами, кровать, отгороженная вышитым пологом. На полу вокруг низкого стола лежали кожаные или бархатные подушки.

По своему назначению юрты у казахов делились на три основных типа: юрты, служившие жилищем; юрты парадные, предназначенные для приема гостей; и юрты походные. Кроме этих основных, были кухонные и использовавшиеся в качестве складов и сараев.

Юрты знати отличались большими размерами и богатым убранством. Для их перевозки на арбах требовалось несколько верблюдов. У казахов среднего достатка юрты были меньших размеров, их можно было перевезти на одном верблюде.

Парадные юрты — *ак орда*, *боз уй* и *отау уй* отличаются особым богатством отделки и убранства. Под термином *ак орда* известны юрты — ставки феодальных владетелей: султанов, ханов, сделанные народными мастерами по особому заказу и описанные многими путешественниками и учеными XVI—

Юрта. Тургай-
ская область

Юрта для
гостей.
Западный
Казахстан

Юрта девяти-
канатная.
XIX в.
Северный
Казахстан

XVIII веков: бухарским историком Рузбиханом, а позднее — участниками академических экспедиций: И. Фальком, Х. Барданесом, Г. Георги, П. С. Палласом, П. И. Рычковым и другими. Парадные юрты XVIII — первой половины XIX века зафиксированы и в рисунках.

Главное отличие юрты-ставки от других — ее размеры. Она состояла минимум из двенадцати, в среднем из восемнадцати и самая большая из тридцати решеток. Большими и красивыми были юрта на берегу Иртыша, описанная Н. Малышевым (425, ч. XLIV, № 8,

с. 271—273), юрта Аблая, сделанная в Семиреченском крае; превосходная юрта была подарена Оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву одним из казахских владельцев Бараком (116, с. 360). Хан Абулмет, принимая послов Ивана Лапина и Мансура Асакова, поставил им гостевую юрту (116, с. 287).

По описанию Христофора Барданеса, юрты султанов вообще отличались своей величиной, белизной войлочного покрова и богатым убранством. 26 июля 1771 года он посетил ставку султана Среднего жуза Мамета. Его аул «состоял из восьми войлочных юрт, из коих три для его фамилии белые... Кибитка самого Мамета была очень большая, разделенная завесою; посреди висел большой железный котел с говядиной и крупами на огне, кругом стояли... ящики, на которых лежали кожаные мешки с платьями и проч. Против входа разостлан был персидский ковер с подушкою» (28).

Ставка султана Али, внука хана Абулхаира, также состояла из множества кибиток, между которыми его юрта была самая большая и покрыта белым войлоком. Пол кибитки был устлан коврами, на которых лежали подушки. У постели султана висели шелковые

Юрта для
приема гостей.
XIX в. Север-
ный Казахстан

Походная юрта

занавески, а кругом были развешаны красивые луки, колчаны, сабли и седла. Жилища казахов, как считают И. Фальк и Г. Георги, «совершенно одинаковые с теми, какие употребляются у башкир» (700, т. III, с. 548; 64, т. I, с. 20-21).

П. С. Паллас отмечал сходство юрт у казахов и калмыков, И. Георги писал, что у казахов «знатные и зажиточные люди покрывают их белыми войлоками и притом имеют особые юрты для жен, детей, стряпки и т. д.» (64, с. 131).

Помимо обычных предметов обихода, типичных для кочевой юрты, путешественники отмечают наличие в интерьере султанской юрты редких и любопытных предметов, переходящих по наследству из поколения в поколение. В султанских юртах были резные кровати, подставки и т. д. Некоторые вещи из убранства султанской юрты имеются в наших музеях.

Из парадных юрт выделяется особая группа изготовленных специально в качестве дара или для выставок. Уникальной в художественном отношении была юрта, сделанная по заказу хана Джангира и преподнесенная им Николаю I во время коронации. Мастера работали над ней около двух лет. Окружность ее была около сорока аршин, окружность шанрака — четырнадцать аршин, высота — пять аршин, «внутренность... обита лучшими алыми и зелеными сукнами, с золотыми позументами, сверху решетки украшены костью, фольгой и зеркалами; таким же образом чанграк и двери» (XXXVI).

Из рапорта губернского секретаря Ванеева, сопровождавшего юрту в Петер-

бург на трех больших повозках, известно, что она была установлена в зале дворца для общего обозрения.

В сообщении Министерства финансов говорится, что мастеру Кенжегали, изготовившему эту юрту, были пожалованы золотая медаль с надписью на «анненской» ленте, пятьдесят рублей серебром, полное киргизское платье и баян (XXXVI).

Парадная юрта, преподнесенная зайсанскими казахами в дар великому князю Николаю Николаевичу, покрыта белым войлоком с вышитыми шелком, серебром и золотом узорами. Все жерди перекрытия были отделаны бляхами из серебра.

Из парадных юрт, приготовленных для выставок, следует отметить юрту Алмазова, отправленную на Парижскую выставку 1861 года; юрты Чингиса Валиханова и Арынгазы Ханкожина, показанные на выставке при Московском университете в 1867 году (387, с. 43-44); Нурмагамбета Сагнаева и Кодая, экспонировавшиеся на выставке около Омска на Иртыше по случаю приезда в Казахстан великого князя Владимира; Мейрама Джанайдарова, отправленная на Третий конгресс ориенталистов в Петербурге в 1876 году и хранящаяся сейчас в ГМЭ; Ибрагима Адилева, показанная на выставке в Казани в 1890 году.

ЮРТА И ЕЕ УБРАНСТВО

К парадным юртам относятся запасные, сделанные специально для гостей, — *конак уй*. Нарядные юрты для гостей имели все более или менее зажиточные семьи.

В семейных воспоминаниях Валихановых сохранилось описание юрты, сделанной специально для Чокана его отцом. В ней он жил после окончания кадетского корпуса и возвращения из Петербурга (1861—1863 гг.). Впоследствии в этой юрте гостили члены Степной комиссии А. К. Гейнс и К. К. Гутковский и Г. Н. Потанин, посетивший аул Валихановых в 1895 году. Вот как описывает А. К. Гейнс эту юрту: «За деревянной могилой сына Аблайхана стала видна белая, как снег, большая юрта. Это аул Чингиза... Юрта, приготовленная нам Чингизом, превосходит все, что я видел до сих пор. Она десятиканатная, т. е. кереге состоит из десяти решеток. Кереге красиво изогнуто и не крашено» (62, т. I, с. 262—263). Речь идет о юрте, сделанной из березы, древесина которой тща-

тельно обработана и отполирована. Фактура юрты так красива, что ее оставляют без росписи.

О нарядных юртах для гостей писали А. И. Якоби (292, т. I, с. 313), Р. Каруц (120, с. 145, табл. 22), Б. Залесский (714, с. 13). При торжественном открытии Капальского окружного приказа на площади за городом поставлено было двадцать белых кибиток с богатым убранством.

Б. А. Федченко, проезжая в 1897 году по территории Южного Казахстана, описал богато убранную юрту, виденную им недалеко от подножья Таласского Алатау (655). Здесь бывал и русский художник В. В. Верещагин, зарисовавший юрту на реке Чу.

Парадные юрты готовились в большом количестве, особенно по случаю устройства годовых поминок — *ас*. Изготовление таких юрт было не под силу одной семье. Здесь участвовала целая группа сородичей и друзей. Богатые люди платили за это деньгами и скотом.

Интерьер юрты.
XIX в. Северный
Казахстан

О проведении годовых поминок писали Н. Рычков (229, с. 29), В. Н. Плотиных (470, с. 137—150), М. Чорманов (620), В. Кальнинг (381, с. 18—23), И. В. Аничков (300, с. 203—210), в «Киргизской степной газете» (593) и др.

На богатых поминках обычно ставилось от пятидесяти до шестисот юрт. Имеется описание большой серии юрт, установленных по случаю поминок в Центральном Казахстане, на северной равнине Прикаспия, на Иртыше и т. д. Однако наиболее богато убранными были свадебные юрты — *отау*. С ними не могла сравниться по красоте убранства даже ставка владельцев. Народные мастера убрали их с особым усердием и любовью, вкладывая все свое умение. Убранство свадебной юрты прежде всего, конечно, зависело от имущественного положения родителей невесты. Но казахи и среднего достатка стремились сделать свадебную юрту нарядной, не жалея средств и материалов. На приданое невесты — *жасау* — родители нередко тратили все свои средства, однако, оно строго эквивалентно калыму, который является порой не выкупом за невесту, а возмещением расходов на ее приданое. Вместе с тем, расходы на приданое невесты часто покрывались дарами родственников и друзей в форме *отау жабдыгы* — приношения домашнего скота, а также драгоценностей, одежды, ковров и т. д.

Очень богатое приданое, в том числе и красивую юрту, приготовил своей дочери знаменитый мастер XIX века Джилкибаев. Вот как оно описывается: «В полдень в аул приезжает жених вместе с матерью невесты, а вслед за ними тянется караван из нескольких десятков верблюдов, навьюченных приданым невесты. По прибытии каравана в аул жениха принялись ставить две кибитки и бухарский зеленый шатер для невесты. Шатер обшивается внутри шелком, кибитки обтягиваются снаружи белыми кошмами, а внутри малиновым и голубым бархатом, отороченным золотым позументом с кистями» (635).

Свадебную юрту и ее убранство готовили лучшие народные мастера: резчики, ковровщики и вышивальщицы. Она является наилучшим выражением архитектуры передвижного жилища.

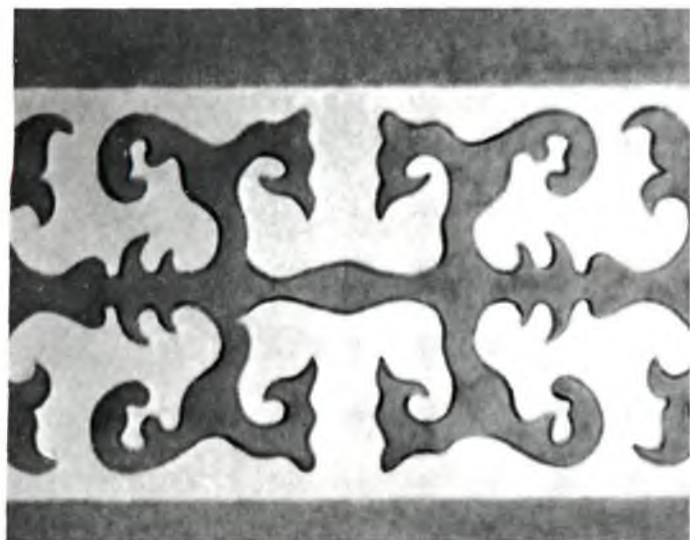
У казахов были издавна известны два типа свадебных жилищ: юрта — *отау* и повозка на колесах — *кюйме*. Как уже говорилось, кюйме относится к типу жилищ, бытовавших у кипчаков, затем у ногайцев и казахов. Ими они пользовались во время перекочевок или длительного передвижения. В них жили только девушки и дети. Рубрук писал: «Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе, как живописью... Они служат как бы комнатами, в которых живут девушки» (223, с. 92).

Описание повозки в поэме «Кыз-Жибек» аналогично описанию повозок Рубруком и Ибн-Баттутой. Повозка Жибек в поэме была голубой — *кок кюйме*. Голубые повозки вообще были типичны для кипчаков, ногайцев, казахов. Бытование свадебных голубых повозок в прошлом отражено в казахском народном эпосе.

Акварельные рисунки голубых повозок, выполненные художником Гейслером, хранятся в ГИМе (Москва). Известен рисунок повозки XVIII века, сделанный М. С. Маршаллом. Поздние упоминания о них есть в трудах П. С. Палласа, М. С. Маршалла и Н. Н. Харузина.

Походные юрты можно отнести к типу специализированных, предназначенных для военных походов или для пастухов и табунщиков. Они небольших размеров, без нарядного убранства. Один из видов походных юрт — *жолым уй* — *дорожный дом* русские называли «джуламейка». Цилиндрическая часть джуламейки состояла всего из трех решеток, купольные жерди ее были короткие, навершие с отверстием небольшое. В XIX веке среди русских путешественников и военных юрты были признаны более удобными, чем брезентовые палатки. А потому их охотно применяли в военно-лагерной службе русской армии в Оренбургском, Сибирском и Туркестанском военных округах.

Существует даже специальная литература об использовании юрты в военно-лагерной службе. Впервые об использовании юрты в полевых условиях писал профессор Харьковского университета А. И. Якоби: «Юрта чрезвычайно хороша для лагерной цели; особенно летом она положительно удовлетворяет всем

главным условиям летучего военного госпиталя» (292, т. I, с. 265).

Эту особенность юрты отмечал также член врачебного отделения Казанского губернского управления, доктор медицины Фолькман и другие.

В 1861 году в долинах Алатау для Сибирского войска, направлявшегося в Киргизию, были выставлены юрты. В 1914 году казахи пожертвовали для нужд Красного Креста громадное количество юрт для лагерной службы. Они отправлялись большими караванами сначала в Омск, затем в Вятку. Походная юрта подробно описана в работе доктора В. В. Лотина: «Как временное жилье для войск в теплое и холодное время года кибитки и джуламейки представляют гораздо более удобств, чем простые солдатские палатки. Во время сильного жара в солдатских палатках так же душно и жарко, как на открытом воздухе, тогда как в кибитке, особенно при открытом ее верхнем клапане, чувствуется все удовольствие тепла и нет неприятного ощущения жгучего жара солнца и духоты... Правительство обратило внимание на киргизские кибитки как на особый тип жилища, который мог быть применен в

Додеге — украшение свода юрты. Из коллекции В. Н. Белослюдова. Семипалатинский ОИКМ

Додеге. Фрагменты. ЦГМК

Двери юрты.
Войлок.
Семипалатин-
ская
область. Из
альбома
С. М. Дудина

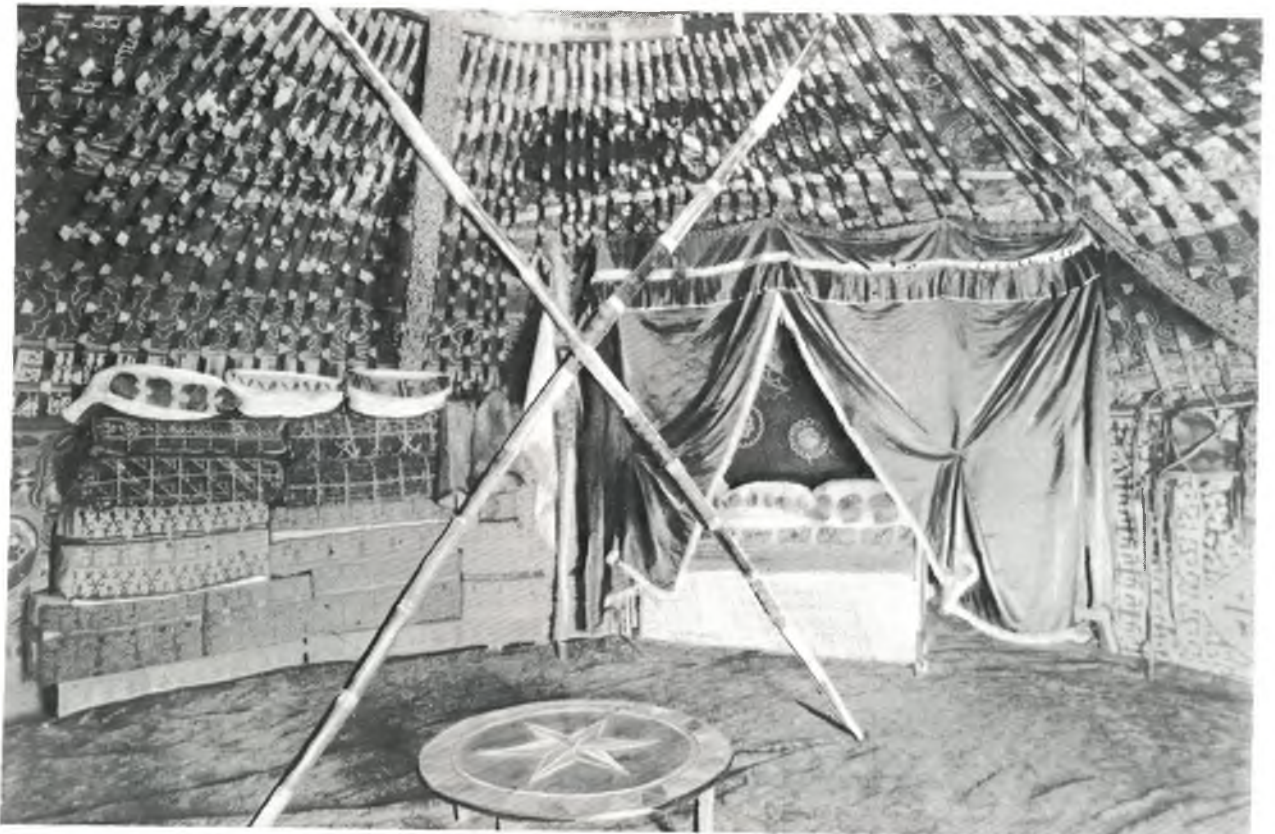
Киз есик —
надверник
из чья с сумкой.
ГМЭ

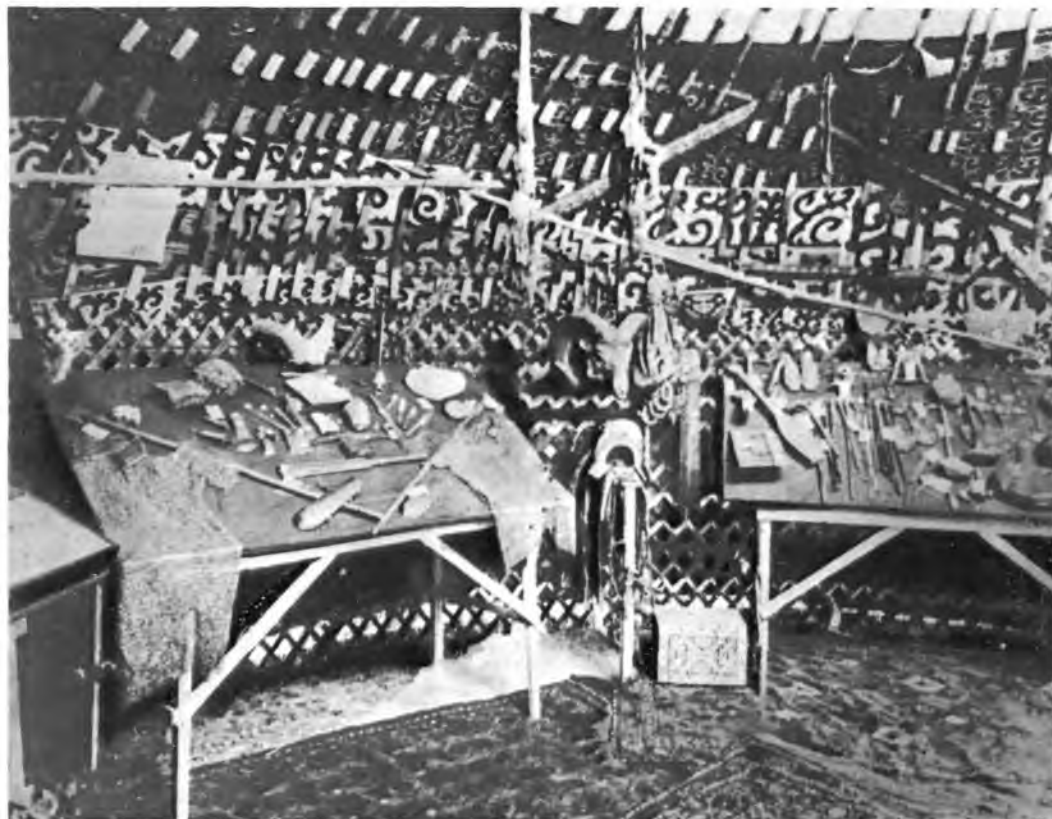

походной жизни. Через Оренбургское интендантское управление было заказано для войск действующей армии на Дунае 250 кибиток, состоящих из двух видов жилья: кибитки и джуламейки. Они признаны наиболее лучшими для организации лазарета» (422, с. 205).

Юрта сохранилась до наших дней. До сих пор она не потеряла своего значения и является самым удобным летним жилищем для животноводов Казахстана. Как и много веков назад, юрты по-прежнему оживляют пейзаж степных просторов, речных и горных долин. В условиях пастбищного животноводства юрта незаменима, ее легко убрать и установить. В холодное время года в ней тепло, а летом даже в самый сильный зной прохладно. Войлочные юрты выпускают специализированные фабрики Министерства деревообрабатывающей промышленности в городах Уштобе и Туркестане. Они делаются четырех- и шестиканатные и по размерам соответствуют небольшой городской квартире. Однако, как отмечалось в печати, красивых, из белого войлока, юрт в степи еще мало. Фабрики делают юрты упрощенные, без нарядного убранства и традиционных деталей, из черной кошмы, производящей безотрадное впечатление. Правда, имеется стремление восстановить красоту юрты. Многие украшения юрты: тускииз, баскур, бау — разрабатываются в традиционном стиле и выпускаются фабрикой «Тускииз», там же делаются декоративные узорные циновки.

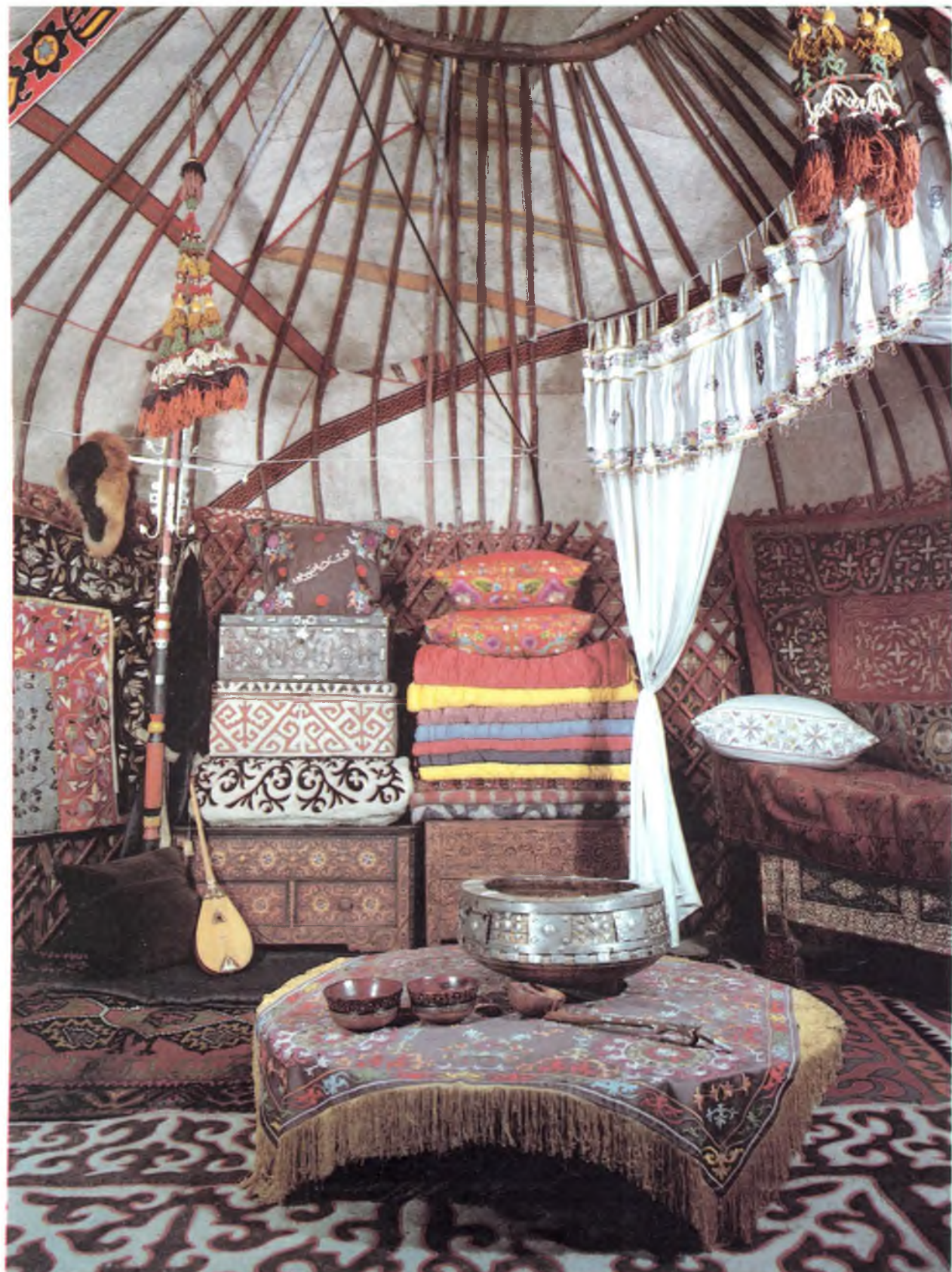

Интерьеры
юрт. XIX в.

Интерьеры
юрт. XX в.

Узик жабкы —
украшение
свода юрты.
Фрагмент.
ЦГМК

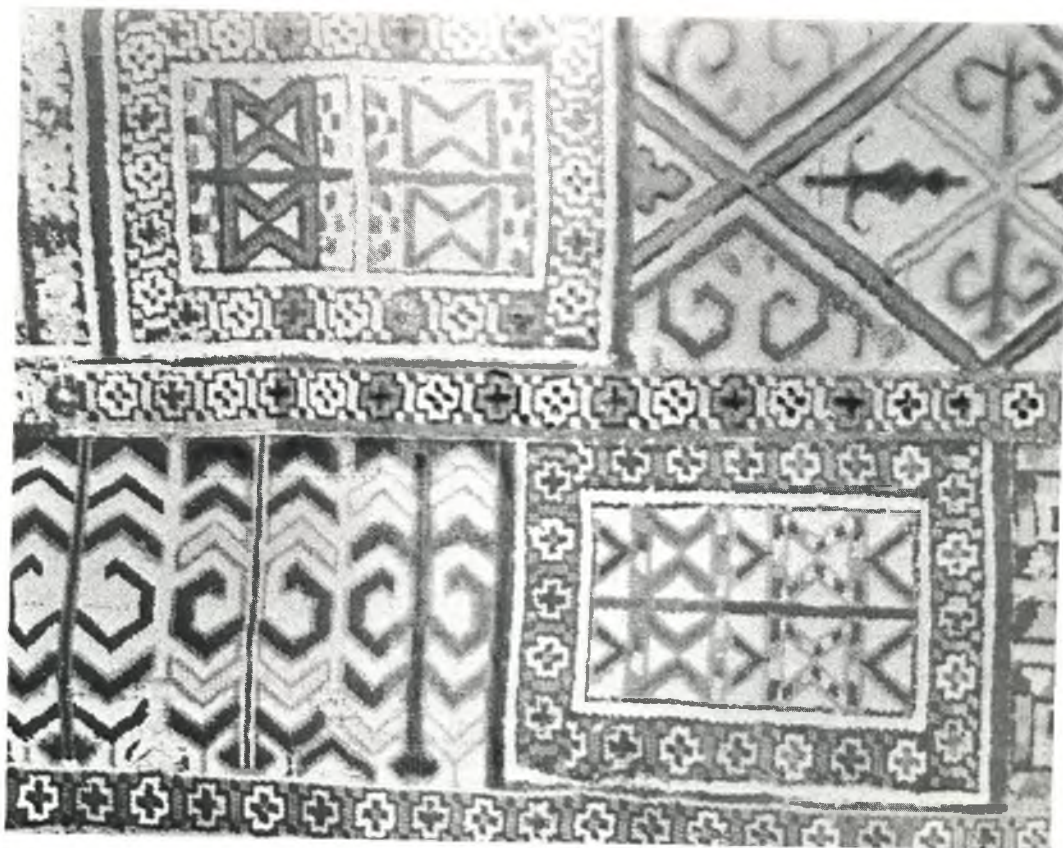
Узик жабкы —
украшение
свода юрты.
Фрагмент.
ЦГМК

Орнамент на
баскуре —
декоративной
ленте. Рис.
А. Ворониной-
Уткиной. МАЭ

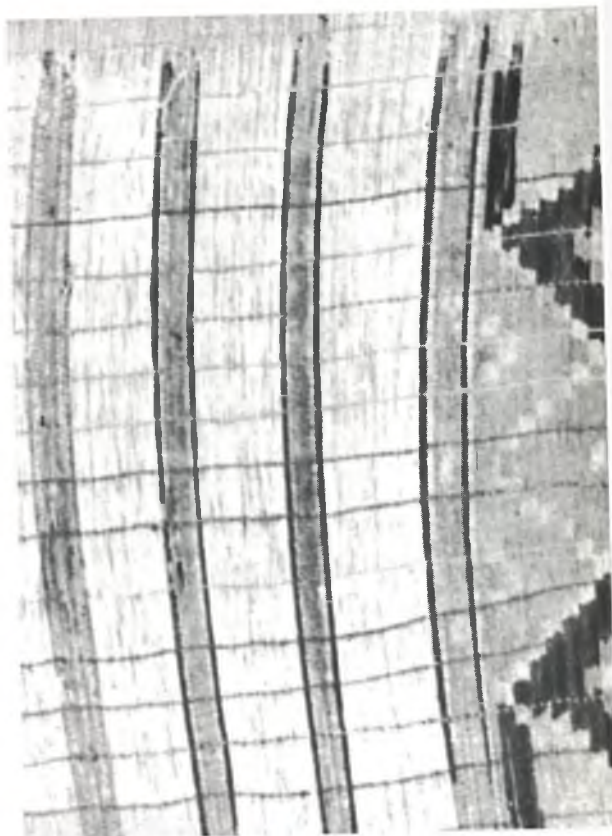
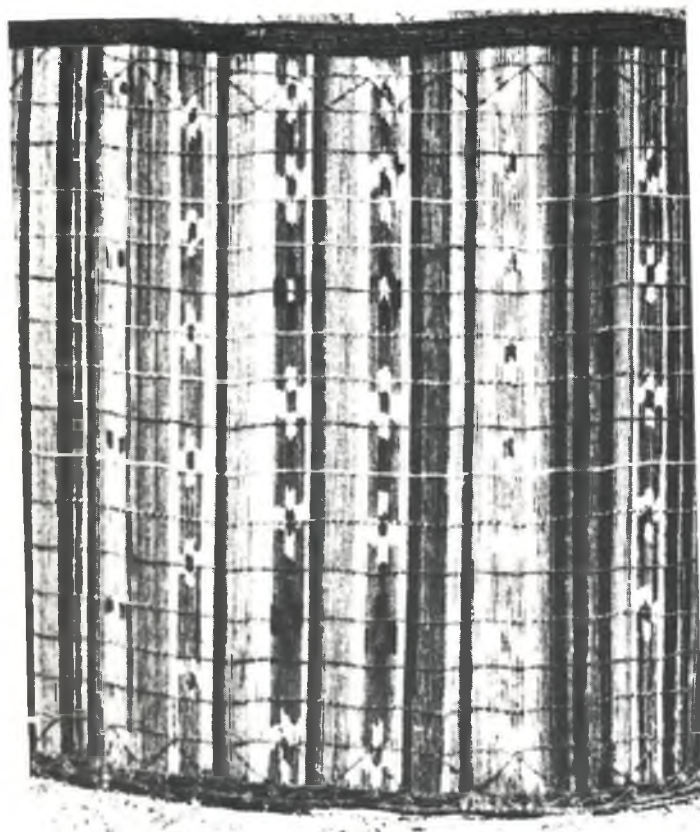

Баскур. ГМЭ

Баскуры.
Фрагменты.
ЦГМК

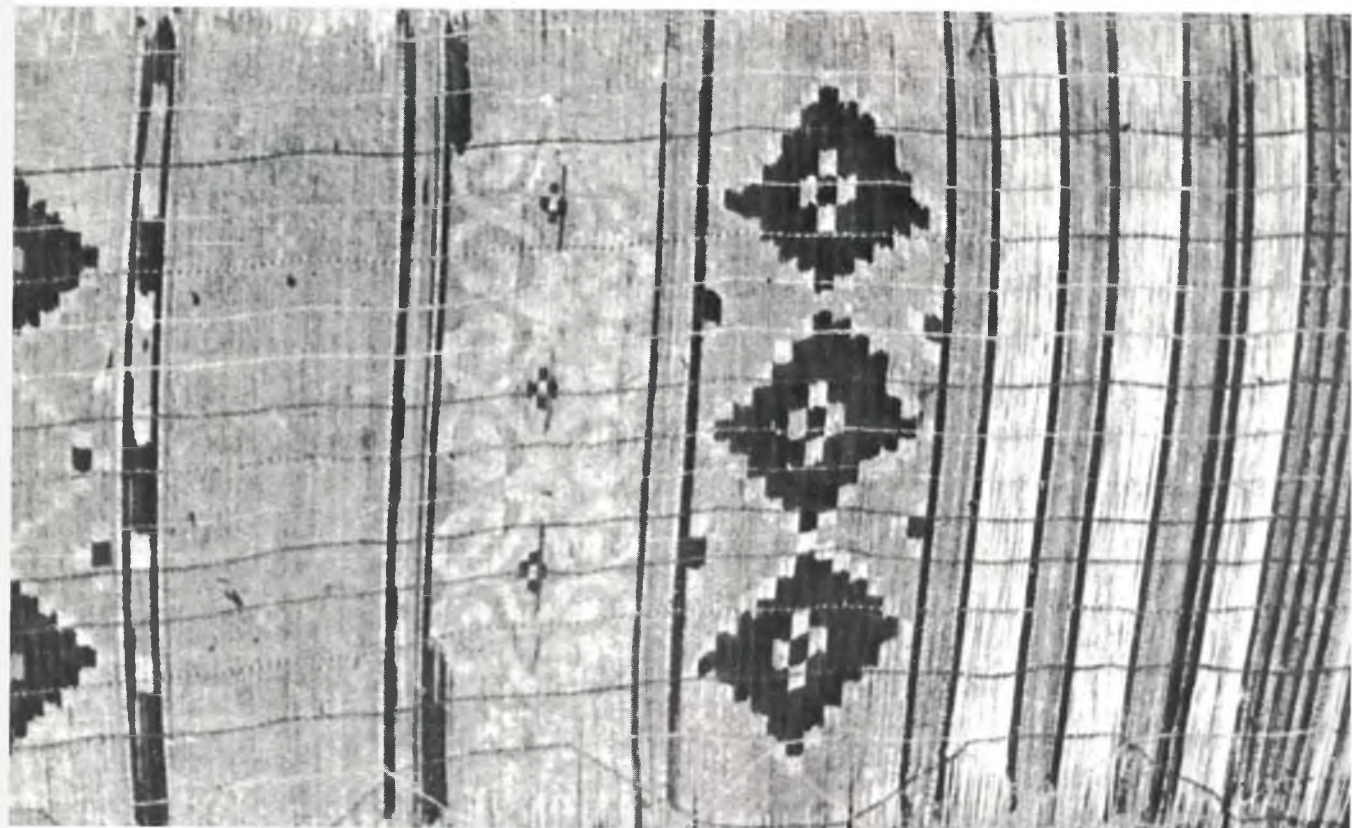

Шим ши —
циновка.
Аул на р. Кусак,
Актогай-
ский район

Шим ши —
циновка.
Совхоз Бесоба.
Каркаралин-
ский район.
50-е годы XX в.

Шим ши —
циновки.
Фрагменты.
ГМИК
им. А. Кастеева

глава 7

КАЗАХСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

В народном costume казахов отражены древние традиции, связанные с их этнической историей, экономическими, социальными и климатическими условиями.

Об одежде казахов писали путешественники и ученые Мухаммед Хайдар Дуглати, И. П. Фальк, П. С. Паллас, И. Георги, Г. И. Спасский, П. И. Рычков, А. И. Левшин и др.

Казахи ценили шкуры куланов, сайги и тигров, а также темные меха — енота, выхуоля, соболя, куницы и белые — горноста́я и хорьков. Мех куницы и соболя ценился дороже, чем мех других пушных зверей.

Из шкур шили шубы. Общее название шубы у казахов — *тон*. Шубы из меха пушных зверей называются *ишик*. *Жанат ишик* — шуба из меха енота, *кафатулки* — из меха черно-бурой лисицы, *алтайы кызыл тулки* — красной алтайской лисицы. Меховая шуба, крытая высококачественным шелком, была одним из самых дорогих предметов в приданом невесты, она называлась *бас тон*.

Казахи знали технику изготовления шуб из лебяжьего пуха, пуха гагар и цапель. Шуба из пуха гагар в 1878 году экспонировалась на выставке казахского народного ремесла в Акмолинске. Другая — выделанная в ауле около озера Кургальджино — была сшита из одинаковых темно-сизых, продолговатых четырехугольников, окаймленных неширокими черными полосками. Для хорошей выделки шкурок гагар и умения подобрать из них мех необходимо иметь особую способность. Сакральное значение придавалось кафтанам или курткам из лебяжьего пуха, которые традиционно носили баксы.

Шубы из меха покрывались сукном, шелком, парчой и т. д. и различались по названию ткани или по ее цвету. Только знатные люди носили шубу, крытую синим сукном и отороченную бобром, — *кок тон*.

В ЦГМК хранится старинная богатая шуба, на которой голубым и желтым шелком вышиты овальные, треугольные, полукруглые фигуры и цветы. Из других дорогих шуб известна долгополая шуба *барша тон*, крытая дорогой парчой и отороченная мехом.

Шили шубы и из шкур домашних животных. В ГМЭ хранится шуба из шкуры верблюжонка — *бота тон*, кото-

рая была представлена Ч. В. Валихановым на выставку при Московском университете в 1867 году. Такие шубы шили в Кокчетавском округе, в Аккик-Кулансуской волости, в мастерских Майки Сарымсакова. В ЦГМК хранится дубленая шуба из шкуры верблюжонка. Она сшита из квадратных кусков выворотным швом, создающим узор. Воротник у нее отложной, шалевый. На бортах сверху донизу вышиты шелком три полосы орнаментальных узоров. На крайней — мотивы узора «верблюжий след», средняя заполнена растительным орнаментом, внутренняя — рядами крупных запятых. Полосы разграничены черными и светлыми линиями. Эти же орнаментальные мотивы ритмически повторяются в вышивке каймы рукавов. По боковым швам на подоле сделаны прямоугольные прорезы, украшенные стилизованными изображениями головы барана. На спине вышит медальон из нескольких концентрических кругов. В центре него вышита звездообразная фигура — древний символ небесного светила, которому поклонялись.

Широкой и слегка удлиненной, с воротом была и шуба из шкур недоношенных жеребят — *жаргак тон*. Такие шубы преподносили в подарок. Особенно красива шуба из идеально черных шкурок недоношенных жеребят с мягким ворсом. Описание ее есть в трудах П. С. Палласа (199, т. I, с. 569), А. И. Левшина (151, ч. III, с. 44), М. Чорманова (547, с. 13). И. Георги опубликовал рисунок казахского всадника, одетого в такую шубу и широкополую шляпу.

Жаргак имеется в списке названий казахской одежды, хранящемся в архиве В. В. Григорьева (XXXIII). Шубы из шкур жеребят были показаны на выставках при Московском университете, Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге и в Акмолинске. На первой выставке экспонировались шубы Ч. В. Валиханова и А. Ханкожина из Семипалатинской степи (179, с. 96—105). На выставке ориенталистов были представлены жаргаки Мейрама Джанайдарова, Байкуваши Токабаева, жаргак Усербая Куванчева (Кокчетавский район) на беличем меху, обшитый котиком по воротнику и рукавам, и т. д. (XXII, л. 187—199).

Жаргак — шуба из шкур жеребят. XVIII в. Рис. И. Георги

Делались шубы и из козких шкур. Из них выщипывали длинные волосы, оставляя подшерсток. Шуба из таких шкур называлась *кылка жаргак*.

Из козких шкур казахи выделывали замшу и шили из нее халаты, легкие

плащи и штаны. П. С. Паллас отмечал, что одежда казахов прежде всего «из выделанных козких кож без шерсти. Они мягки и не портятся от дождя» (199, т. I, с. 569—570). «Козьи шкуры лучше всех для верхней одежды», — писал И. П. Фальк (700, т. III, с. 546). А. И. Левшин также писал, что такие халаты удобны, не пропускают сырости, хорошо защищают от ветров и дождей (151, ч. III, с. 44).

Халаты из козких шкур также назывались жаргаками.

Тридцать старинных замшевых, вышитых шелком халатов из разных районов Центрального и Северного Казахстана были показаны на выставке конгресса ориенталистов в Петербурге (1876 г.). Замшевые халаты были показаны также на выставке в Акмолинске (1877 г.) (567).

Халаты и шаровары украшались вышивкой шелком.

Образцы вышивок собирал в Семипалатинской области художник и искусствовед В. Н. Белослюдов. В 1913 году он написал небольшую статью «Казахские вышивки». Ее рукопись ныне хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в архиве Г. Н. Потанина.

При вышивании мелких узоров народ-

Парадные костюмы. II пол. XIX в. Северный Казахстан

ные мастерицы пользовались специальными прямоугольными или круглыми пяльцами в зависимости от очертания орнаментального рисунка или формы вышиваемого изделия. Вышивали иглами и шилом с крючком (для тамбурной вышивки) женские и мужские головные уборы — желек, кимешек, саукеле, тельпек, такию, оборки женского платья, а также нагрудные украшения — омырауша, алка, замшевые плащи, халаты, шаровары и т. д.

Широко была распространена вышивка

они с великолепной тамбурной вышивкой.

Особенной красотой отличалась вышивка на экспонатах, подаренных в свое время Ч. В. Валихановым, Арынгазы Ханкожиным (Семипалатинская область), Н. А. Крыжановским и Л. Ф. Баллюзекком (Западный Казахстан). Из материалов, представленных Ч. В. Валихановым, высокой техникой выделяется вышивка на штанах желтого цвета. В вышивке использованы рельефные растительные мотивы —

Парадные костюмы.
XIX в.

гладью. Гладью вышивали кимешеки, суконные мужские штаны. С большим мастерством вышивали тамбуром — петлей в петлю. В вышивке тамбуром и гладью использовались геометрические и растительные узоры, иногда контурные изображения человека и животных, целые сюжеты, например, сцены охоты в вышивке замшевого халата из Эрмитажа.

Тамбуром вышиты и многие шаровары, которые хранятся в фондах музеев Ленинграда, Москвы, Алма-Аты, Омска. Около десятка их хранится в ГМЭ. Все

листья, бутоны, цветы, а также зигзагообразные линии.

Шаровары темно-желтого цвета с вышитым мелким узором, ныне хранящиеся в Омском музее, были в числе экспонатов выставки Третьего конгресса ориенталистов.

Интересные фрагменты вышивок тамбуром на этом виде одежды хранятся в фондах МАЭ. Они, вероятно, относятся к коллекции А. К. Гейнса, который собирал их в Казахстане в 1865 году, когда был членом Степной комиссии. Кроме замшевых, в летнее время носи-

Парадные костюмы. 1861 г.

ли штаны суконные, плисовые, саржевые, нанковые, а также из армячины. Много образцов этого вида одежды из дорогих тканей было представлено на выставку Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге Мейрамом Джанайдаровым, Джаркынбаем Бекиным, Валихановыми и др. (XXII, л. 32—303). Самые дорогие из них были сшиты из парчи, бархата и сукна с вышивкой тамбуром; одни штаны из черного сукна были оторочены мехом котика и вышиты. Отдельные их образцы также хранятся в фондах Эрмитажа. В вышивках штанов из темной ткани, хранящихся в Эрмитаже, использованы бутончики, скомпонованные по три, и ряды кружков. Другие штаны из темной замши сплошь вышиты цветками со стеблями и круглыми бутонами. На плисовых штанах из МАЭ вышиты по три розетки—полевые цветы, ограни-

ченные спиральной линией, на кайме внизу использован мотив *гусиные лапки*.

Войлок—один из традиционных материалов верхней одежды у древних скотоводов. Махмуд Кашгарский писал об одежде из тонкого войлока (172, т. III, с. 218). Рубрук отмечал, что в Кумании «из войлока делают плащи, чепраки и шапки» (223, с. 99).

По наблюдениям Павла Йовия Новомосковского (XVI век), степные жители «не доставляют ничего, кроме стад быстрых коней и знаменитых белых материй, не тканых из нитей, а сваленных из шерсти, из них приготавливаются фельзтрийские епанчи, служащие хорошей защитой от дождей и всякой непогоды, и весьма красивые» (211, с. 124—125). По М. Меховскому, историку XVI века, казахи «больше всего любят опончи... Это плотный белый несшивной плащ, очень удобный для дождей» (177, с. 60). Такой плащ без рукавов у казахов называют *кебене* (*кебенек*). Легкий плащ из тонкого войлока был представлен Чингисом Валихановым на выставку при Московском университете (1867 г.) (179, с. 101—104). Один старинный плащ из тонкого войлока, вышитый шелком, хранится в Эрмитаже. Он без рукавов, имеет старинную форму военной накидки, слегка удлиненной, с узким шалевым воротником. Польша, подол, ворот, проймы окантованы черным шнуром и прошиты стежкой. По бокам плаща сделаны разрезы, обшитые узкой полоской. За исключением верхней части, плащ целиком вышит крупными концентрическими медальонами, символизирующими солнце. В центр каждого вписана

Костюм Кунанбая и его жены. Фото 1854 г.

белая звезда, сверху и снизу шелком вышита фигура, напоминающая силуэтное изображение парящего орла — символа власти.

Это один из древнейших видов верхней одежды, как и *каттау* — халат из тонкого белого войлока. Каттау был представлен на выставку Третьего конгресса ориенталистов из Атбасара. В числе экспонатов той же выставки были и кожаные кафтаны, украшенные серебряными пластинами, большими пуговицами, золотым шитьем, принадлежавшие Мейраму Джанайдарову.

Кроме овечьей шерсти, в одежде казах широко использовалась верблюжья. Еще Клавдий Элиан писал, что в стране Прикаспия «верблюдов очень много... Они покрыты прекрасной шерстью: их шерсть очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Сделанные из нее платья носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев» (418). По данным Марко Поло, карлуки ткали лучшее на свете сукно из верблюжьей шерсти, выделывали много красивого добротного белого сукна и торговали им по другим странам света (168, с. 90, 94).

Саукеле —
свадебный
головной убор.
Рис. Кошарова

Старинным видом одежды является *шекпен* (*чекмен*) — скатанный из верблюжьей шерсти широкий и сравнительно длинный плащ для защиты от дождя, бурана, любой непогоды. И. П. Фальк отмечал, что «чекмен имел свой определенный фасон, который старались безукоризненно выдерживать» (700, т. III, с. 548—549).

Шекпены делали из неокрашенной шерсти (желтые, белые) и окрашенной в синий, пурпурный и другие цвета. Парадные шекпены, как правило, были из окрашенной шерсти, их швы обшивались галуном. Парадный шекпен синего цвета экспонировался на выставке при Московском университете (179, с. 101—104).

Халат — *шапан* — основной и древний вид одежды казахов. На каменных изваяниях кипчаков IX—XIV веков встречаются его изображения. Его носили и мужчины, и женщины. Халаты шили не только из замши, как уже было сказано, но и из привозных шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей. В русских источниках ха-

латы часто называют кафтанами. Так, И. П. Фальк писал о кафтане сына султана Мамета из тонкого красного сукна (1771 г.) (270, т. VII, с. 15).

О халате как основном виде одежды казахов писали П. С. Паллас (199, т. I, с. 569—574), И. Георги (64, т. II, с. 132—133), Н. Рычков (229, с. 28—29, 349). Через сто лет М. И. Венюков также писал, что все «почтенные кайсаки носят суконные халаты или кафтаны» (325, кн. III, с. 161—186).

Красивые халаты можно видеть на фотографии А. И. Шпаковского, снявшего в Петербурге большую группу казахской знати. Среди них — Даулеткерей Шигаев, известный как композитор, Есет Котибаров, Махмуд Джантурин (475, 609).

Халаты из дорогих тканей с тамбурной вышивкой были зарисованы с натуры художниками А. Е. Мартыновым и Е. Корнеевым. На халатах, зафиксированных Е. Корнеевым, вышиты звезды, бараньи рога, орнамент в виде крестика — тамги племени керей.

Широко известен рисунок халата из красного сукна, сделанный художником Бабиковым. Впоследствии его копировали художники К. Ф. Гун и Г. Руссо

Женские
парадные
костюмы.
Рис. Е. Корнеева

(501, 579). Этот халат был вышит тамбуром. Основной мотив вышивки — концентрические круги-медальоны, расположенные рядами и окаймленные черно-белыми линиями. Внутри каждого круга (солярного знака) белым шелком вышита звезда, а в полосе вокруг круга — по пять изображений раскрытой ладони и четыре пары рогов барана. Между медальонами вышиты ветки деревьев, бутоны, елочки.

О мужских и женских халатах начала XIX века дают представление рисунки путешественника Клапрота, сделанные в 1816 году.

Как уже говорилось, Т. Атkinson сделал много документальных рисунков из жизни казахов. Вот как он описывает праздничную одежду казахской знати XIX века: «Мой хозяин был одет в черный бархатный халат, на голове у него красиво вышитая шапка, а на ногах сапоги из красной кожи на высоких каблуках. Его жена была одета в шелковый халат, расцвеченный желтыми, красными и зелеными тонами, который придавал ей очень нарядный вид...

Султан носил на голове плотный шелковый головной убор (тюбетейка), красиво вышитый серебром. Одет он был в шелковый халат пурпурного цвета, на ногах сапоги из красно-коричневой

кожи на высоких каблуках. У жены черный халат из канфы, белый головной убор, несколько заостренный верху, с падающими до пояса лентами, красиво вышитыми на краях шелком» (703, с. 227, 285, 287).

Большой вклад в фиксацию казахской парадной одежды внесли русские художники, в том числе П. Кошаров, А. Ф. Чернышев, О. Май и др.

Самые красивые халаты носили знаменитые казахские акыны, салы — странствующие певцы и музыканты. В 1846 году востоковед Услар встретил в Кокчетаве большую группу певцов — участников народного праздника. По рассказу Услара, «они были прекрасно одеты и заслужили название «салов» — щеголей. Цвет, который они особенно любят на халате своем, — красный (или пурпурный) или ярко-зеленый. Впрочем, они самые отчаянные франты, степные львы, предпочитают этим скромным еще, по их мнению, одеждам халаты и замшевые шаровары, пестро расшитые шелками. Обыкновенно вышиваются на них мелкие растения и птицы» (539, ч. LX, с. 156).

Несколько десятков шелковых и суконных халатов экспонировались на выставке при Московском университете в 1867 году, на выставке ориенталистов в Петербурге (1876 г.).

КАЗАХСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Старинный казахский халат хранится в МАЭ. Он шит из сукна и сплошь покрыт тамбурной вышивкой. Основной мотив вышивки — солярные круги. Круги заполнены условными изображениями ловчих птиц и пчел. На спине вышит крупный медальон из семи кругов: один в центре, шесть вокруг него. Они символизируют солнце и планеты. В вышивке использованы сердцевидные фигуры, из растительных мотивов — цветы. Халат представляет большую художественную ценность и является одним из лучших памятников казахского народного искусства.

Несколько вышитых халатов из различных дорогих тканей первой половины XIX века хранится в Эрмитаже. В их вышивке основные мотивы — медальоны, солярные круги и различные растительные узоры.

Разнообразны мужские и женские головные уборы казахов.

Некоторые мужские головные уборы делали из войлока. Из них наиболее традиционный и старинный — *калпак*. Островерхий войлочный головной убор впервые найден в Пазырыкском кургане (225, с. 109). Остроконечная войлочная шляпа с бронзовой бляхой обнаружена в кургане Николаевской области. Подобный убор был у саков. По Ибн Фадлану, головной убор из тонкого войлока носили тюркские племена, населявшие равнины Северного Прикаспия и долины реки Яика (99, т. 1, с. 158).

У казахов высокая шляпа из белого войлока называется *ак калпак*. Такая же шляпа с загнутыми вверх широкими полями называется *аир калпак*. О ней П. С. Паллас писал, что «летние шапки кайсаков войлочные, обложены материею, вышиты пестрыми узорами и опушены бархатом, кверху острые, с двумя широкими повислыми полями» (199, т. 1, с. 572).

Войлочные шляпы с широкими полями и разрезами впервые зарисованы И. Георги. Их можно увидеть на рисунках Гейслера, П. С. Палласа, Н. Дмитриева («Киргизы»), А. Ф. Чернышева («Привал») и др.

Парадные белые шляпы *ак калпак* вышивали белым шелком, обшивали серебряным галуном по тулье и украшали по краю шнуровым швом. Такая

шляпа, принадлежавшая отцу великого казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева, хранится в ГМЭ. Старинные войлочные шляпы в XIX веке представляли на выставки и дарили Ч. В. Валиханов, А. Ханкожин, К. П. Кауфман, Н. А. Крыжановский и Л. Ф. Баллюзек, некоторые из них хранятся в музеях.

Разновидностью калпака является *тельпек*. Один экземпляр такого головного убора хранится в фондах ЦГМК. *Тельпек* — это собственно султанская шляпа, поэтому он бытовал только до середины XIX века.

Третий вид весеннего и осеннего мужского головного убора — *шапка-борык*. *Борык* — древнейшее слово, происходит от слова «боры» — волк. Волк, как известно, древний тотем тюркских племен.

Саукеле — свадебный головной убор. Тургайская область.

Рис. Дм. Львовича

Костюм невесты. XIX в. Фото С. М. Дудина. Из фондов ГМЭ

По форме шапка борык бывает круглая с высоким конусообразным верхом или из нескольких клиньев с усеченным верхом, всегда оторочена мехом — выдры, соболя, мерлушки и др.

В МАЭ хранится шапка из белой замши, отороченная мехом выдры. Она принадлежала Чингису, отцу Чокана Валиханова.

Много мужских шапок с меховой оторочкой хранится в ГМЭ. Там же находятся старинные дорогие шапки, шитые золотом, серебром, отороченные мехом бобра, выдры, соболя; зимние треухи — *тымак* — из меха черно-бурой и красной лисицы. Многие из них показаны были на выставке ориенталистов в Петербурге.

Шапки типа борык носили и девушки, только у них они были украшены подвесками и пучком перьев филина, цапли или павлина. Казахи такую шапку называют *камшат борык* — бобровая шапка. Махмуд Кашгарский дорогую меховую шапку также называл «камач борык». Слова «камач» и «камшат» известны с XI века. Такие старинные

девичьи шапки хранятся в ГМЭ. Шапки, расшитые золотом, называются *алтын борык*, украшенные кораллами — *калмаджан борык*.

Девичья шапка с верхом, расшитым жемчугом и золотыми фигурными бляшками, была показана на выставке в Казани в 1890 году (582).

Один из вариантов девичьей шапки можно видеть на рисунке художника Е. Корнеева. Шапка эта с высоким коническим верхом, оторочена мехом, украшена пучком перьев и кораллами.

Тюбетейка — *такия* — летняя легкая шапочка из бархата, парчи или глазета. В старину их обшивали по краю мехом бобра, выдры, белки, украшали серебряной и золотой тесьмой.

Узорчатые тюбетейки из дорогого материала воспроизведены художником П. Кошаровым. Некоторые из самых красивых тюбетеек, принадлежавших Валиханову и Джанайдарову, экспонировались на выставке ориенталистов. Из женских головных уборов казахов наиболее оригинальный и самобыт-

Костюм молодой женщины. Фото В. Н. Васильева. 1913 г. Из фондов ГМЭ

ный — свадебный, известный под названием *саукеле*.

Саукеле — один из древних головных уборов, бытовавших у казахов до самого конца XIX века. О нем писали И. Георги, Г. И. Спасский, П. И. Небольсин, Ч. Ч. Валиханов, И. И. Ибрагимов и др. По описанию И. И. Ибрагимова, «саукеле — высокий конусообразный головной убор, украшенный серебряными и золотыми монетами, жемчугом и кораллами. Длина — 1,5 аршина...» (103, с. 141).

Свадебный головной убор носят только в первое время после замужества, около года, а потом снимают и надевают только на больших праздниках, и то в продолжение четырех или пяти лет.

Есть рисунки саукеле, выполненные художниками П. Кошаровым (266, 393), Л. Полторацкой (473, 474), Д. Львовичем (158, с. 42) и др.

В одном из очерков Д. Львович описал женские украшения, увиденные им в Тургайской степи: «Некоторые вещи были дивно хороши — прямо просились в музей! Еще эффектнее был ста-

ринный головной убор — саукеле, весь затканый серебряными блестками и аширитами» (158, с. 42—43).

Дорогие саукеле в XIX веке оценивались около тысячи рублей или в сто отборных коней. Они имели металлические ажурные навершия, диадемы (иногда ее делали из золота со вставками самоцветов или с нитками жемчуга, кораллов и т. д.), височные подвески и украшения подбородка. Каркас саукеле покрывали тканью и пришивали на нее накладные металлические бляхи различной конфигурации, в гнезда которых вставлялись драгоценные и полудрагоценные камни.

Бляхи были крупные и мелкие. Мелкие крепились между крупными. Сверху саукеле покрывались шелковым или бархатным платками.

Затылочная часть одного старинного саукеле украшена скульптурным изображением головы рыбы — символом благоденствия. Лобная часть оторочена мехом. От затылка по спине спускалась широкая лента из дорогой ткани, обшитая бахромой из золотых нитей.

Женские
головные уборы.
ЦГМК

В изготовлении саукеле принимали участие наиболее искусные мастера, в частности, закройщик, вышивальщицы — мастерицы по изготовлению шелковых поясков и платков. Узоры на платках и лентах вышивались ирисом, то есть толстыми скрученными разноцветными нитками. Центр и края платков часто отделялись «жгутовой вышивкой» и шитьем сетками.

Золотые, серебряные и бронзовые подвески и накладные бляхи для саукеле делали ювелиры, применявшие литье, чеканку, штамповку, филигрань и др. Обычно мастер работал над одним саукеле целый год.

Саукеле, украшенные драгоценными камнями, жемчугом, кораллами, золотом, серебром, с золотыми кистями, покрытые шелком, из Акмолинской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской областей и Атбасара демонстрировались на выставке Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге. Они были представлены Чингисом Валихановым, Мейрамом Джанайдаровым и Сандыбаем Чапановым (XXII).

Саукеле, принадлежавшее С. Чапанову, оценивалось в 600 рублей. Оно было украшено тридцатью нитками кораллов, пятнадцатью нитками жемчуга,

вышито красным шелком и обшито бахромой из золотых нитей. На его бляхах из благородных металлов были самоцветы. Дорогие саукеле демонстрировались также на Нижегородской выставке 1893 года. Из них два самых ценных из Атбасарской степи (XXVIII).

По архивным данным, очень ценным было саукеле, усыпанное жемчугом, кораллами, бриллиантами и бирюзой. Оно хранилось в красном суконном чехле, вышитом золотом (II, л. 482).

В настоящее время около пятнадцати саукеле находится в ГМЭ, шесть — в МАЭ. Богатую коллекцию саукеле имеет Центральный музей Татарской АССР (Казань). Интересные саукеле хранятся в музеях Омска, Петропавловска, а также Алма-Аты и Ташкента. В 1903 году на Международной выставке в Петербурге экспонировалось саукеле, которое сейчас хранится в ГМЭ. Его верхняя часть напоминает конусовидную шапочку и состоит из трех частей. На самом вершуре ажурное полушарие, выполненное в технике филигрании, с круглым гнездом в центре для вставки бирюзы. Конусовидная часть навершия сделана из позолоченной серебряной пластинки. Ее края

украшены рядами мелких круглых гнезд со вставками аметистов и снизу — узкой полосой шнуrowого орнамента с зигзагами в середине. На пластинке чередуются ряды крупных круглых гнезд со вставками самоцветов и выпуклые филигранные фигуры с маленьким круглым гнездом со вставками камня. Основанием навершия служит широкая серебряная пластинка. На ней в округлых гнездах также укреплены вставки из цветных камней.

Цилиндрический каркас этого саукеле покрыт шелком. Верхняя его часть сплошь убрана позолоченными штампованными пластинками и от нижней половины отделена позументом. По линии висков каркас саукеле украшен крупными литыми пластинами. Узор на них нанесен штампом. Основанием для гнезда со вставками камней служат округлые, выпуклые фигуры. В целом по форме пластины напоминают условное изображение фантастического животного со крыльями.

Очень богаты височные подвески этого саукеле. В них тридцать нитей жемчуга, круглые серебряные бляшки со вставками самоцветов, металлические цепочки с сердцевидными круглыми пластинами, на каждой из которых по четыре гнезда с самоцветами.

В МАЭ хранятся старинные саукеле, очень похожие на описанное выше. Каркас их металлический, покрыт шелком или бархатом. На ткань нашиты тонкие металлические пластинки, подвески из кораллов. Навершие одного из них — согнутая полукругом металлическая пластина со штампованным орнаментом в виде кружков, звездочек и т. д. На цилиндрическом каркасе — четыре металлических пояска. Три из них орнаментированы теми же мотивами, что и навершие. На верхнем пояске мотивы зигзагов, пунктирные линии и растительный орнамент.

Богатые саукеле хранятся в фондах ЦГМК. Их легкие каркасы из тонких медных и оловянных пластин покрыты шелком. Они украшены жемчугом и золотыми бляшками в виде звездочек, кружков, фестонов. В височных украшениях бусины кораллов перемежаются с металлическими пластинками.

На одном из саукеле шелк, которым покрыт каркас, расшит ирисом. В вы-

шивке использованы растительные и геометрические мотивы. Шапка оторочена мехом и отделана бахромой. Нашивные бляшки, чеканные и штампованные, имеют форму солярных кругов и звезд. В круглые гнезда трех пластин вставлены бирюза, сердолик, гранат.

Старинные свадебные головные уборы с легким каркасом хранятся в краеведческом музее города Омска. Один из них — дар алтайского казаха Урала. Он покрыт красным сукном, расшит шелком и оторочен мехом. Саукеле сверху донизу украшено кораллами, стеклянными бусинами и металлическими бляшками. В верхней части металлическое навершие с чеканными и штампованными узорами. Каркас другого старинного головного убора покрыт белым платком, вышитым яркомалиновым, зеленым, оранжевым и желтым шелком, и украшен нашивными бляшками с чеканным узором.

Большую художественную ценность представляет старинное саукеле из Северо-Казахстанского историко-краеведческого музея (Петропавловск).

Через год после замужества женщины начинают носить более простой, практичный и удобный головной убор — *желек*. Это упрощенное саукеле, он имеет твердый каркас в форме усеченного конуса, который обшивается глазетом или обертывается фольгой, украшается привесками из золотых и серебряных бляшек со вставками самоцветов. Этот головной убор встречается на рисунках художников Е. Корнеева, А. Мартынова, П. Кошарова и И. Клапрота.

После рождения детей молодая женщина переходит к третьему виду головного убора — *кимешеку*. Его обычно носят в возрасте 25—45 лет. Он шьется из белой ткани, часто вышивается гладью. В альбоме «Казахский народный костюм» опубликованы кимешеки, хранящиеся в ЦГМК. Среди них выделяется кимешек из белого шелка. Нащечные его части расшиты шелком и очень мелкими жемчужинами.

Кимешеки из белой ткани «маре» с вышивкой шелком и отделкой бахромой были представлены на выставке Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге и на Всемирной выставке в Париже (1).

Жаргак шалбар— Неотъемлемой частью казахского костюма, мужского и женского, были пояса из кожи, бархата, шелка, шерсти— *белдик*. При изготовлении поясов для парадной одежды заказчики не скупились на дорогие материалы, мастера не жалели времени и вкладывали в работу все свое умение.
Жаргак шалбар— мужские шаровары. Замша, вышивка шелком.
ГИМ

Особенно красивы были мужские пояса с подвесками: кошельком, пороховницей, кресалом, трутом, футляром для ножа. Иногда подвески имели только декоративное назначение. И функциональные и декоративные подвески называются *окиантай*.

Пояса из кожи украшались узорным тиснением, фигурными металлическими накладками со вставками полудрагоценных камней, резными пластинками из кости. Такие наборные пояса— древний элемент одежды. Их казахское название — *кисе*.

Старинные мужские и женские пояса экспонировались на выставке Третьего конгресса ориенталистов. Из отчетов выставочного комитета известно, что они были представлены жителями Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского и Северо-Казахстанского районов. Самый дорогой старинный мужской пояс с серебряными накладками, сумкой, подвесками, огнивом, резной костяной пороховницей, ножнами «с полной охотой и без всякого возмез-

рис. 1

дия» преподнес Косчар Токтамышев из Джезказганской волости (Улутауский район) в дар музею Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, откуда этот пояс поступил на выставку, а позднее в фонд ГМЭ.

Старинный убранный жемчугом и серебряными накладками пояс принадлежал Жанторе Джанаеву из Атбасара. Оригинальные и богатые пояса представили на выставку известные бии Акмолинского и Кокчетавского округов (XXII).

Экспонировавшиеся женские пояса— бархатный пояс, шелковый с золотой пряжкой и убранный бирюзой и сердоликами— были представлены М. Джанаидаровым и др.

Уникальные и своеобразные пояса были показаны на Нижегородской художественно-промышленной выставке 1896 года, а также на выставках, организованных в Ташкенте, Верном (ныне Алма-Ата), Семипалатинске, Акмолинске (ныне Целиноград), Петропавловске, Оренбурге и т. д. В настоящее время они хранятся в музеях Ленинграда, Москвы, Омска, Алма-Аты, Ташкента, Гурьева, Уральска.

Очень древний и ценный в художественном отношении пояс из шелка с сумкой и подвесками хранится в ГИМе. Он расшит жемчугом и украшен фигурными накладками в виде муравья и соляных кругов.

В МАЭ хранятся переданные в 1865 году А. К. Гейнсу Чингисом Валихановым мужские пояса, которые принадлежали еще его предкам. Среди них красивый пояс из красного сафьяна с сумкой необычной формы, ножнами и сердцевидными подвесками, края которых отделаны кожей, окрашенной в зеленый цвет. Вероятно, накладки ремня и подвесок были позолочены. Сохранились только заклепки. Пряжки этого пояса—из серебра, позолоченные, с растительным орнаментом. Сумка и подвески украшены тисненными узорами в виде треугольников.

Старинным является пояс, сумка и подвески которого прикреплены на цепочках. На его фигурных металлических накладках изображены звезды, летящие птицы, цветы. На застежке—шнуровой орнамент и древняя фигура (рис. 1). На сумке—металлический

КАЗАХСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

ных кругов, головы волка, силуэтов парящих птиц, бабочек, пчел, муравья и т. д.

Рассмотрим пояса из коллекции ГМЭ, во многом аналогичные ранее описанным. Наиболее интересный из них — коричневый наборный пояс с подвесками. Растительные и геометрические узоры, нанесенные тиснением, здесь крупные. Это — квадрат, заполненный двумя кругами с побегами трилистника и зигзагообразными линиями, обозначающими молнию. Эти же узоры повторяются на подвесках. По краям пояса кожа окрашена в зеленый цвет. В этом поясе очень интересна пороховница. По форме это легкая шкатулка, сплошь инкрустированная костью. В резьбе по кости использованы мотивы рогов барана, круги, треугольники и запыты.

Из других поясов, хранящихся в ГМЭ, интерес представляют пояс с кошельком из фондов Русского Географического общества и пояс с бронзовыми пластинами, на которых стилизованные изображения летящих птиц.

Пояса делали не только из кожи, но и

из шелка, бархата, и носили их взрослые мужчины.

У юношей пояса не были наборными, не имели подвесок. Пряжки и накладки на ремень имели сердцевидную форму, делались в виде стилизованных фигур птиц, оленей, волчьей головы, рогов барана и т. д. Пояса для юношей хранятся в ЦГМК, МАЭ.

С ними сходны женские пояса, правда, они более широкие и нарядные. В основном женские пояса были из шелка. Пояса из шелковой ткани с декоративной вязкой называются *кур белдик*. Так же назывались пояса, вытканые из верблюжьей шерсти и козьего пуха. Для женских поясов использовался и бархат. Пояса из бархата и шелка, расшитые жемчугом, с пряжками назывались *камаф бельбеу*. Делали также мягкие кушаки — *кур*.

Как и мужские, женские пояса украшались металлическими прямоугольниками, треугольниками, сердцевидными и роговидными накладками, а также накладками в виде балясин со вставками бирюзы, агата, сердолика и т. д. Для вставки использовался и нефрит. Казахи считали, что одежда, украшенная нефритом, предохраняет человека от молнии.

Женские пояса различных видов экспонировались на выставках Третьего конгресса ориенталистов, в Нижнем Новгороде, на Московской всероссийской выставке 1882 года.

Пояса, вышитые жемчугом, с золотыми пряжками хранятся в Омском музее. Красив дорогой пояс невесты из коллекции ГМЭ. На коричневом шелке укреплены звенья сердцевидных фигурок, соединенных цепочками и усыпанных алмазами.

Интересные женские пояса есть в коллекции ЦГМК. Один из них кожаный, коричневого цвета, с металлическими пряжками и накладками. На них гнезда, в которые вставлены зеленые стекла. Накладки на этом поясе треугольные и расположены так, что вершины их соединяются. Некоторые накладки очень похожи на балясины. Тиснение в виде сердцевидной фигуры и рубчиков. На застежке солярный круг. Края окаймлены тисненными пунктирными линиями.

Другой кожаный пояс, также коричне-

Одежда детей.
Рис. А. Ф. Чернышева. 1853 г.

КАЗАХСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

вого цвета, похож на предыдущий, украшен металлическими накладками и пряжкой со вставками красного стекла. Пояс из зеленого бархата с серебряными застежками и накладками сделан ювелиром Шарипом — на застежке мастер оставил свое имя. На ней — завитки, растительные мотивы и каплевидные фигуры. Накладки сделаны в виде сердцевидных и лировидных фигур с изображениями в середине солярных знаков.

В комплект казахского костюма входила обувь: сапоги, башмаки и т. д. В середине XIX века М. Чорманов писал, что «киргизские сапоги весьма мягки,

теплы и удобны» (547, с. 12). М. А. Леваневский отмечал, что «обувь киргизской работы прочна и ловко обтягивает ногу» (419, с. 52). Бытовали легкие сапоги для верховой езды ичиги — *маси*, украшенные накладными серебряными бляшками. Женские сапоги шили из красной или зеленой юфти, вышивали шелком. Женщины носили башмаки — *кебис*, унизанные мелкими фигурными серебряными бляшками с узором. Такие башмаки хранятся в музеях Петропавловска и Джамбула. Иногда башмаки вышивались шелком. Наиболее интересные образцы казахской обуви хранятся в ГМЭ, ЦГМК.

Мужской
зимний халат.
ЦГМК

Кебене —
военный плащ.
Войлок, вышив-
ка тамбуром. ГЭ

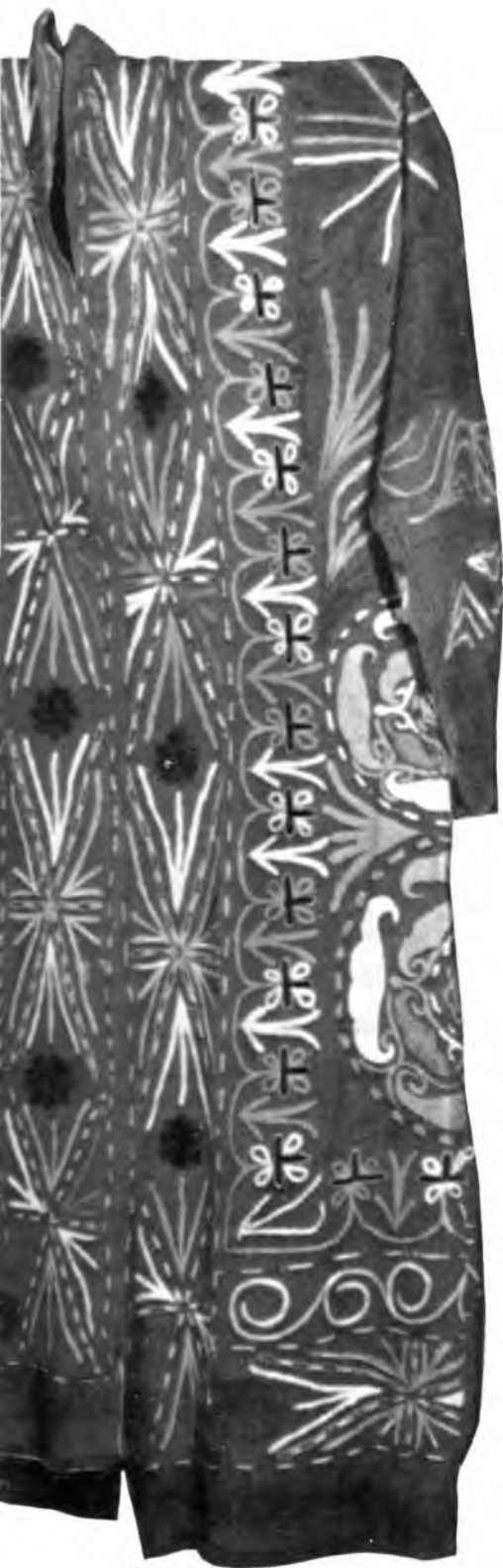

Халат. Замша,
вышивка
шелком.
Дар Чингиса
Валиханова.
ГМЭ

Халат. Дар
Чингиса Вали-
ханова. Ом-
ский историко-
краеведческий
музей

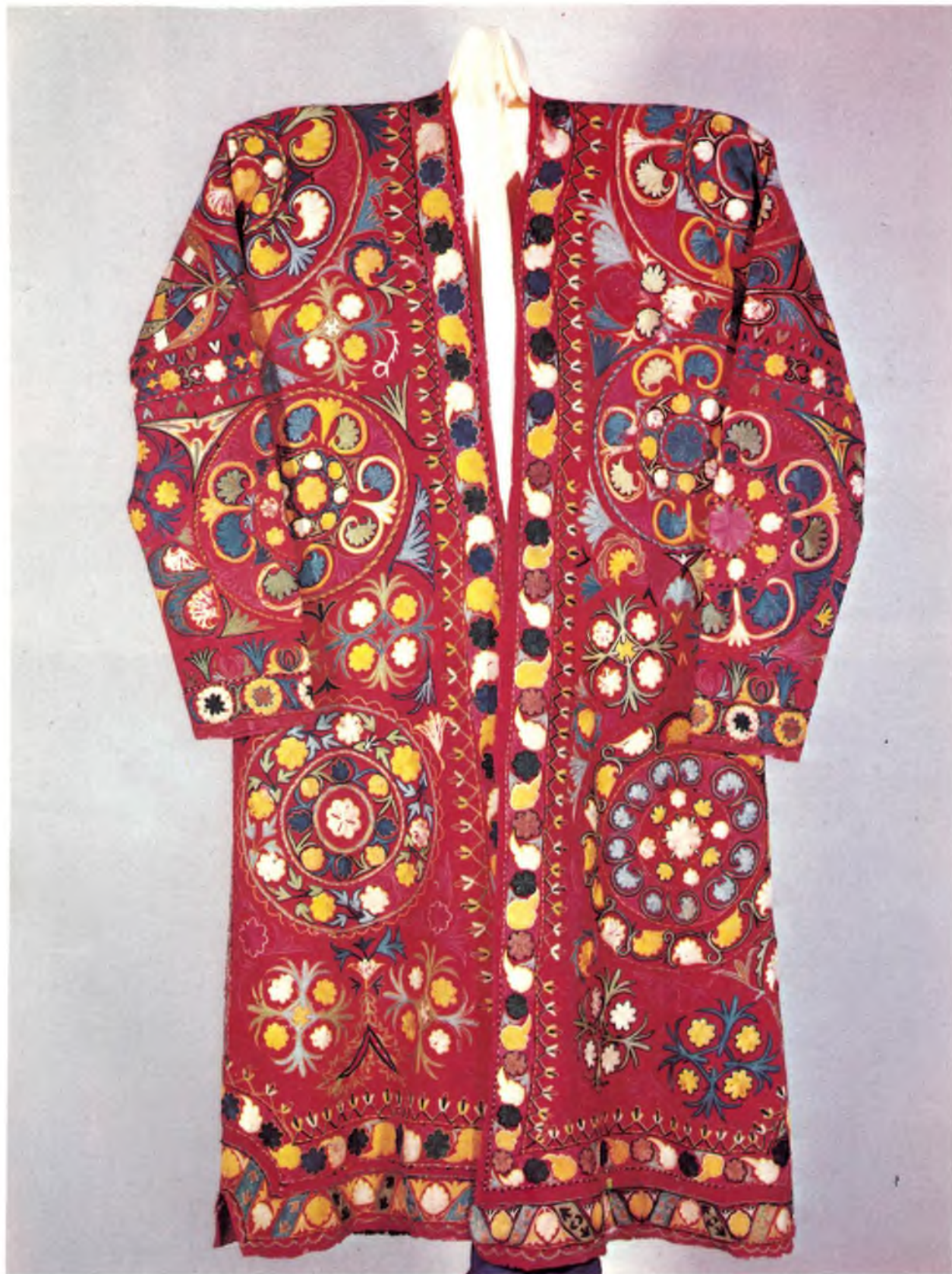

Халаты. ГМЭ

Парадные мужские халаты, вышитые шелком. Середина XIX в. ГЭ

Жаргак шалбар — мужские штаны. Замша, вышивка шелком. ЦГМК

Жаргак шалбар — мужские штаны. Замша, вышивка шелком. МАЭ

Калпак —
высокая шляпа.
Войлок,
вышивка там-
буром. ГМЭ

Орнамент на
тюбегейках.
Рис. А. Воро-
ниной-Уткиной.
МАЭ

Аир калпак —
мужская шляпа.
Вышивка
тамбуром. ГМЭ

Мужская шляпа.
Бархат, золо-
тое шитье.
Уральская об-
ласть. ЦГМК

Саукеле. ГМЭ

Саукеле —
женский
свадебный
головной убор.
МАЭ

Саукеле. ГМЭ

Саукеле.
Северо-
Казахстан-
ский ОИКМ

Костюм невесты — шуба и головной убор — саукеле. ГМЭ

Подвески
саукеле

Саукеле.
Профиль и фас

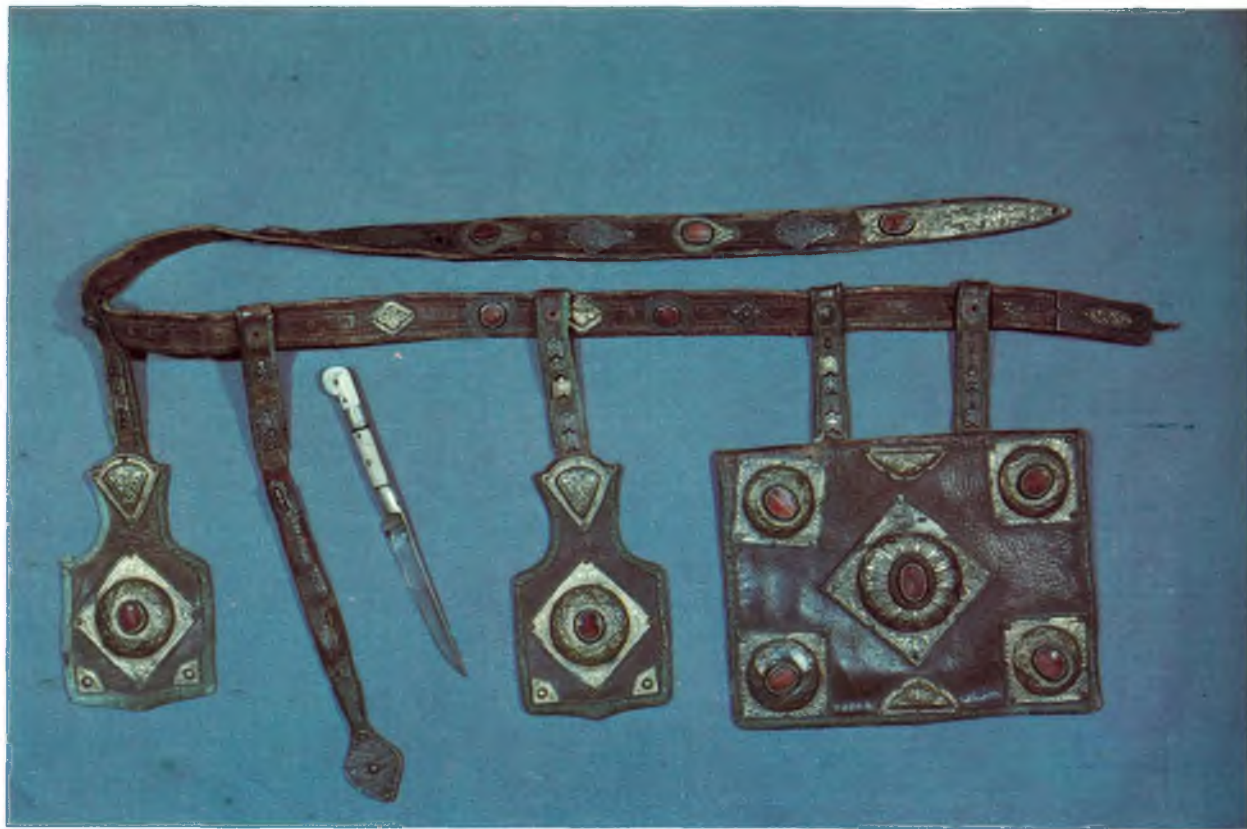

Саукеле и
сумка для
подарков. ГМЭ

Женские пояса.
ГМЭ

Кисе — мужской наборный пояс, принадлежавший Кунанбаю. МАЭ

Фрагмент сумки

Мужские сапоги.
МАЭ

Мужские сапоги с
войлочным
чулком

Туфли женские. Кожа, серебро.
Гурьевский ОИКМ

Башмаки женские.
Джамбулский ОИКМ

Башмаки женские. Северо-Казахстанский ОИКМ

глава 8

КОВРОДЕЛИЕ

Казахские войлочные и тканые ковры многообразны, их можно разделить на несколько групп с характерными для каждой из них особенностями техники изготовления, орнаментации, цветового решения и т. п.

Из войлока казахи делали постилочные и настенные ковры: текеметы, сырмаки, тускиизы.

Текемет делается так. Обычно на белый полуготовый войлок накладываются узорные фигуры из влажного окрашенного войлока. Затем войлок свертывается в рулон и укатывается вначале локтями. Потом следует процесс удлинения, пропарки. И так до полного создания текемета. При обработке узор вваливается.

Центральное поле текеметов обычно строится из квадратных или ромбических розеток, заполненных узорами: бараньи рога — кошкар муйиз, бутон — терме гуль, треугольными фигурами — тумарша и отделяется от бордюров линиями — аралык-гуль.

В ЦГМК хранится старинный текемет. Его композиция составлена из расположенных в ряд пяти ромбов, в которые вписаны крестовины с завитками рогов. Окаймлена композиция рядами древнего знака S.

Много старинных текеметов хранится в ГМЭ.

С. М. Дудин писал: «Узорчатые кошмы выделяются главным образом казахи и узбеки... При всей простоте рисунка и сравнительной бедности красок, узорчатые кошмы все-таки производят своеобразное и несомненно красивое впечатление размахом своего рисунка, его декоративной простотой и блеклой мягкостью тонов, особенно подчеркнутой в кошмах, набранных шерстью с натуральной окраской... У них не редкость встретить войлоки с ввалившимся узором, часто очень тонкого и хорошего рисунка» (178, с. 15).

В коврах этих народов встречается использование расположения тонов по диагонали и ряд совершенно одинаковых орнаментальных элементов и приемов их компоновки в мотивы (361, с. 79—80).

Техника изготовления текеметов восходит ко временам кипчаков. Кипчакские традиции в ковроделии сохранились не только у казахов, но и у народов Северного Кавказа: кумыков,

карачайцев, черкесов, ногайцев. Это отмечали многие исследователи, в частности, А. Миллер (178, с. 15).

Другой вид войлочного ковра — *сырмак* — сшивается из выкроенных узорных фигур обычно белого и черного войлока. Прочность изделия достигается простегиванием узорного слоя вместе с войлочной подкладкой по всей их площади. Войлочный узор приводит «приятную нюансировку тонов. В тех случаях, когда для маскировки швов последние обводятся цветным шнурком, коврик приобретает вид большей нарядности» (361, с. 80). Орнаментальная композиция сырмака, как и в текемете, составляется из розеток в виде квадрата или ромба, обрамленного линией, внутри них вписаны крестовины с завитками парных рогов барана по углам. Границы между розетками и бордюрами оформляются шнуровой линией. Цвета шнура на сырмаке — малиновый, красный, черный, коричневый, желтый, серый, голубой, белый.

Разновидностью сырмака является войлочный ковер, который называется *битпес*. Само название битпес — неосуществимый, несотворимый, недостижимый — передает сложный характер орнамента. Квадраты и ромбы с боковыми узорами (ара гуль) в виде спиралей, бутонов выполняются наложенными шнурами из разноцветных шерстяных нитей. Для изготовления такого ковра с замысловатыми узорами требовались трудолюбие и терпение.

В ЦГМК хранится ковер типа битпес. Его композиция состоит из множества квадратов, расположенных сетками. Фон — белый, а на нем ритмически по вертикали чередуются желтые, оранжевые, белые, малиновые, синие, светло-желтые квадраты. В кайме — ряды завитков. Цветовое решение фона и рисунка строго симметрично и композиционно безупречно. Белый цвет обычно размещался на черном фоне и наоборот. Остальные тона лишь обогащали колорит орнаментальной композиции.

Сырмаки и текеметы — это постилочные войлочные ковры. Настенный войлочный ковер называется *тускииз*. Орнаментируется он так. На белый войлок нашиваются накладные разноцветные узорные фигуры из войлока, сукна,

Обработка шерсти

реже — из шелковой или хлопчатобумажной ткани. Аппликация — одна из древних техник узоротворчества. Войлочные ковры с аппликацией обнаружены в курганах Ноин-Улы и Пазырык. Известный советский исследователь С. Киселев отмечал: «Знаменитые аппликации ковров из Ноин-Улы все выполнены швом «за иголку» (124, с. 436). И до наших дней окончательная отделка войлочных аппликаций на коврах выполняется так же.

Наиболее красивые тускиизы выделяются в северных областях Казахстана, особенно в Баянаульском, Каркаралинском районах и на Иртыше.

В экспозиции ЦГМК можно увидеть больших размеров настенный ковер из тонкого войлока с аппликацией сукном — работу известной народной ма-

Изготовление сырмака. Накладывание узора

стерицы Н. Барлыбаевой. Он экспонировался на многих международных выставках.

Тускиизами называются также вышитые ковры. Их делали из плиса, бархата, шелка и других тканей. В орнаментальных мотивах вышитых ковров преобладают крупные медальоны — розетки, гирлянды, цветы, бутоны, павлиньи перья и т. д. Тона самые различные: алые, малиновые, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, темно-бурые, белые и т. д. Цветы и гирлянды вышивали также золотыми нитями. Настенные ковры вышивались тамбуром и плотно скрученными шелковыми нитями.

Вышитыми были у казахов не только ковры, но и *асмалдыки* — коврики для украшения верблюда, *ат жамчи* — чепраки и попоны для седел, чехлы для сундуков, покрывала, пологи, занавески, наволочки, полотенца. На этих изделиях вышивались сердцевидные фигуры и растительные узоры.

С. Б. Броневским, который долго жил среди казахов, изучал их быт, отмечено трудолюбие казахских девушек, прилежно и искусно занимавшихся вышивкой.

Многие ценные шелковые настенные ковры и изделия XVIII и XIX веков теперь хранятся в музеях Ленинграда, Москвы и Алма-Аты. Среди них можно выделить два коврика из шелковой ткани с вышитыми тамбуром белыми цветами и другими орнаментальными фигурами, выполненные в одном стиле (колл. ГМЭ). Очевидно, их вышивала одна мастерица.

Много шелковых ковров зарисовал С. М. Дудин в Павлодарской и Семипалатинской областях, а также на Сырдарье и в Аулие-Атинском уезде (ныне Джамбулская область) в 1890 — 1894 годах.

У казахов были и мозаичные ковры, сшитые из лоскутков различных тканей. Лоскуты вырезались в виде ромбов, квадратов, треугольников. Эти ковры были нарядными. До сих пор казашки так украшают верх легких матрацев — *курак корпеше*, которые постилают на пол, усаживая гостей.

Несмотря на различную технику изготовления (вваливание, аппликация, мозаика), все войлочные и вышитые ковры можно считать однотипными. Их

В народном эпосе «Камбар» описаны ковры *масаты килем*, по типу сходные с коврами текинцев. Такие ковры выделяет в горах Каратау Чаянского района Чимкентской области мастерица Аяпбергенова. Особой славой пользуются ковры тургайской мастерицы Разиы Баймагамбетовой, неоднократно экспонировавшиеся на республиканских выставках. Они хранятся в ЦГМК. Красивые ковры создаются талантливой ковровщицей Ару Дияровой. В ЦГМК хранится ряд оригинальных ковров, выделанных в Семиреченском крае и других районах республики.

Красивы были ковры молочно-белого фона — *ак килем*, светло-малинового с розетками из восьмиугольников, разделенных на четыре сегмента. Можно выделить также ковры коричнево-терракотового фона с высоким ворсом и серого фона.)

С. М. Дудин в своей работе «Ковры народов Средней Азии» писал о сходстве казахских ковров с туркменскими и узбекскими. Он подчеркивал, что оно проявляется прежде всего в равновесии фона и орнамента, а еще более в одинаковости очертаний того и другого практически до полного совпадения их площадей (361, с. 107—110). Равновесие фона и орнамента и совпадение их площадей, по мнению С. М. Дудина, и отличает ковры всех народов Средней Азии от иранских ковров.

Для композиции ковров народов Средней Азии и Казахстана, в том числе и казахов, характерны восьмиугольники, шестиугольники, вытянутые ромбы с

крестовиной из четырех пар бараньих рогов. Использование одного и того же орнаментального узора в коврах искусно варьируется, «не нарушая в то же время ни гармонии красок, ни сущности композиции» (361, с. 135). Повторяемость мотивов характерна для ковров казахов.)

Кайма часто одинакова; она составлена из полос, ромбов, елочки, ступенчатых, нанизанных друг на друга угольников типа каблук — окше, узоров крыло птицы — кус канат, парящий орел — буркут, вереница журавлей — тырна, рядов зигзаговых полос, стилизованных изображений козлов и баранов. Все эти элементы встречаются и в орнаментах туркмен, этнически связанных с казахами. Общие мотивы казахских и туркменских ковров, несомненно, возникли на Сырдарье в период владычества там огузов и кипчаков. С того времени сохранились и некоторые народные предания, бытующие у казахов и туркмен.

С. М. Дудин писал, что казахским, туркменским и узбекским коврам присущи «одинаковые элементы и мотивы орнамента, способы их композиции, красочные сочетания и доминирующие краски».

В казахских коврах ритмически повторяются орнаментальные мотивы в виде розеток, которые располагаются по двум осям симметрии. Ряд часто состоит из четырех розеток, размещенных по всей средней полосе ковра, квадратной или ромбической, близкой к квадратной форме. В широкие или вытянутые восьмиугольники, квадраты и ромбы вписана крестовина с изображением бараньих рогов. Нередки розетки в виде восьмиконечной звездообразной фигуры, окруженной мотивами каблук — сынар окше.

Наиболее распространенным видом розетки в центральном поле ворсовых ковров были крупные крестообразные фигуры, вписанные в два concentрических прямоугольника, окруженные с наружной стороны завитками бараньих рогов, переходящими в мотив каблук — сынар окше.

В композициях ворсовых ковров используются самые различные орнаментальные мотивы и изображения. Среди них — деревья, горы, равнины, мотив девять холмов, водопады, арыки, купо-

Народная
мастерица
Улбосын
Калкаманова

Горизонтальный ткацкий станок

Вертикальный ткацкий станок

ла древних сооружений, изображения солнца и луны, диких животных, птиц, сцены охоты, караваны верблюдов и т. д. Встречаются следы птиц, коней, верблюдов, бараньи рога, парящие орлы и др. Включение в ковровые композиции стилизованных или реалистических изображений животных, пейзажа и даже отдельных сюжетов характерно для казахских и туркменских ковров. Бордюрный орнамент в коврах называется *шет ою*, границы между отдельными фигурами — *ара-гуль*, мотив *жоргементор* — жгутовой или шнурковый орнамент. Каймы бывают из четырех-пяти узких и широких полос. В узких используются узоры птичий след — зубчатые линии, кривая шейка — кыныр мойын, каблук — сынар окше.

Для широких полос характерны мотивы в виде ступенчатых ромбиков, часто применяемых в середине войлочных ковров, пары бараньих рогов или двойных завитков, расположенных рядами.

Из ковровой безворсовой и ворсовой ткани делали также попоны, мешки, дверные завесы для юрты, переметные сумы, дорожки и ленты для обтягивания и украшения юрты и т. д.

Казахские ворсовые ковры на шерстяной основе впервые были выставлены в г. Мерве в 1910 году вместе с туркменскими. Эти ковры заслужили внимание исследователя Н. Ф. Бурдукова, который писал о ковроделии, «развитом среди киргиз в пределах Туркестанского края. Киргизские ковры выделяются в Ташкентском и других уездах Сыр-Дарьинской области. В фонах два отличительных цвета: малиновый и синий. Эти ковры по стрижке и окраске натуральными красками очень хороши» (48).

В конце XIX века по линии русской кустарной промышленности проводилось описание туркменских, узбекских и казахских ковров. Эти материалы теперь находятся в архивах нашей страны.

Наиболее ценные казахские ворсовые ковры хранятся в ГМЭ и ГИМе, среди них оригинальный и редкий ковер XVIII века. Центральное его поле заполнено восьмиугольником, разделенным на три сегмента, разграниченных белыми и черными пунктирными линиями. Внутри восьмиугольника вписан малый квадрат — стилизованные изображения дерева и листьев. Край окаймлен ритмическими рядами полос, из которых две узкие со знаком S и широкая со стилизованными завитками, квадратами и крестиками.

В 1923 году в Москве была организована выставка прикладного искусства народов СССР. На ней экспонировались ковровые изделия народов Средней Азии и Казахстана. Самые лучшие экземпляры этих ковров переданы в ГМЭ.

Большую коллекцию ворсовых гладких ковров имеет ЦГМК.

Безворсовые и ворсовые ковры делают до сих пор в отдельных регионах Казахстана, главным образом на юге республики.

Текемет. МАЭ

Текемет. ЦГМК

Текеметы —
постилочные
войлочные
ковры.
Центральный
Казахстан

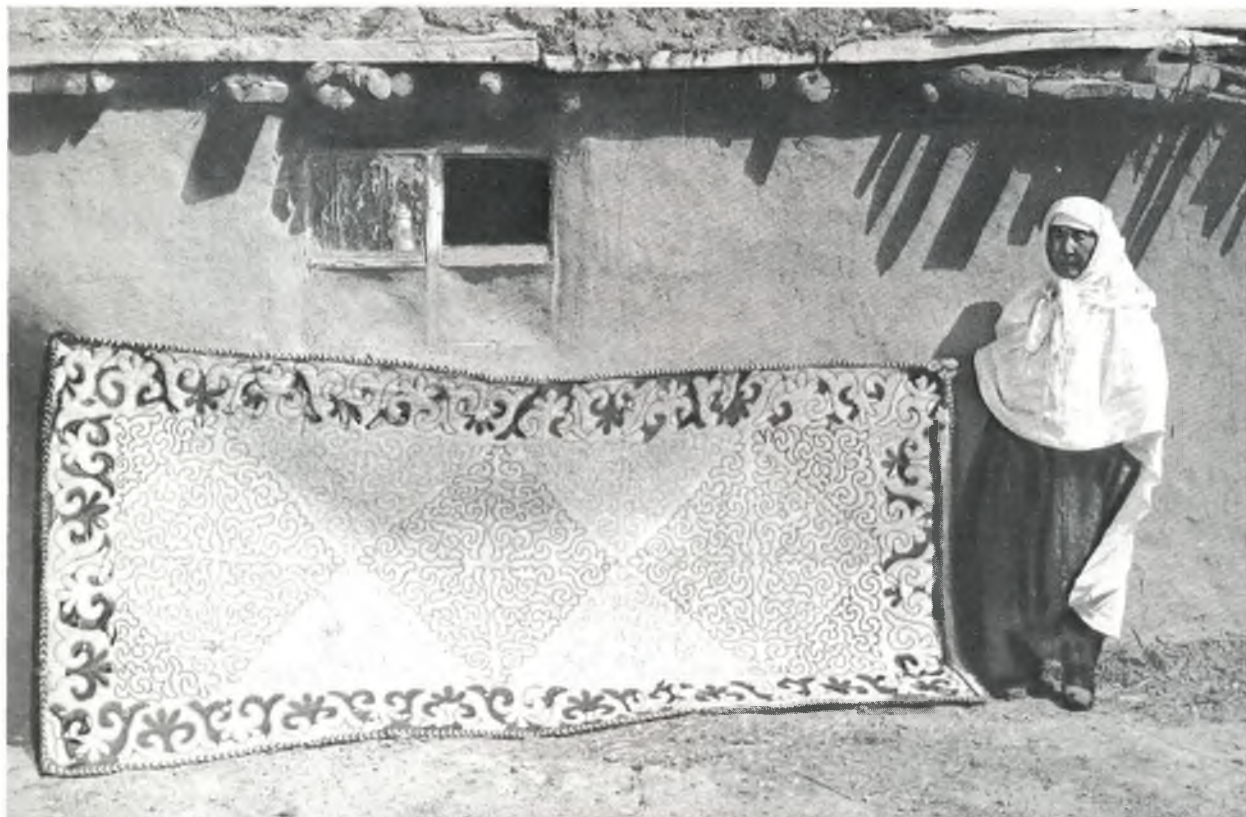

Ковер
ворсовый.
ЦГМК

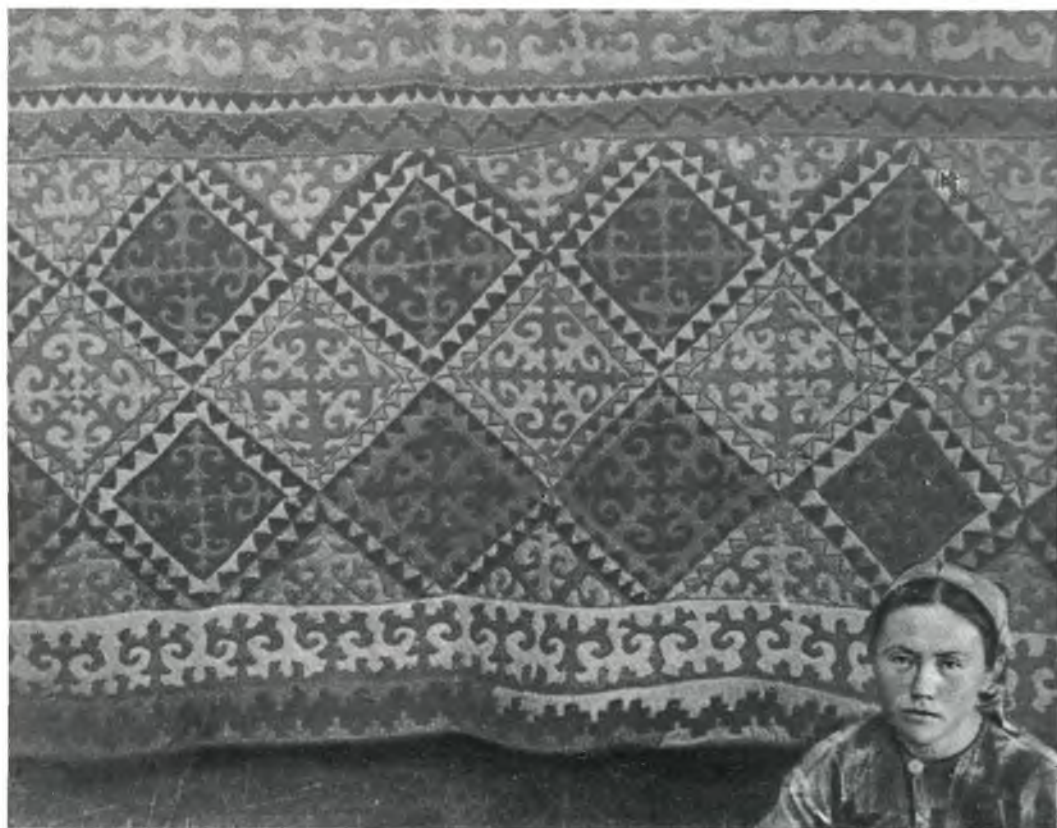

Сырмак
«битпес».
Войлок, шнур.
Центральный
Казахстан

Тускиз.
Войлок.
Апликация.
Центральный
Казахстан

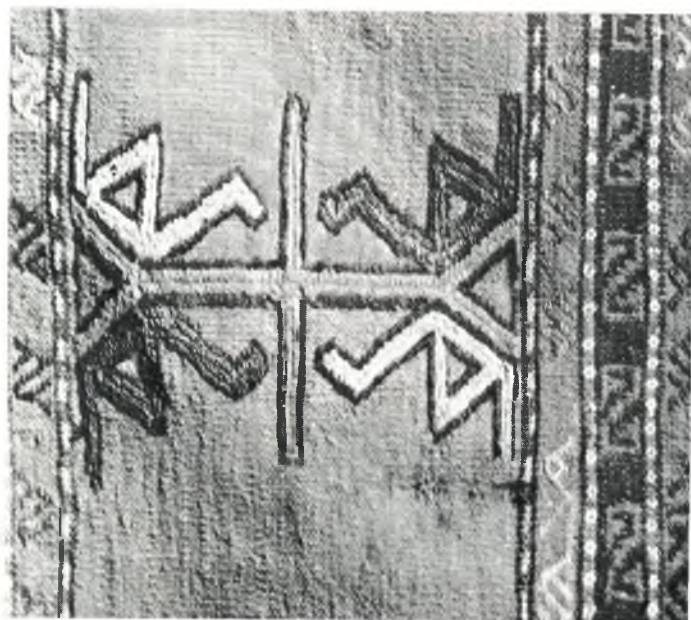

Сырмак
«битпес».
Войлок,
шнур.
Центральный
Казахстан

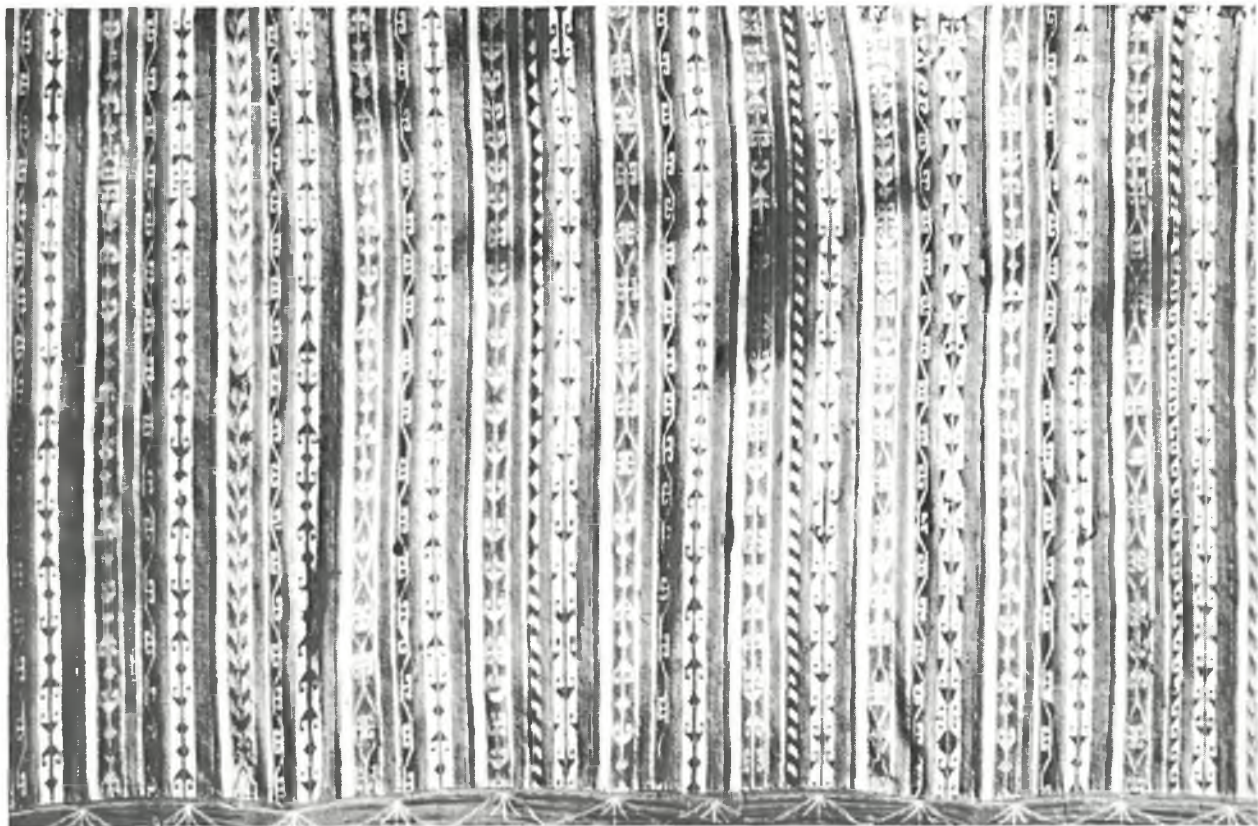

Такыр килем—
безворсовый
ковер. ЦГМК

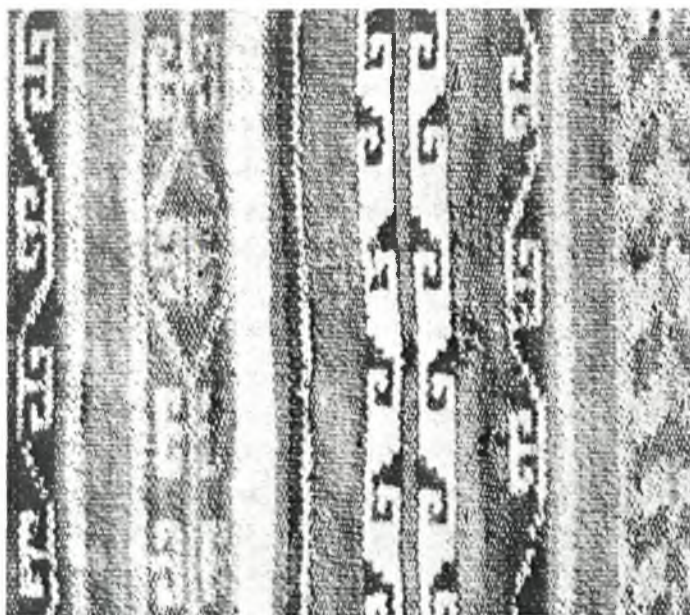

Такыр килем—
безворсовый
ковер.
Шерсть,
ткачество.
Аул Шнели.
Кзыл-
Ординская
область

Терме алаша —
безворсовый
ковер.
Шерсть,
ткачество.
Аул Шиели.
Кзыл-
Ординская
область

Алаша —
безворсовый
ковер.
Шерсть,
ткачество.
Аул Шиели.
Кзыл-Ордин-
ская область

Ковер ворсовый. Шерсть, ткачество. ЦГМК

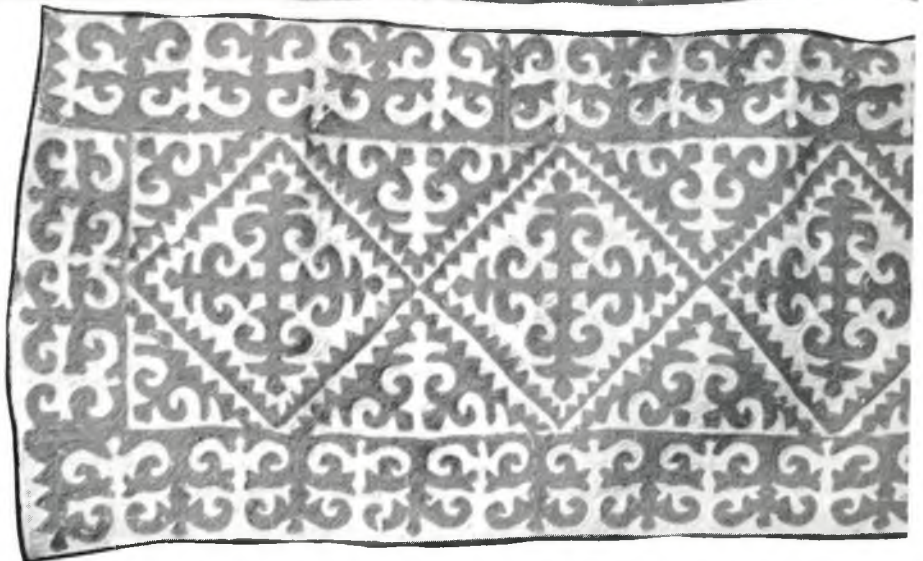
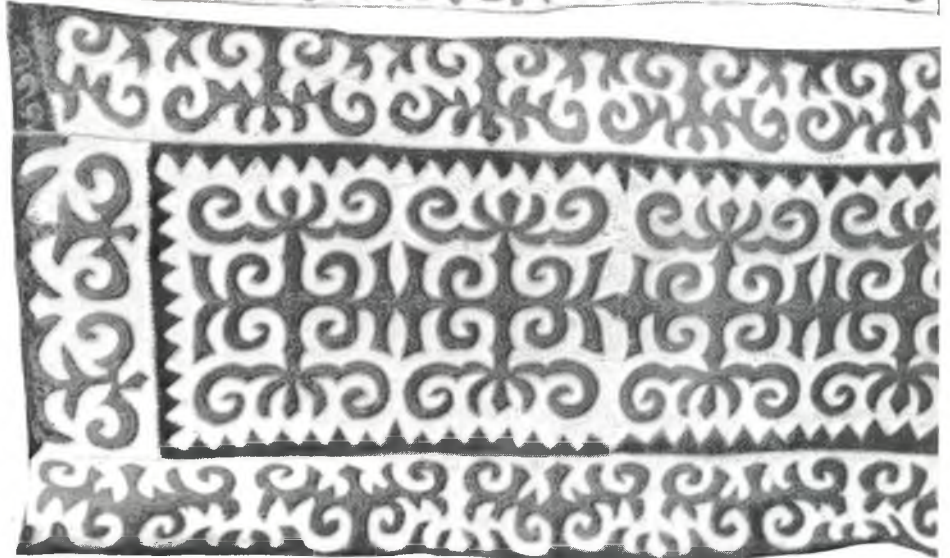
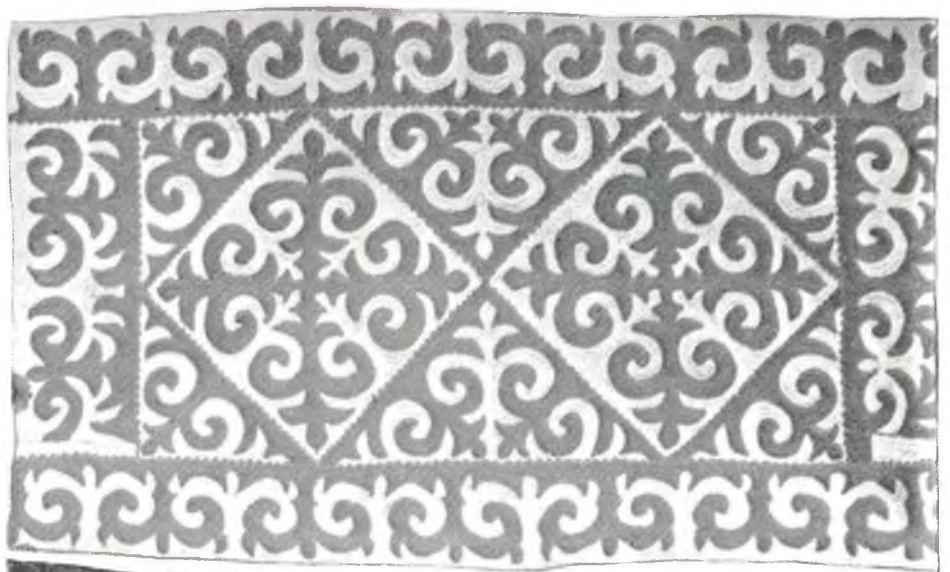
Тускииз —
настенный
вышитый
ковер. Цен-
тральный
Казахстан.
Баянауль-
ский район

Сырмак «бит-
пес».
Войлок,
шнур.
МАЭ

Сырмаки.
Центральный
Казахстан

глава 9

**ОБРАБОТКА
МЕТАЛЛА
И ЮВЕЛИРНОЕ
ИСКУССТВО**

кий сосудик и употребляют на золочение.

Золотую и серебряную проволоку для ажурных и сканных изделий и цепочек протягивали на стальной доске прямоугольной формы с отверстиями различных диаметров — *сымтарткыш*. У мастера А. Тубекова такая доска имела 29 отверстий разного диаметра.

Литье — древнейшая техника, известная с эпохи бронзы. Из золота и других металлов отливали перстни, пряжки, накладные бляшки к головным уборам, поясам, а также к конской сбруе.

Для отливки изделий народные мастера пользовались формами из камня, металла, глины и воска.

Была распространена техника холодной штамповки с особых матриц с углублениями или выпуклыми рисунками. Для штампа использовали преимущественно свинцовые диски. На диски накладывали тонкую бронзовую, золотую или серебряную пластинку и молотком ударяли по ней до появления рисунка. Техника штамповки сохранилась на Сырдарье, в Центральном Казахстане, в Тургайской долине и на Мангышлаке. Способом штамповки делали золотые и серебряные бляшки для украшения саукеле, оттиснутые на свинцовой форме или на болванке, крупные накладки для поясов и сбруи. Нередко на крупные накладки наносилась насечка серебром. При насечке мастер тщательно очищал поверхность железной пластинки, затем резцом наносил на ней сетку. На сетку накладывал узорную пластину из серебра и скреплял ее с железом при помощи специального молотка. Насечку часто обрабатывали и огнем, выглаживали паяльной трубкой. Вот как об этом писал А. Евреинов: «Казахи серебро разбивают на тонкие пластинки и вырезают из него различные фигуры и вколачивают в предмет, который хотят украсить» (362). Насечка — наиболее характерная техника ювелирного искусства Казахстана, она была широко распространена во всех регионах. Только в одной Акмолинской области в конце XIX века было около сорока специалистов по изготовлению украшений с насечкой серебром (XXVII, л. 28). Насечкой серебром и золотом убраны многие предметы и украшения

акмолинских, атбасарских и кокчетавских мастеров, показанные на выставке Третьего международного конгресса ориенталистов в Петербурге и на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде (207, с. 15). О подобных изделиях писал И. Ф. Русанов: «Поделки, например, набивного серебра способны прослужить десятки лет, не теряя вида» (572, с. 94). Ученый И. Я. Слобцов отмечал: «Особенной отделкой и красотой отличались предметы кузнечной работы с накладным серебром» (519, с. 51). Казахский поэт Сакен Сейфуллин писал о насечке из тонкого кованого серебра при изготовлении ложки, ковша, чаши и т. д. Казахи украшали накладными металлическими пластинами детские колыбели, кровати, сундуки, колчаны, ножны кинжалов и посуду. Во многих случаях насечку наносили на бронзу и медь. Гравировка (по-казахски — *безеу*) — древнейшая техника нанесения рельефного изображения на металл при помощи стальных резцов и чеканов. Для казахских ювелирных изделий характерны плоский рельеф и выпуклый рисунок с графическим узором. Мастер острым резцом наносил разметку контура рисунка, а затем другим — вогнутым резцом углублял линии. Гравировкой украшали детали конской сбруи, одежды, медальоны, блюда и др. Некоторые гравированные изделия покрывались чернью.

Одним из видов ювелирной техники является чеканка. Чеканкой наносились различные орнаментальные мотивы: круги, завитки, зигзаги, розетки в виде взаимопересекающихся крестиков и т. д. В чеканных изделиях больше применяли геометрический орнамент. Широко была распространена ажурная техника при изготовлении ювелирных изделий из золота и серебра. Ажурный каркас обычно изготавливали из металла выбивкой его на мягкой коже деревянным молотком или чеканом. Красив был ажур из тонкой золотой проволоки, скрученной в виде сеток с инкрустацией драгоценными камнями. Изящна и красива ажурная застежка миндалевидной формы, сделанная баянаульским мастером из тонкой проволоки со вставками самоцветов. Такой же характер имеет ажурный браслет из тонкой

Алебарды и топоры. Альбом С. М. Дудина

серебряной проволоки со вставкой камней. Браслет состоит из трех звеньев, соединенных петлями. Ажурный каркас из золотой или серебряной проволоки встречается во многих украшениях, например, подвесках к косам, деталях женских поясов и др.

Филигрань (скань) также была известна казахским мастерам XV—XIX веков. Сканый развод—одна из тончайших и древних техник. Золотые или серебряные проволочки, свитые вместе, припаивали к поверхности пластинки в виде «елочки», двух «веревочек», «шнурка», «рубчика».

Филигранная техника на браслетах, нагрудных украшениях и перстнях сохранилась в работах мастеров Мангышлакской, Гурьевской, Кызыл-Ординской областей и Центрального Казахстана. Их изделия связаны с традициями полихромного стиля.

В большой серии ювелирных изделий казахские мастера сочетали металл с

цветными камнями. Им была известна и техника перегородчатой инкрустации. На металлической пластинке нарезали желобки, в них вставляли тонкие золотые или серебряные проволочки, ленты или пластинки, которые ставились на ребро, образуя гнездо. Гнездо имело круглую, прямоугольную или квадратную форму с плоским дном. Верхние края гнезда загибались и сплющивались, закрепляя камень в гнезде. Поле между гнездами заполнялось тругольниками и ромбами из зерни. Зернь—напайка металлических шариков—капелек металла.

Иногда гнезда заполнялись мастикой или эмалевым порошком, который расплавляли очень осторожно, насыпая его немного, не до краев гнезда. Для раствора эмалевого порошка мастера применяли медный купорос. Подобный раствор давал ровный и блестящий слой эмали. На выставках в Петербурге 1876 г. и в Нижнем Новгороде 1896 г. были показаны серебряные уздечки, седельные потфеи и мужские пояса с массивными серебряными накладками, с инкрустацией, покрытые эмалью. Многие ювелирные изделия казахов украшены цветным стеклом, напоминающим самоцветы.

С техникой инкрустации связана обработка самоцветов: обтесывание, шлифовка, полировка, сверление и другие виды работ, которые выполнялись вручную. Полировали и чистили цветные камни абразивными инструментами из алмаза, корунда, наждака, алмадина и граната. В Отраре найден наждак для шлифовки и чистки цветного камня. Данные о существовании у казахов абразивных инструментов: шлифовальных кругов, сегментов и брусков—сохранились и в литературных источниках. Станки для обтачивания и шлифовки драгоценных металлов и камней имели ханы Аблай и Конур-Кульджа. Они значатся в списке материалов, предназначенных для выставки Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге (XXII, л. 13—15).

Большим уважением в народе пользовались кузнецы. Из называли *уста*, *дархан*, *шебер*—мастер, умелец, искусник. В казахском языке слово «дархан» употребляется и в значении «уважаемый человек», «наставник».

В народе существовало представление, что кузнецы обладают сверхъестественными силой и способностями. Такое отношение к людям этой профессии характерно для всех тюркоязычных народов. Секреты своего мастерства кузнецы хранили в тайне и передавали по наследству. Их мастерство и искусство ювелиров воспето в героических сказаниях казахского народа, например, в поэме «Кобланды». Поэт первой половины XIX века Дулат в своих произведениях отмечал значение железа в жизни казахов, трудолюбие кузнецов, обрабатывающих железо. Оружие, сделанное известными мастерами, наделялось сверхъестественными свойствами. Обычай требовал бережного отношения к кузнечным инструментам. В народной поговорке говорится: «У мастера береги руки». Особое отношение к кузнецу ярко выражено в легенде об Ергенек Конге — обширной, плодородной долине на Алтае, окруженной со всех сторон неприступными горами.

На эту долину никогда не посягал враг. Мирно жили здесь люди и развели так много скота, что стало тесно в долине. Тогда кузнец, который ковал на Алтае железо, сумел через один из хребтов, окружавших долину, проложить дорогу. По легенде, на Ергенек Конге жили древние казахские племена: конраты, ергенекты — найман, кияны (кияты) и др. (479, с. 47—198).

Кузнецы делали орудия труда: сохи, лемеха, серпы, лопаты, кетмени, ломы, инструменты для ремесленников и охотников; различную домашнюю утварь: кувшины, чайники, подсвечники, подставки для котлов в виде круга на треноге. В древности из бронзы отливали котлы и жертвенники со скульптурными изображениями голов барана, козла или коня. Следуя этой традиции, казахские кузнецы украшали подставки для котлов скульптурными изображениями бараньих голов.

Из железа отливали *адалбаканы*, служащие в юрте подпоркой и в то же время вешалкой. Некоторые из них были разборные, нередко украшались рельефным рисунком. Такие вешалки, изготовленные в Акмолинской и Атбасарской степи, были показаны на выставке конгресса ориенталистов в Петербурге (1876 г.) и хранятся ныне в МАЭ.

Из особой стали делали так называ-

емые кривые сабли, которые в казахском народном эпосе именуется *алмас кылыш*. Их рукоятки и эфес убирались драгоценными камнями. Эфесы покрывались рельефом, например, с изображением орлиной головы. Ножны для них делались из черной или красной кожи с тиснением, покрывались серебряными или бронзовыми бляшками. Подобная сабля были зарисована художником Кошаровым. Дорогие сабли, покрытые серебром и драгоценными камнями, сделанные мастерами Акмолинской, Атбасарской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей, были представлены на выставке конгресса ориенталистов 1876 года (XXII, л. 30, 55, 68—70, 304—308), четыре сабли — на выставке в Нижнем Новгороде (1896 г.) (597), одна старинная сабля хранится в Омском краеведческом музее, другая — в ГИМе.

В средневековье самым мощным оружием считались меч — *селебе*, палаш — *семсер*, нередко имевшие длинные прямые и золоченые навершия. Широко использовались *сапы* — оружие типа шпаги и близкое к шашке, кинжалы — *канжаф* (их обычно держали в золоченых серебряных ножнах с костяной рукояткой), длинный нож со слегка изогнутым клинком — *жеке ауз*, узкий длинный нож — *буйда пышак* (XXII). В казахском эпосе всегда ярко и подробно описывается вооружение, оно рассматривается как опора воина, например: «Для меча твердыней служили ножны, для ножен твердыней был я сам (богатырь — А. М.)» (659, т. II, с. 91).

Наиболее распространенные виды оружия в средневековье — длинное копье со стальным острием и кистью из конских волос, четырехметровая пика с костяным навершием, боевые чеканы с длинной рукояткой. Старинные чеканы, украшенные насечкой серебром, из Акмолинской, Атбасарской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей были представлены на выставке конгресса ориенталистов (XXII). Интересные экземпляры боевых чеканов хранятся в МАЭ. У одного из них навершие рукоятки в виде полушара, на нем рельефное изображение четырех бараньих рогов. Ударная часть его и ствол убраны рельефными изображениями розеток, священного дерева и

рис. 1

древней фигуры (рис. 1). Другой чекан украшен насечкой серебром с мотивами священного дерева и цветов, на его рукоятке — знаки в виде запятой или крючка, на третьем — серебряная насечка со спиралевидными, зигзаговыми и роговыми мотивами, на четвертом — изображение пальметты и четырехлопастных фигур, его рукоятка завершена полушаром с изображением растительных мотивов. Особенно интересен боевой чекан лукообразной формы с вертикальной втулкой для рукоятки, украшенной серебряной насечкой в виде круглых, многолопастных фигур, спиралей и зигзагов. В МАЭ хранится плотничный топор изящной формы, убранный миндалевидными и роговыми фигурами.

Из доспехов в музеях хранятся шлемы — стальной, железный, с козырьком и насечкой серебром, шлем с сеткой и кожаным орнаментированным чехлом, кольчуги из колец и сплошные, щит, латы и т. д.

Казахи пользовались и луком. Наконечники стрел имели различную форму: четырехгранную (такой наконечник пробивал любой щит), ромбическую, вилообразную — для охоты на куланов. В Омском краеведческом музее хранится чугунная пушка, которую перевозили на верблюдах. Сохранились и чертежи ручных пушек с казахским орнаментом, которые хранятся в Центральном

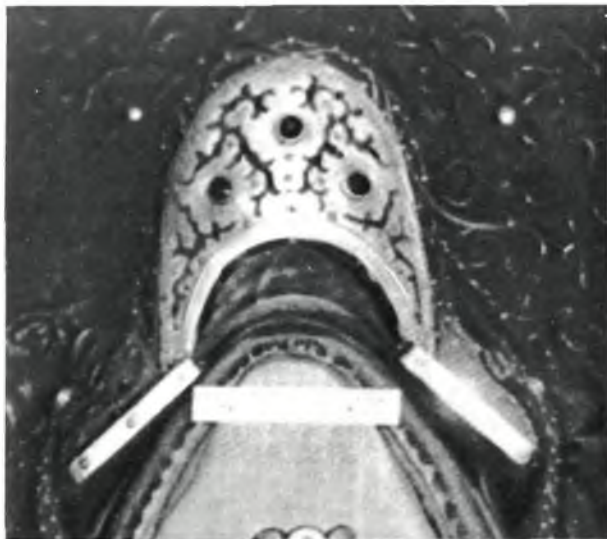
Айбалта —
секира.
МАЭ

государственном архиве военноморского флота СССР (Ленинград). Исследователи отмечали, что «в прежние времена были известны из кайсаков мастера, приготавлившие хорошие стволы ружья» (567). Ружья были нескольких видов: старинное с фитилем и украшенное насечкой серебром — *билтели мылтык*, без насечки — *кафа мылтык*, с коротким стволом — *самкал*. Ружья с коротким стволом. полет пуль которых был равен семистам метрам, назывались *коз кеш*. Ружья всех видов демонстрировались на конгрессе ориенталистов в Петербурге. Они были сделаны в Акмолинской, Атбасарской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях и хранятся сейчас в музеях. Например, длинные ружья находятся в ГИМе — они кратко описаны в словаре Л. З. Будагова (46, т. I, с. 692) — и в Омском краеведческом музее. В этом же музее хранится еще шесть экземпляров старинных ружей, некоторые из них с насечкой. Такие же ружья хранятся в МАЭ и в архиве Всесоюзного Географического Общества. Одно фитильное ружье зафиксировано художником Кошаровым в Семиреченском крае (1857 г.). Такие же ружья встречались в аулах Каратау, в низовьях рек Чу и Сарысу. у охотников Бетпак-Далы.

У казахов есть поговорка: «Красота жизни заключается в изящном седле и в нарядной одежде». И. Георги писал, что казахи «украшают наилучших лошадей великолепными седлами, покрывками и уздами» (64, т. II, с. 132). То же отмечалось в труде Т. Аткинсона. В 1815 году в верховьях Тургая геолог Герман встретился с почтенным казахом — «байсакалом, едущим на прекрасной лошади, окруженным большой свитой. Они были одеты великолепно, убор на лошадях также весь вызолочен, осыпан жемчугом, кораллами и бирюзой» (339, с. 120).

Все драгоценные предметы казахи называли *асыл буйым* (дословно — сокровище, ценный предмет). К ним относится и убранство лошади, в которое входят седло, узда, чепрак, поддруга, седельная шлейка, ремень с подвешенными на нем стременами, нагрудные украшения, потфейное убранство, а также потник. Луки седла, особенно

Седла
найманского
типа. ЦГМК

передние, и все остальные предметы конской сбруи украшались накладными металлическими пластинами, литыми, чеканными и рельефными. Они были сплошные и ажурные, из серебра, нередко покрывались позолотой и украшались самоцветами (иногда до тридцати различных цветов и оттенков), имели самую различную форму: сердцевидную, квадратную, из двоянных кругов, дисковидные и т. д.

В отделке седла использовали в основном геометрические и зооморфные узоры, например, стилизованные изображения парящих птиц. Среди разнообразных орнаментальных мотивов доминировали солярные знаки—символы небесных светил. Ими часто украшались передние луки детских седел как защита, оберег.

Высокую оценку на дореволюционных выставках получили седла с позолоченными металлическими пластинами атбасарца М. Джанайдарова, серебряное седло, инкрустированное цветными камнями, старинное седло, покрытое серебром, кокчетавского мастера Кожугула (отца знаменитого певца Биржансала); седло с медной оправой кокчетавского мастера Кариыкова, нагрудные и потфейные украшения, стремяна. Много седел и узд было представлено на выставке конгресса ориенталистов. В их числе были золотое седло Мейрама Джанайдарова и серебряная узда Жакупа Валиханова (XXII).

По конструкции и технике изготовления седла подразделяются на пять ос-

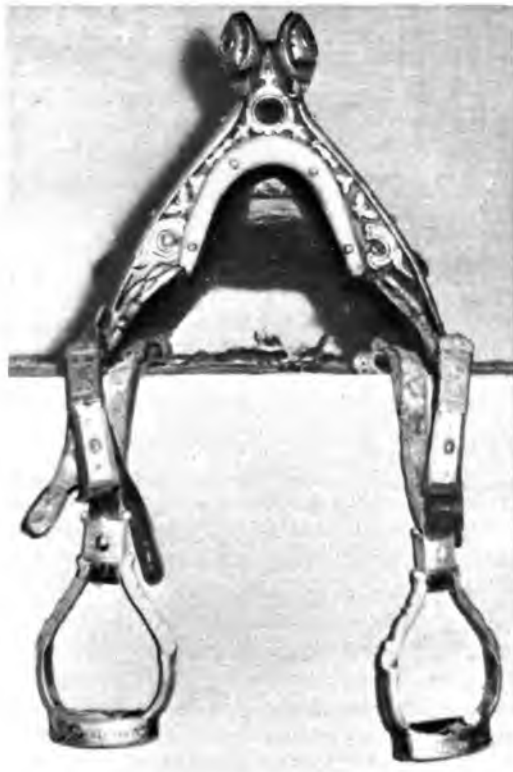
новных типов: восточно-казахстанский, или найманский, центрально- и северо-казахстанский, западно-казахстанский, семиреченский и сырдарьинский.

Для найманского седла характерна широкая и высокая передняя лука, сплошь покрытая серебряными накладками в виде стилизованных фигур оленей и растительных узоров, со вставками цветных камней.

Седла Центрального и Северного Казахстана имеют общее конструктивное сходство с седлами найманов, однако они легче, с более низкой передней лукой, умеренной орнаментацией, например, седла Баянаульского, Каркаралинского, Карагандинского и Кокчетавского районов. Седла же кустанайских мастеров имеют сравнительно высокие и широкие передние луки, сплошь покрытые серебряными пластинами в виде стилизованных изображений оленей со вставками цветных камней и жемчуга. По форме передние луки седел Восточного, Центрального и Северного Казахстана похожи на луку седла из кургана Кудыргэ.

Совершенно своеобразная форма седел Западного Казахстана. Они очень легкие, с характерной передней лукой—узкой, вытянутой вверх, овальной, украшенной серебром и резьбой. У казахов Семиречья и южных областей Казахстана седла были с характерными узкими и высокими передними луками, богато орнаментированными серебром. Они называются *шошак бас-ер*. Передняя лука седла—*уйрек бас-ер* имеет

Седло
сырдарьинских
казахов. ЦГМК

форму гусиной головы и шейки и покрыта серебряной оправой. Интересное седло семиреченских казахов зарисовано в 1857 году П. Кошаровым около г. Верного (ныне Алма-Ата) во время экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского. Его подушка архаична и напоминает найденные в Пазырыкском кургане. Стремя костяное, инкрустированное серебром, передняя лука седла сплошь орнаментирована солярными кругами и другими символами небесных светил.

Седла сырдарьинских казахов по форме очень сходны с кокандскими седлами, но отличаются от них прежде всего богатым рисунком серебряного рельефа и использованием самоцветов.

Из всех типов седел самое красивое — найманское седло. Образец такого седла хранится в ЦГМК. Его передняя лука разделена на три дугообразные полосы — верхняя и нижняя узкие, средняя — более широкая. Край полос обложены рядами цветных камней различных оттенков и разной величины. Крупные камни размещены в центре. Очень похоже на него богатое серебряное седло с подписью мастера Жума-Шарипа и датой изготовления — 1896.

Передняя лука его целиком покрыта серебряными пластинами в виде роговых завитков и украшена вставками цветных камней и голубой эмали.

Особую художественную ценность представляет седло, также хранящееся в ЦГМК. Его луки украшены позолоченными серебряными пластинами в виде ветвей и цветов. На передней — мастером сделана надпись: «Седло сделано кузнецом Наби Каробаевым, который украсил его различными мотивами ветвей и цветов». Это седло мастер сделал в подарок старику и написал ему посвящение:

Это подношение будет счастливым
для Кажага.

Пусть дивятся люди его великолению...

Наби Каробаев

Этим же мастером сделано женское седло с широкой передней лукой, по типу относящееся к найманскому. Оно сплошь инкрустировано серебряными позолоченными или покрытыми чернью пластинами в виде стилизованных изображений животных, цветов и S-образных фигур.

Мастера Баянаульского, Каркаралинского, Акмолинского и Кокчетавского районов серебряные пластины для седел также покрывали чернью, как, например, мастер Абдраим Есалин.

Очень красивы были женские седла. Их передние луки, широкие и массивные, украшались пластинами из кости или серебра. Одно женское седло под названием «восточное» хранится в ГИМе, другое — в МАЭ. Оно имеет высокую продолговатую луку, украшенную вставками самоцветов. В орнаментации использованы зигзагообразные линии. У этого седла красивые стремяна сердцевидного очертания.

В этом же музее есть седло с широкими луками, покрытыми серебряными накладными пластинами в виде стилизованной фигуры орла и растительных мотивов. Пластинки на потфее — в виде стилизованных голов волка, соединенных затылками. Другие пластинки сделаны в виде розеток и древней фигуры (рис. 1). На серебряных накладках узды из этого комплекта использованы те же орнаментальные мотивы.

В оружейном отделе ГИМа можно видеть три старинных седла, обтянутых верблюжьей кожей и украшенных ин-

рис. 1

крустацией. Они отличаются друг от друга передними луками. Много старинных седел хранится в областных историко-краеведческих музеях Караганды, Семипалатинска, Кустаная и др. В соответствии с убранством седла выполнялись узды, нагрудник, потфей, подпруга, шлейки для подвешивания стремян, стремяна, потник. Нагрудное украшение и подпруга украшались бляшками в виде стилизованных фигур оленей, муравьев и цветов.

В орнаментации конских сбруй, в том числе и узды, широко использовались вихревые розетки. Этот древний узор обнаружен на железной уздечной бляшке из кургана Тасмола (VI—V вв. до н. э.).

Примером могут служить потфей и узды из ЦГМК, на которых основной орнаментальный мотив — стилизованная фигура муравья. Накладные бляхи носовых, налобных и нащечных частей узды делались также в виде круга, треугольников и прямоугольников с изображением S-образной фигуры. Сходны узды, хранящиеся в Кокчетавском краеведческом музее, музее археологии Академии наук Казахской ССР, ГМИ КазССР им. А. Кастеева.

Седлам и конской сбруе посвящены специальные исследования Х. Аргынбаева. Им опубликованы великолепные образцы, имеющие и большую художественную ценность (657).

Из золота, серебра, драгоценных камней, кораллов, жемчуга, самоцветов ювелиры делали украшения для женщин.

Это — нагрудные украшения различной конструкции типа *ониц-жик* (прямоугольной формы), *омрауша* (дугобразной), *тумарша*, или *бойтумар* (треугольной), украшения девичьих кос — *шолты*, привески накосные — *шайбау*, браслеты, серьги, перстни, пряжки — *капсырма*, застежки к поясам — *ильчек*, фигурные бляхи к саукеле — *чилтыр*, массивные шаровидные пуговицы для парадной одежды женщин — *торсылдак туйме*, булавки — *туйреуыш*.

При изготовлении женских украшений применялась различная техника: литье, гравировка, чеканка, штамповка, филигрань, чернение, зернь, эмали.

Нагрудные украшения делали мастера Мангышлакской и Гурьевской областей. Сделанные из золота и драгоценных камней, они сохраняют традиционные черты полихромного стиля гуннского времени и сходны с изделиями из курганов Кара-Агач, Канаттас, Боровского клада и семиреченских. Обычно касты (гнезда) для вставки самоцветов ограничены двумя концентрическими линиями. Пространство между гнездами заполнено треугольными фигурами из зерни и стилизованными зооморфными изображениями. Наиболее интересные нагрудные украшения находятся в ЦГМК и в ГМЭ.

В традициях полихромного стиля делались также массивные серебряные браслеты — *блезик* — с позолотой и инкрустацией. Орнаментальные рисунки композиционно разбиты на центр и бордюр с ограничением их шнуровым узором. На одном из браслетов, хранящемся в ЦГМК, в центре по пять овальных широких и узких гнезд. Вокруг них и вдоль бордюра — треугольные фигуры из зерни, бордюр также украшен вдоль и поперек зернью.

Однотипны и другие серебряные браслеты. Однако они отличаются более рельефной гравировкой в виде трех миндалевидных фигур. Пространство между ними заполнено стилизованными изображениями зайца. Особую форму имеют позолоченные браслеты из серебра со вставками агата. Казахи такие браслеты называли *кас козди блезик* — браслет, сверкающий агатовым глазом.

Массивные серьги — традиционное украшение с древнейших времен. Их

Браслет.
Серебро,
чернь.
Баянаульский
район. ЦГМК

Пряжка. МАЭ

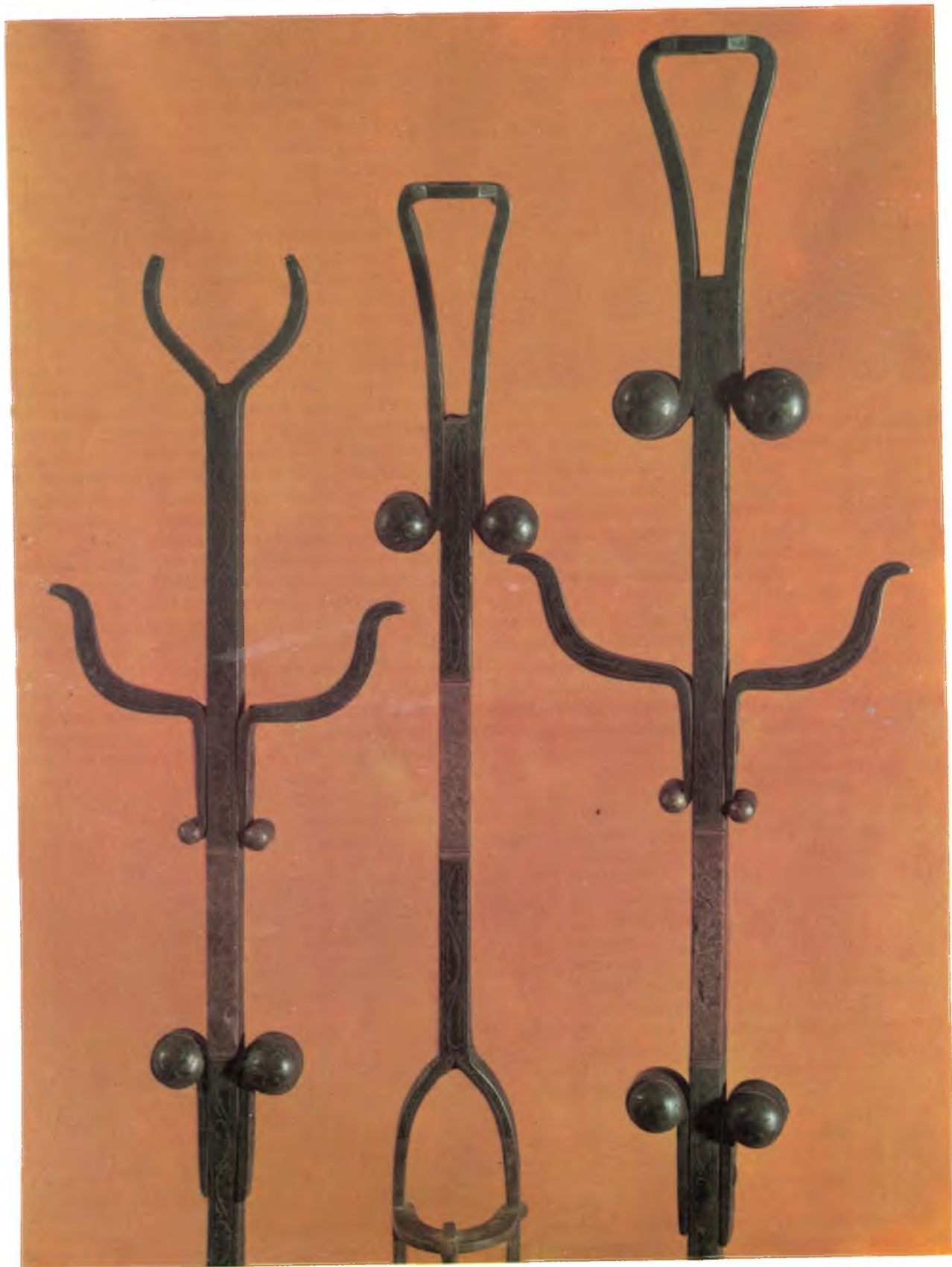
делали в основном из проволоки в виде дужек, колец с подвесками из самоцветов. Старинные серьги часто делали из ромбических и округлых пластин, соединенных между собой цепочками. По описанию И. Г. Андреева (XVIII в.), казахские женщины носят серьги большие, длинные, с жемчужинами (298, с. 84), и чем эти серьги больше, тем они ценнее (199, с. 115). О казахских серьгах Дм. Львович писал: «Особенно, помню, поразили меня удивительные жемчужные серьги, вершков четырех длины, с застежками из каких-то бледно-розовых камней и массивными кистями на концах» (158, с. 43).

Исследователи отмечали, что казашки волосы убирают медальонами (452, ч. 39, с. 241—242). В XVIII веке И. Георги писал: «К волосам прицепляют они обыкновенно широкое, кольцами покрытое и кисточками расщепренное украшение» (64, с. 132).

Накосные украшения делали из серебра, часто позолоченного, в виде рядов медальонов или пластин, соединенных между собой кольцами. Центральные медальон или пластина всегда украшены филигранью со вставками цветных камней.

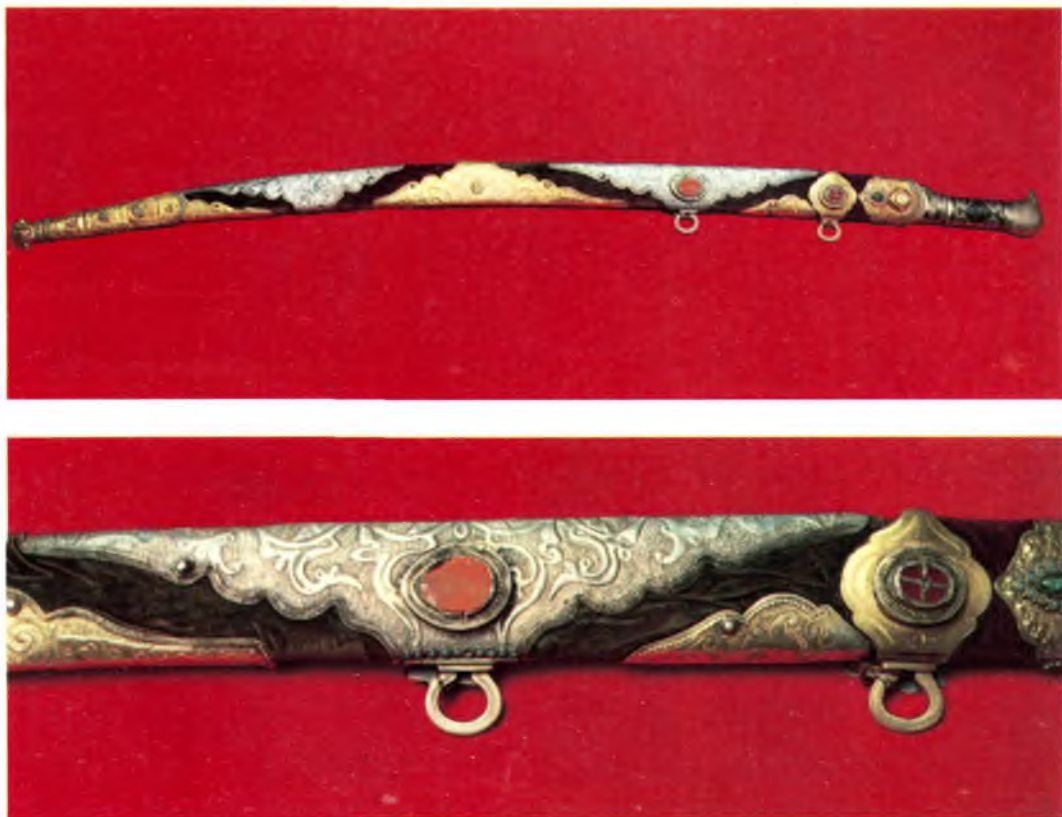
Другой вид накосных украшений состоит из трех звеньев серебряных или золотых пластин или рядов медальонов, инкрустированных самоцветами. Перстни были литые и чеканные. Их кольца и венчики спаивались. Венчики бывают овальные, круглые, квадратные, многогранные, грушевидные и т. д. Перстни Западного Казахстана массивны, украшены филигранью, вставками самоцветов и зернью.

Сердцевидную, многогранную, миндалевидную и овальную форму имели пряжки и застежки. Они инкрустировались самоцветами, некоторые из них делались ажурными или рельефными. Материалы казахского ювелирного искусства, хранящиеся в музеях Ленинграда, Москвы и Алма-Аты, характеризуются богатством традиционных форм, большим разнообразием орнаментальных мотивов.

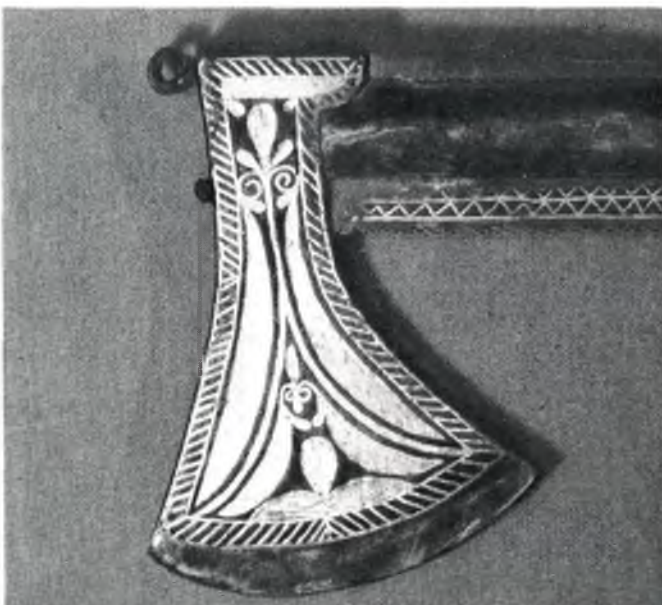
Вешалки.
Металл, литье.
МАЭ

Сабля. XVIII в.
ГИМ

Топор и
книжал. МАЭ

Боевой топор.
Семипалатинский
ОИКМ

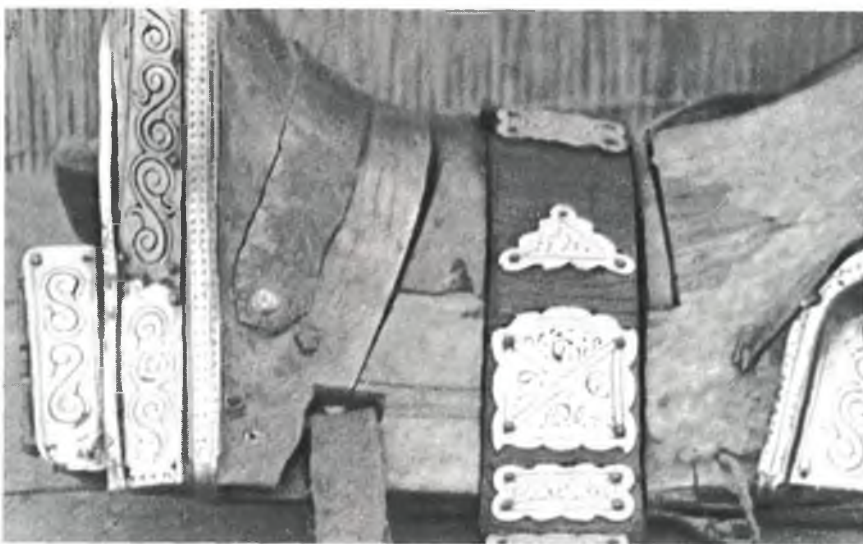
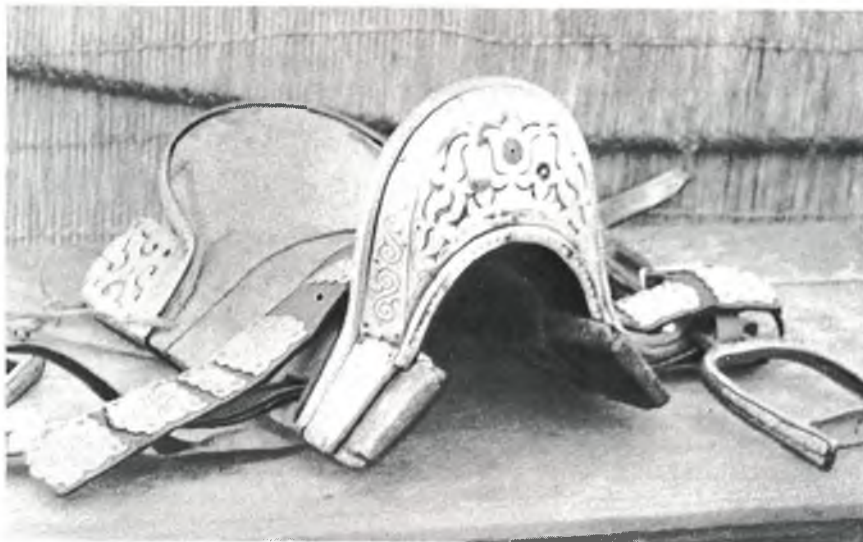

Плотничий
топор. Сталь,
серебро,
насечка. МАЭ

Айбалта —
секира. МАЭ

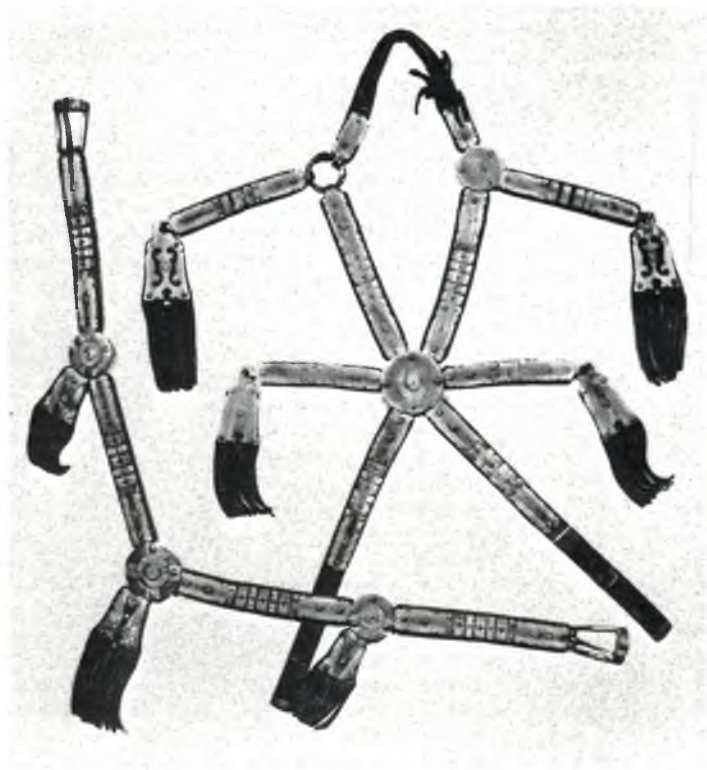

Седло.
Серебряные
накладки
в виде бан-
тов и парящих
птиц.
Центральный
Казахстан.

Уйрекбас —
седло с перед-
ней лукой
в виде утиной
головы.
Северо-
Казахстанский
ОИКМ

Нагрудное украшение сбруи

Псалии узды. Целиноградский ОИКМ

Седло с передней лукой в виде утиной головы. ГМИК им. А. Кастеева

Браслеты.
Серебро,
чернь. ГИМ

Бойтумар —
нагрудное
украшение.
Серебро,
ковка, штамп,
скань.
Кзыл-
Ординская
область.
Музей
археологии
Академии наук
Казахской ССР

Браслеты.
Серебро, зернь,
инкрустация.
ЦГМК

Браслет.
МАЭ

Перстни.
Серебро,
литье, ков-
ка, зернь.
ЦГМК

Шолпылар—
подвески
к косам. ЦГМК

Перстни,
серьги,
нагрудные
украшения.
Западный
Казахстан. ГМЭ

Накосные
украшения.
Серебро, само-
цветы, скань,
инкрустация.
Музей
археологии
Академии наук
Казахской ССР

Пуговицы.
Серебро,
янтарь,
агат, корал-
лы, халцедон,
штамп,
ковка, зернь.
Восточный
и Южный Ка-
захстан.
Музей археологии
Академии наук
Казахской ССР

Пуговицы.
Серебро,
штамп. МАЭ

Пуговицы.
Серебро,
зернь. ЦГМК

глава 10

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ И КОСТИ

Распространенными видами казахского народного искусства являются резьба по дереву, камню и кости.

К древнейшим памятникам резьбы по камню относятся наскальные рисунки. Они сохранились на скалах в горах Центрального Казахстана, Алтая, Тарбагатая, Алатау, на северных склонах гор Аягуза, Балхаша, Хантау, Каратау и т. д. Наскальные рисунки образуют целые картинные галереи под открытым небом.

Древние скотоводы изображали на скалах животных: куланов, лошадей, антилоп, горных козлов, архаров, маралов, быков — и мифологические сюжеты, сцены жертвоприношений, поклонения небесным светилам и другие. В горах Чингистау у пещеры Конур-Аулие в Семипалатинской области, есть наскальный рисунок с изображением сцены поклонения древней статуе предков (570). Нередко на наскальных рисунках изображены охотничьи и бытовые сцены. Древние художники создавали реалистические образы людей и животных.

Животные изображались не только статично. В состоянии покоя мы видим фигуры козлов, оленей, антилоп (горы Бегазы). Величественны и стройны на наскальных рисунках двугорбые верблюды. Хищники — тигры, барсы, волки — показаны в движении, а для сцен их борьбы, нападений, охоты характерна экспрессия. Поразительна точность пропорций, четкость, уверенность и изящество контурных линий.

Более поздние наскальные изображения представляют примеры усложнившихся композиционных решений. Здесь уже можно увидеть воинов на конях, охотников, стреляющих из лука, длинные ряды повозок (Улутау, Бетпак-Дала, Каратау). В пещере Шеркала на Мангышлаке, в долине Жилыоай, на левом берегу реки Токраун (горы Хантау, Центральный Казахстан) есть изображения больших караванов верблюдов. В основном, все наскальные рисунки отражают быт древних племен. Есть и более поздние изображения, выполненные, несомненно, казахскими мастерами.

В ряде местностей Казахстана, на скалах Каркаралинских и Чингистауских гор, в горах Аягуза, Улутау, Мугоджара, Мангышлака, в резьбе по камню

встречаются не только изображения человека и животных, но и орнаментальные мотивы. На скале в горах Мугоджар обнаружено изображение крестовины с закругленными лопастями. Причудливый орнамент, встречаемый на войлочных коврах, нанесен около большой группы изображений архаров в Восточно-Каркаралинских горах на скалах хребта Бакты-тау, недалеко от центральной усадьбы Бактинского совхоза. Другой, более сложный орнамент изображен на скале в горах Баян-журек, около Аягуза.

Наскальные рисунки наносились контурными линиями (гравировка) и точечной выбивкой. Такая техника характерна для Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири.

Рельефная резьба по камню распространена в Западном и Центральном Казахстане, применялась она преимущественно в архитектурном декоре и надгробных памятниках малых форм — *койтасах*, *кулыптасах* из песчаника и ракушечника. Кулыптасы достигали порой высоты трех метров. В их резьбе использованы растительные и геометрические узоры, встречаются также изображения оружия, ремесленных инструментов, мужских поясов, женских украшений и т. д.

Уникальными образцами искусства резьбы по камню являются «бараньи камни» — *койтасы*, представляющие собой объемную скульптуру животного, в изображении которого сохраняются пережитки древних тотемических представлений. Образ барана передается и в реалистической, и в стилизованной форме. Эти памятники встречаются главным образом на Мангышлаке. Они создавались вплоть до начала XX века.

Резьба по дереву была широко распространена в областях Центрального Казахстана, Алатау, северо-западных и северо-восточных районах, где имелись большие лесные массивы.

В северных областях использовали лиственные породы, особенно красную березу с красивой текстурой, черную и красную ольху, клен, орех, ясень, дуб. Дерево этих пород легко режется и окрашивается, хорошо поддается обработке.

В Семиречье лари, сундуки, подставки, шкатулки и многие другие вещи дела-

лись из яблони, ореха, облепихи. Музыкальные инструменты, например, кобыз, делали из ивы. Есть поговорка: «Мой славный кобыз из корней ивы». Ножки для столов, некоторые детали каркаса юрты вырезали из сосны, осины и тополя.

На Сырдарье также имелся материал для резьбы по дереву — чинара, орех, груша, акация, джида и другие. Использовались корни и наросты на стволах березы и ореха. Их корни, особенно березы, дают при обработке красивую текстуру.

Казахи издавна занимались плотничьим делом. Об этом есть информация в записках средневековых авторов. Плотники подразделялись на уйши и арбаши. *Уйши* (от слова *уй* — дом) строили летние и зимние жилища — дома и юрты, украшали затейливой резьбой купольные жерди, круг свода, двери юрты. В одной из записок XIX века говорится, что «в постройке домов нужно отдать справедливость казахам Баянаульского округа и Басентинской волости долины Иртыша, которые даже в настоящее время строят дома в городе Павлодаре для русских» (547, с. 13—14).

Плотников, делавших двухколесные арбы и повозки, называли *арбаши*. Повозки и арбы производились преимущественно в северных и северо-восточных районах Казахстана. Этому способствовало наличие лесного материала в этом регионе. «Большая часть деревьев этой страны — березы, вследствие твердости которых из их древесины делают очень искусно хорошие арбы и справляют колеса, крайне прочные и крепкие», — писал в XVI веке Рубихан (98, с. 93).

Согласно народному преданию, самые прославленные мастера — резчики по дереву происходили из племен кереев, аргынов, киччаков, алимов, жагалбайлы и конгратов. В народе сохранилась древняя поговорка: «Коль родился сын у кереев, и дерево увидит свет».

Петербургская «Иллюстрированная газета» в 1871 году отмечала, что «между кайсаками есть мастера, делающие резные деревянные изделия, которые они сбывают в соседние русские селения» (587). Это говорит о том, что резные изделия изготавливались не только для собственных нужд, но и на продажу.

В основном, плотники и резчики по дереву Тургайской, Кокчетавской, Акмолинской (ныне Целиноградской), Павлодарской областей до середины XIX века продавали свои изделия жителям Южного Казахстана — на Сырдарье, в Кызылкумах и в Приаралье. С севера на юг — в Казалинск, Сауран, Туркестан ходили большие караваны, нагруженные юртами, арбами, посудой и хозяйственной утварью, в которых нуждались сырдарьинские *игинчи* — земледельцы.

Мастерство умельцев Северного Казахстана и значение реки Сарысу как места торгового обмена воспеты в айтысе акынов Култумы и Тогжана на годовых поминках Сайдалы у озера Кургальджино.

О существовании древней традиции резьбы по дереву на Сырдарье свидетельствуют колонны и двери в культовых зданиях Туркестана, Сузака, Саурана.

Автор XVIII века И. Г. Андреев писал, что многие из киргиз-кайсаков (казахов — А. М.) занимаются токарным делом (377, с. 343). Инструменты, которыми пользовались казахские плотники, токари и резчики, подробно описаны Э. Масановым (434).

Многие инструменты средневековых казахских резчиков — создателей великолепных изделий из дерева, описанные Шараф ад-дином Али Йезди и Фазлаллахом Рубиханом, до нас не дошли. Тем не менее большое количество резных и столярных инструментов, сохранившихся до наших дней, свидетельствует о широком распространении у казахов художественной обработки дерева.

Казахские умельцы владели контурной, трехгранновыемчатой и плоскорельефной резьбой. Противопоставление фона и рельефного узора характерно не только для плоскорельефной резьбы, но и для ажурной. В резных изделиях орнаментальные узоры подчеркивались игрой светотени.

Характерной чертой композиций является сохранение равенства площадей фона и узоров. Как и в орнаментальных композициях ковровых изделий, народные мастера в резьбе по дереву четко выделяют центральное поле, заполненное розетками, медальонами или другими фигурами, и бордюр. Узо-

Шкаф и
этажерка для
посуды.
Дерево,
кость, резьба.
Мемориальный
музей Абая
Кунанбаева.
г. Семипалатинск

ры на бордюре, как правило, состоят из тех же элементов, что и розетки центрального поля.

Композиция декора в резьбе строится через выделение центра и повтор тех же элементов по краям изделия (центрическая или осевая композиция), ритмичное чередование элементов узора в виде фриза (строчная композиция), сплошное покрытие поверхности по сеткам квадратов, ромбов или четырехлепестковых цветков (сетчатая композиция), раппортное размещение элементов узора. В сетчатых композициях внутри плоскостей орнаментальных фигур вписываются крестообразные фигуры с элементами узора бараний рог. Основными мотивами резьбы по дереву были классический геометрический орнамент, растительные узоры: переплетение ветвей, бутонов, цветов, трилистников и т. д. Неизменные мотивы, которые народные мастера включали в резьбу,—это сердцевидные и S-образные фигуры.

В резьбе господствуют круги—сим-

волы луны, солнца, небесного свода, которым некогда поклонялись. Из них составляются различной конфигурации розетки с расходящимися от центра лучами. В резьбу включались и зооморфные мотивы. Орнаментальные узоры резьбы всегда гармонично связаны с формой изделия. Ими украшались мебель и утварь, шкафы, сундуки, лари, подставки к ним и т. д.

Резьба по дереву дополнялась росписью. Фон резьбы раскрашивался главным образом в темно-коричневые, а узоры—в красные, зеленые и другие более яркие и светлые тона.

С резьбой по дереву сочетается инкрустация фигурными пластинами из кости.

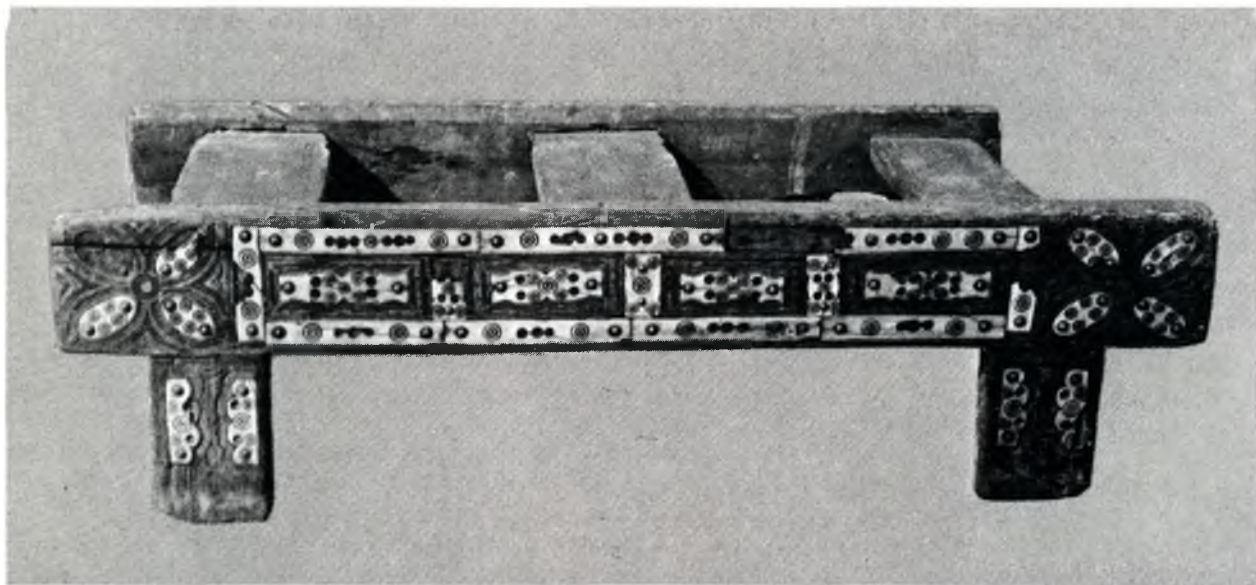
Из кости вырезали пластинки в виде кружков, треугольников, четырехугольников и т. п. Из них на декоративной стороне кроватей, шкафов, сундуков, створок дверей юрты составлялись различные геометрические фигуры, круглыми пластинами окаймлялись края

изделий. Хорошо известны пластины из кости, вырезанные в виде парных рогов барана.

Лучшим материалом для таких пластин служили челюсти, ребра, некоторые трубчатые кости лошадей, коров и верблюдов. Материал накапливался в течение зимы, отбирались кости упитанного скота, как более эластичные и лучше поддающиеся резьбе. Их обезжировали, отбеливали, и они становились по цвету похожими на слоновую кость. Затем их разрезали на фигурные

разцы хранятся в ГМЭ, МАЭ, музеях Казахстана.

Большой коллекцией дверей от парадных юрт располагает ГМЭ. На верхней части одной из них вырезаны астральные круги и вихревые розетки с замкнутыми внутри спиральными линиями. В резьбе другой двери господствуют S-образные фигуры, из комбинаций которых составлена вся орнаментальная композиция, обогащенная тамгами. Более сложна резьба двери, изготовленной на Иртыше, в Маралдинской

Подставка.
Дерево,
кость, резьба,
инкрустация.
Центральный
Казахстан

пластинки и кипятили до тех пор, пока они не размягчались, после чего их выпрямляли с помощью тисков — *искенже*.

Широко применялись и рога архара, сайгака, быка. Из них делали табакерки, чаши, черпаки, а также фигурные пластины для инкрустации мебели, посуды и музыкальных инструментов. Эти пластины покрывались рельефным узором.

Как уже отмечалось, резными были купольные жерди парадных юрт, створки их дверей, косяки и т. д., мебель: шкафы, лари, кровати,— посуда и другая домашняя утварь. Отдельные краткие упоминания об этих предметах встречаются в дореволюционной литературе (120, с. 156, 159, 359). Эти вещи экспонировались на выставках дореволюционного и советского времени. Наиболее старинные и уникальные об-

волости. Композиция ее совпадает с ковровой. Центральное поле створок разбито по сеткам на ромбы и восьмигранные розетки, в которые вписаны переплетенные круги—солярные знаки, а по углам расположены узоры рог барана. На рамах створок—ряды фигур (рис. 8). На косяке вырезаны пять розеток и медальонов, сердцевидные завитки и тамги. На филенках этой двери—бальсины. На створках резной двери—также хранящейся в ГМЭ,—фигурные бальсины и узоры, которыми заполнена вся поверхность. В центре композиции квадраты, в которые вписаны восьмиугольники с лучами, окруженные сердцевидными фигурами. На верхнем косяке изображение восьмиугольника, на боковых наличниках древнейшие фигуры (рис. 9).

Особую художественную ценность представляет дверь с инкрустацией ко-

рис. 8

рис. 9

стью. Она изготовлена в прошлом веке резчиками Акмолинского округа. Створки двери полностью покрыты резьбой в виде сетки квадратов, ромбов и треугольников, заполненных изображениями звезд, сердцевидных фигур и рогов барана. По краям идут две полосы мелких кружков. Косяки убраны теми же сердцевидными фигурами и рядами вариантов узора каблук — сынар окше.

По характеру резьбы, росписи и инкрустации пластинами из кости с дверями сходны шкафы, в которых хранили посуду. В резьбе старинного шкафа из коллекции МАЭ использованы мотивы солярного круга с лучами, ограниченные спиралевидными линиями и зигзагами. Выше и ниже солярного круга вырезаны головы баранов. На лбу расположенного в центре барана прорезан маленький «зайчик», окрашенный в красный цвет. На боковых рамах шкафа стилизованные фигуры барана, парящих птиц, антропоморфные изображения. Для композиции характерны равновесие фона и узоров, четкая симметрия по вертикали. Те же орнаментальные мотивы использованы в декоре подставки к шкафу. Резьба на этих предметах дополнена росписью белыми, зелеными, оранжевыми и красными красками.

В резьбе шкафа, хранящегося в ГМЭ, преобладают растительные узоры и узор рог барана. На боковых рамах те же мотивы. На стойке, внизу, рельефная фигура муравья.

Уникальный резной шкаф, инкрустированный костью, находится в Карагандинском музее. Он изготовлен одним из резчиков Каркаралинского района. В *кебеже* — ларях хранили продукты. Самые старинные из них зафиксированы в Туркестанском фотографическом альбоме. Лари с рельефной резьбой и полировкой, изготовленные в Акмолинской, Атбасарской и Кокчетавской степи, были показаны на выставке конгресса ориенталистов в Петербурге (XXII, л. 195—196, 301—305). Уникальные старинные лари находятся в МАЭ, ГМЭ и в музеях Казахстана: ЦГМК и Карагандинском ОИМК. Декоративная сторона ларя, хранящегося в ГМЭ, покрыта прямоугольными, треугольными и S-образными пластинами

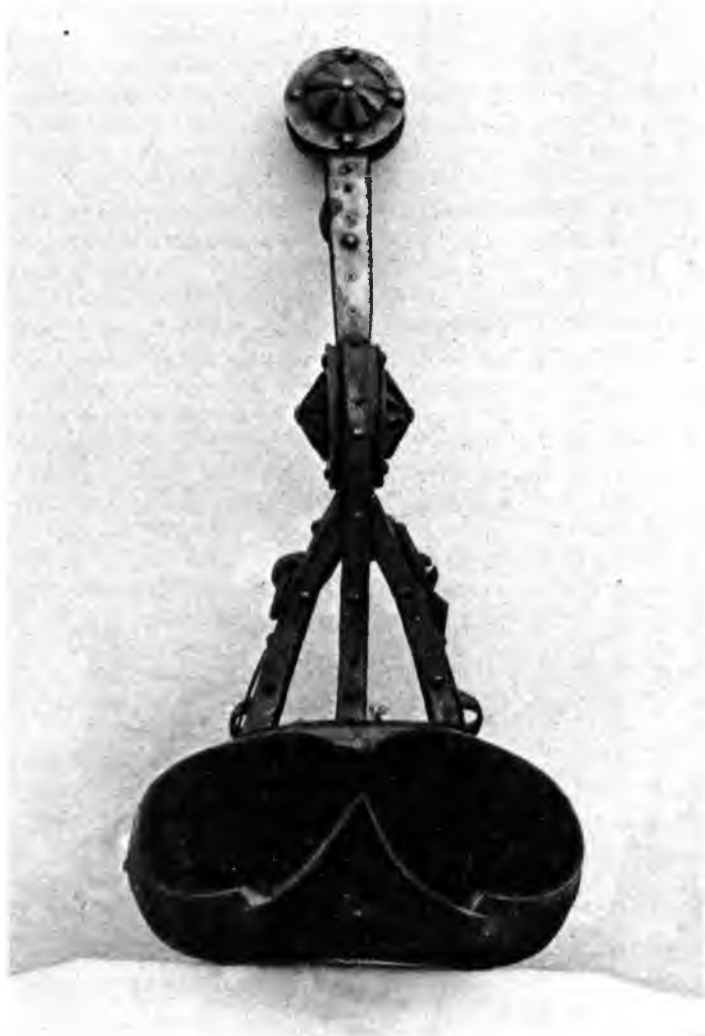
и кружками из кости. В резьбе среднего поля — три ромба, в которые вписаны солярные круги. Основной фон лицевой стороны этого ларя черно-белый. Резные фигуры окрашены в темно-зеленый, коричневый, зеленый, малиновый и желтый цвета.

Определенный интерес представляет ларь на четырех стойках прямоугольного сечения с многогранными навершиями стоек. Основу композиции составляют концентрические ромбы, границы которых отделены резным шнуровым орнаментом, их внутренняя плоскость окрашена желтой охрой. Ларь инкрустирован прямоугольными и круглыми резными пластинами из кости, а по краям окрашен в белые и синие тона.

Декоративен старинный ларь из Тургайской области. Резьба на ней также дополнена росписью. Тона не очень яркие, преобладают зеленые, желтые, голубые, коричневые. В центре три крупных и два малых концентрических круга-медальона, в которые вписаны изображения солнца и звезд, окруженные зигзагами, и вихревые розетки, обведенные S-образными фигурами. В резьбе на бордюре и стойках также ряды S-образных фигур в сочетании с мотивами узора гусиный след.

Рассмотрим лари, хранящиеся в ЦГМК. Один из них изготовлен резчиком из Западного Казахстана. Резьба на нем плоскорельефная, с четким выделением в композиции центра и бордюра, характерным и для описанных выше ларей. В среднем поле расположены две диагональные сетки, составленные из повторяющихся элементов. В каждой из них по четыре квадрата, в которые вписаны восьмиугольные фигуры, узоры луч и по углам — рога барана. В верхней части, внутри восьмиугольных фигур, — вихревые розетки. Некоторые из них отделены друг от друга двойным шнуровым орнаментом. Бордюр выделен мотивом S-образной фигуры и миниатюрными балясинами, фон окрашен в темно-коричневый цвет.

Сходен с описанным второй ларь — темно-коричневого цвета. На его лицевой стороне два параллельных орнаментальных ряда. На верхнем четыре квадрата, в которые вписаны многогранники с астральными знаками, по

Черпак.
Дерево,
резьба.
Омский ИКМ

углам — узоры рога барана. В нижнем ряду — три более крупных квадрата, внутри которых солярные круги, окруженные узором рога барана. На бордюре — S-образные фигуры.

Эти же фигуры, одиночные и соединенные попарно, и тамги использованы в резьбе третьего ларя из коллекции ЦГМК. Стойки его также украшены элементами S-образных фигур. Сходный тип ларя обнаружен Центрально-Казахстанской этнографической экспедицией в 1974 году в Южной Бетпак-Дале, к северу от долины реки Чу. На квадратной композиции изображены два сопоставленных полумесяца. Для его декора характерна яркая полихромность. В росписи традиционно сочетаются темные и светлые тона. Этими чертами декора отличаются лари, изготовленные резчиками Семипала-

тинской, Павлодарской, Целиноградской, Карагандинской, Чимкентской и Кызыл-Ординской областей.

Для шкафов, ларей, сундуков, кожаных и ковровых мешков, одеял делались деревянные подставки. Декоративная сторона подставки, опубликованной С. М. Дудиным, — из темного дерева, инкрустирована костью (359, рис. 2—6). Пластины из кости вырезаны в форме вилообразных тамг и сопоставлены друг с другом. В свободном пространстве внутри вилок ромбы коричневого цвета, в которые вписаны астральные знаки — вихревые розетки. Ромбы разделены перемычками. Между ними расположены ряды мелких кружков и узких полос из кости. Стойки подставки украшены теми же мотивами.

Несколько старинных подставок хранится в ГМЭ. В резьбе деревянной подставки с темно-красным фоном три квадрата, в которые вписаны солярные круги и две крестовидные фигуры, окруженные пальметтами. На подставке, окрашенной в коричневый и зеленый тона, плоскорельефная резьба. На ней две прямоугольные розетки, заполненные ромбическими фигурами и цветками. Стойки украшены рядами ромбов, окруженных стилизованными изображениями парящих птиц. Мастерски выполнена плоскорельефная резьба на подставке коричневого фона. В центре ее большой диск — символ солнца. Он окружен завитками рогов и цветками. В декоре стоек те же мотивы. В ряде других резных подставок орнамент состоит из сложных переплетений сердцевидных фигур, бутонов, спиралей, сосудов яйцевидной формы. Узоры мягко окрашены в малиновые, зеленые, желтые и темно-синие тона.

В Карагандинском музее хранится подставка, изготовленная в Каркаралинском районе. В ее резьбе использован древний мотив волчьих ушей.

Саба-аяк — так назывались подставки под сосуды с кумысом. Как и *жук-аяки* (подставки для сундуков и одеял), они инкрустировались костью и расписывались. В их орнаменте часто использовались медальоны и многофигурные розетки, заполненные рогообразными завитками, как, например, на подставке из фондов МАЭ.

Ярко декорировались кровати. Их

спинки и лицевая сторона целиком покрывались резными пластинами из кости, инкрустировались серебром и дополнялись росписью. Искусно выполненные кровати находятся в фондах ГМЭ. Одна из них украшена пластинами из кости в виде рогообразных завитков и серебряными S-образными фигурами. В орнаментальных мотивах этой кровати использованы также растительные узоры и зигзагообразные линии. Ножки убраны теми же мотивами. Декор кровати светлый, с преобладанием белых, желтых и оранжевых тонов.

Сходная кровать хранится в ЦГМК. Узоры в центральном поле и бордюре скомпонованы по ковровым мотивам. Композиция составлена в виде сеток из пяти розеток, из которых три инкрустированы серебряными подковообразными пластинами. Пластины из кости имеют форму парных и противопоставленных рогов, стилизованных фигур оленей. Борта и ножки убраны такими же пластинами.

На резной кровати для новобрачных из Ленинградского музея орнамент скомпонован по ковровому принципу. Четко выделены центр и бордюр. В центре розетки — восьмиугольники, выделенные шнуровой резьбой. В розетки вписаны круги — символы небесных светил, окруженные рогообразными завитками и цветками. В резьбе есть X-образные фигуры. Аналогичные мотивы на бордюре и ножках. Узоры окрашены в белые, зеленые, малиновые тона.

Кровать.
Дерево.
резьба

Резные кровати, инкрустированные пластинками из кости и металла, выдвигались в Семипалатинской, Павлодарской, Целиноградской, Карагандинской, Джезказганской областях. Наиболее интересные их образцы хранятся в Семипалатинском и Карагандинском музеях.

Старинная деревянная кровать с рельефной резьбой и инкрустацией костью зарисована в 1948 году сотрудником Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, московским архитектором П. Н. Рагулиным на реке Чу, в колхозе Кзыл-Ту Фурмановского района Жамбулской области. В центральном поле выделены три прямоугольные розетки, заполненные крестообразными фигурами. Розетки чередуются с S-образными фигурами. Борта и ножки окаймлены такими же S-образными фигурами.

В Западном Казахстане бытуют изголовья — *жастык-агаши*. Интересные их образцы хранятся в ГМЭ и ЦГМК. Они выполнены плоскорельефной резьбой, по технике напоминающей резьбу по камню, распространенную в этом регионе. Здесь в резьбе по дереву использовались однотипные орнаментальные мотивы. Это обычно квадрат, в который вписаны астральные знаки в виде восьмиконечной звезды или вихревые розетки, окруженные завитками рогов.

Асадал — этажерка с полками, где хранится посуда для кумыса. Они бывают округлой и прямоугольной формы, сплошь покрытые резными пластинками из кости. Из дерева также делали вешалки, украшенные резьбой и росписью.

Резными фигурными пластинами из кости инкрустировали музыкальные инструменты — кобызы, домбру, жетыген, сыбызгы; шкатулки типа *сандык*, *кобди*. В резьбе на шкатулках использовали мотивы треугольника и цветов. Замечательна рельефная резьба на навершии посоха.

В материалах выставки Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге перечислены работы резчиков XVIII—XIX веков — деревянные чаши и миски, виртуозно выполненные черпаки, украшенные серебряными пластинами (XXII, л. 309), навершие *писпека* — приспособления для взбалтывания

Дверь юрты.
Чимкентская
область. Шауль-
дерский район

Кебеже — ларь.
Фрагмент.
Чимкентская
область.
Шаульдерский
район

рис. 9

кумыса, инкрустированное резной костью, ковш с ручкой в виде гусиной головки, роговые ковши для кумыса, представленные атбасарцем М. Джанайдаровым (XXII, л. 64—67, 290—292), казахами Акмолинской степи (XXII, л. 55, 193), североказахстанцами Байдалы Отунчиным и Такабаевым (XXII, л. 186, 197—199). Участником этой выставки был художник Макаджан Валиханов — брат Чокана Валиханова.

На выставке в Акмолинске в 1877 году из деревянной посуды выделялся черпак, обточенный настолько тонко, что

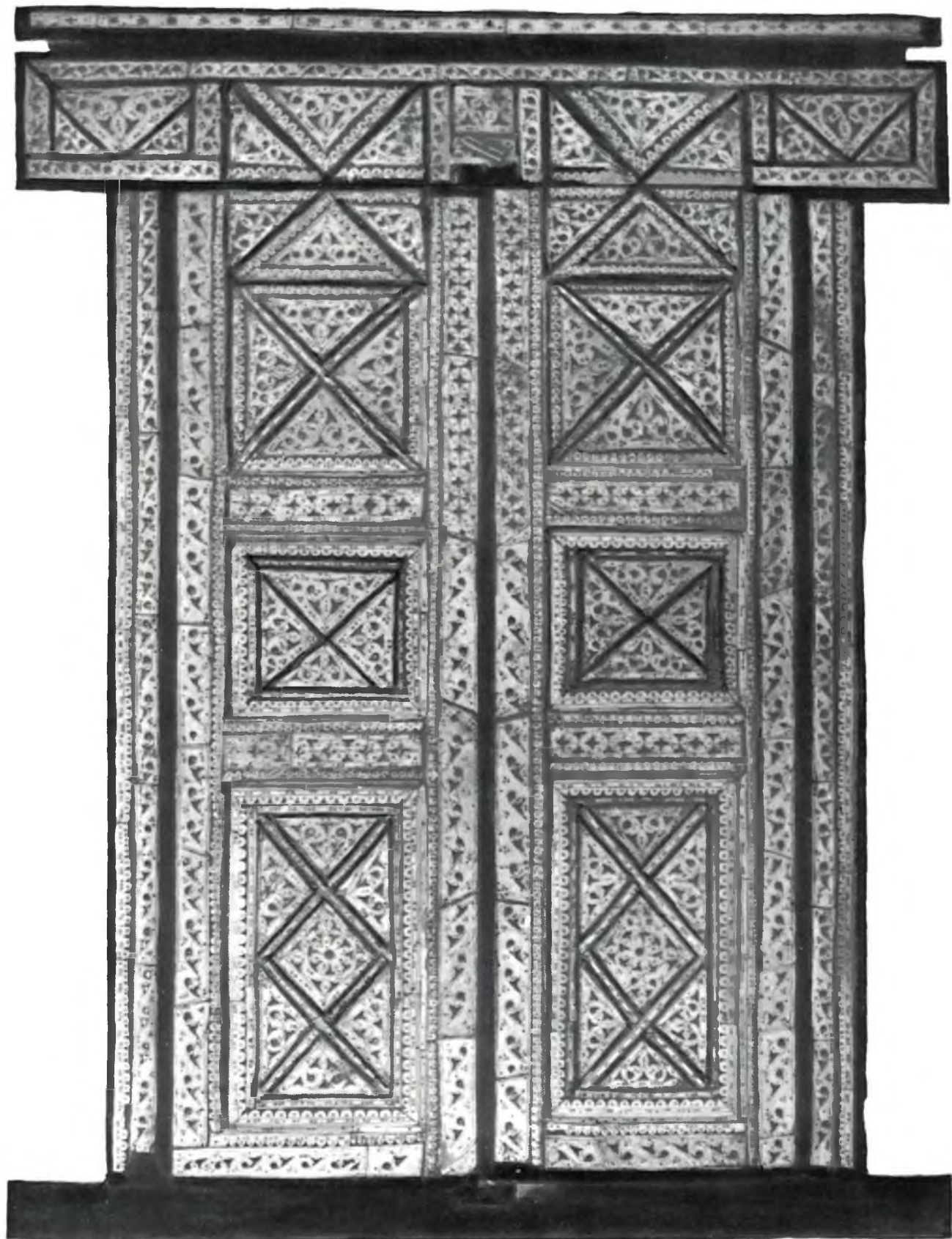
дерево просвечивало, как форфор. Посуда выгачивалась на токарных станках из плотных с красивой текстурой корней красной березы. В основном посуда была без декоративных украшений. Декорировалась только посуда для кумыса. В кумысные наборы, кроме чашек, мисок и черпаков, входили приспособления для взбалтывания кумыса — *писпек* с красивым навершием — *кумис бас*, и все эти предметы покрывались накладными пластинами из серебра или кости. Их делали в Северном и Центральном Казахстане — Целиноградской, Семипалатинской, Тургайской областях. Старинные образцы наверший хранятся в ГМЭ, ЦГМК.

Из дерева делали также футляры для пиал, колотушки с орнаментальной резьбой и росписью и фляги.

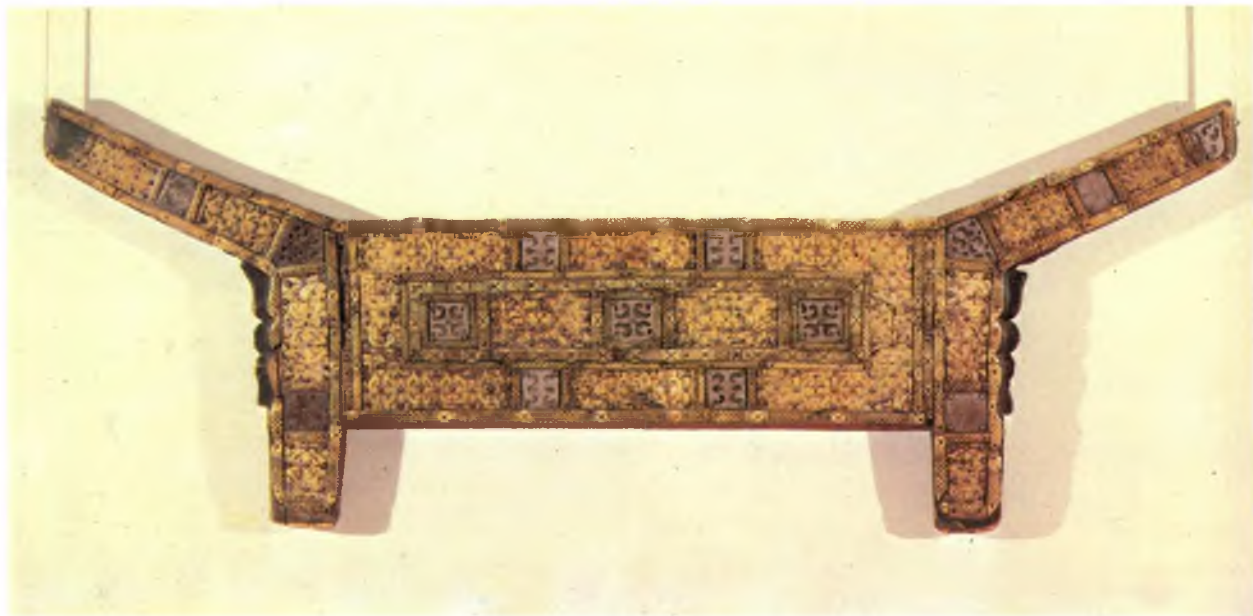
В Омском музее хранится экземпляр фляги — *торсук*, по форме напоминающий кувшин. В орнаментальных мотивах инкрустации — фигуры (рис. 9) и пластины в виде подковок, встречающиеся на древних памятниках Алтая и Казахстана.

Дверь юрты.
Дерево,
кость, резьба,
инкрустация.
ГМЭ

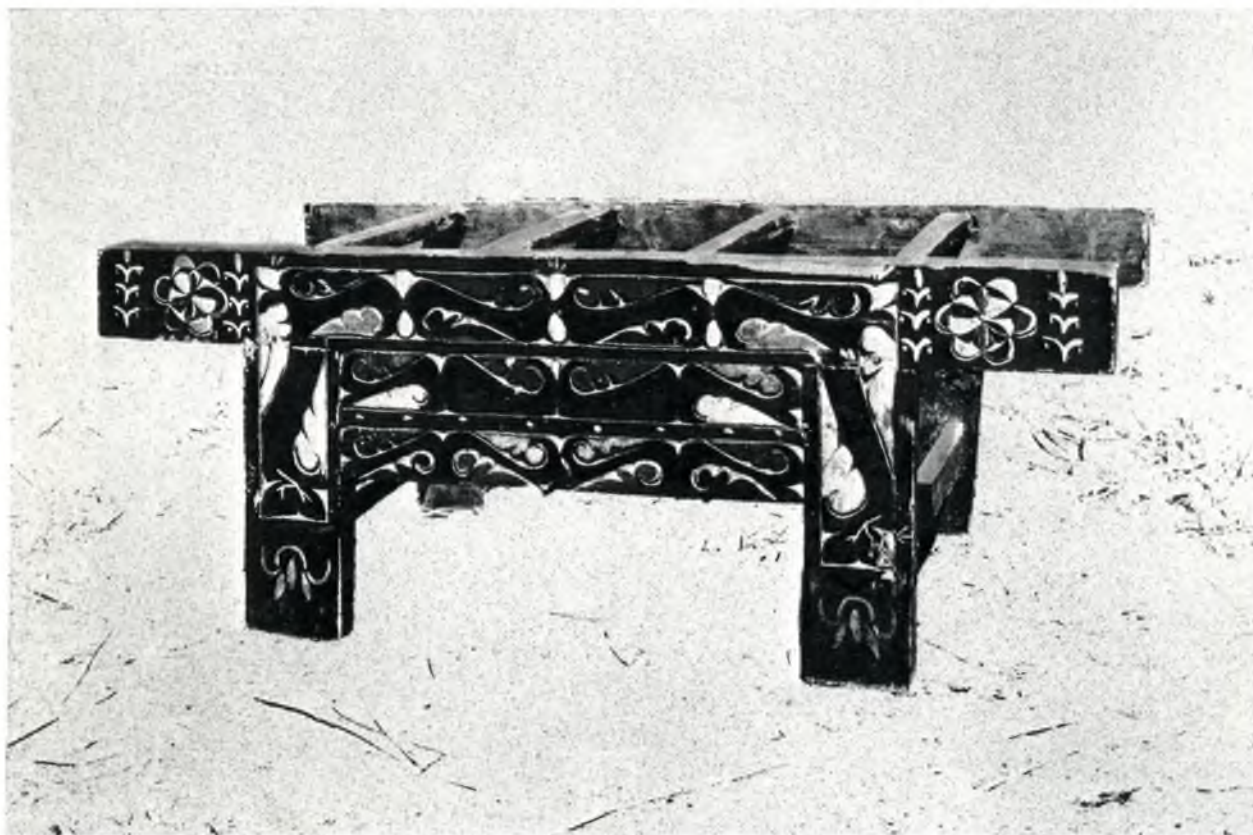

Кровать.
Дерево, кость,
металл,
резьба,
инкрустация.
ГМИК
им. А. Кастеева

Подставка.
Дерево, резь-
ба, роспись.
Центральный
Казахстан

Ларь. Дерево,
резьба, роспись.
ЦГМК

Ларь. Дере-
во, резьба,
роспись.
МАЭ

Сундук. Дерево, резьба.
Центральный Казахстан

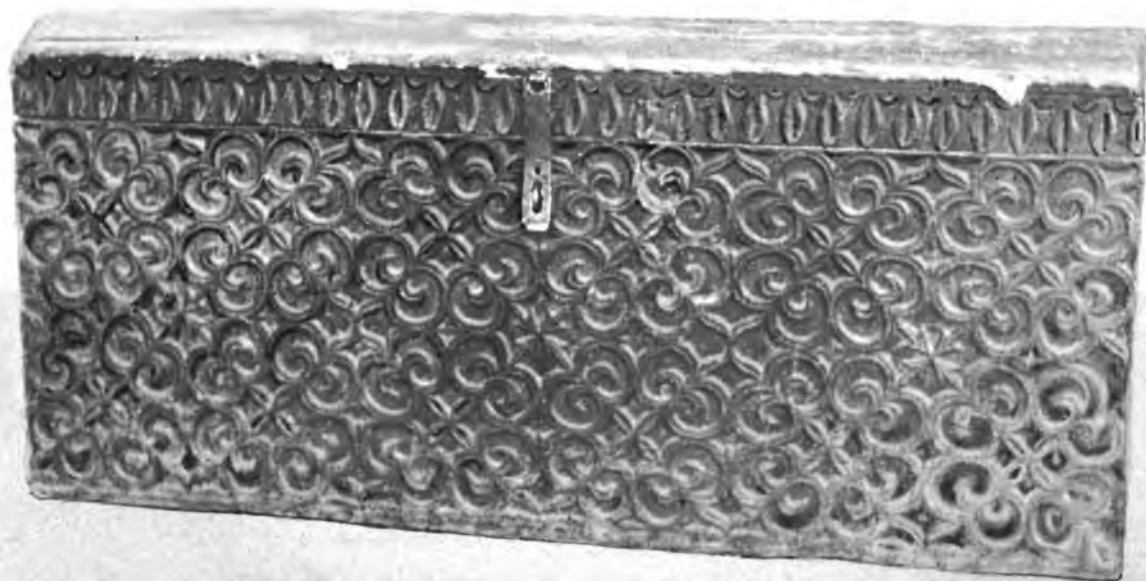
Ларь. Дерево, резьба.
Чимкентская область.
Сузакский район

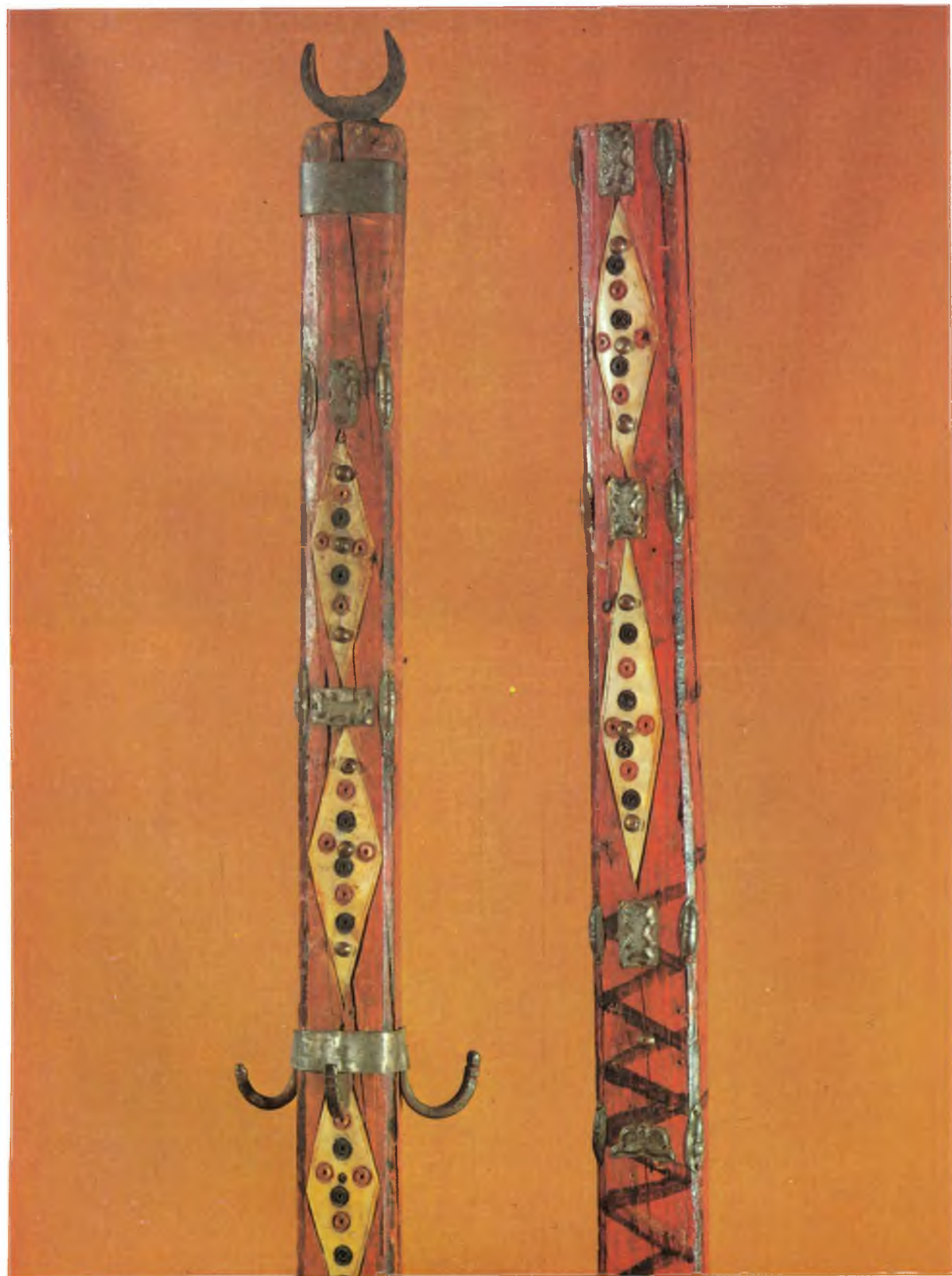

Саба аяк.
Дерево, кость,
резьба,
инкрустация.
ГМЭ

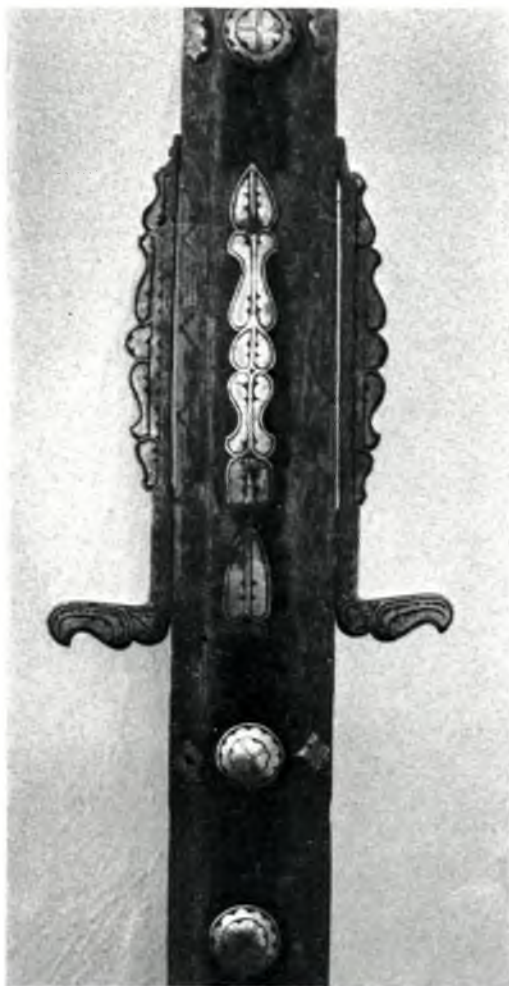
Сундук.
Дерево, резьба.
Центральный
Казахстан

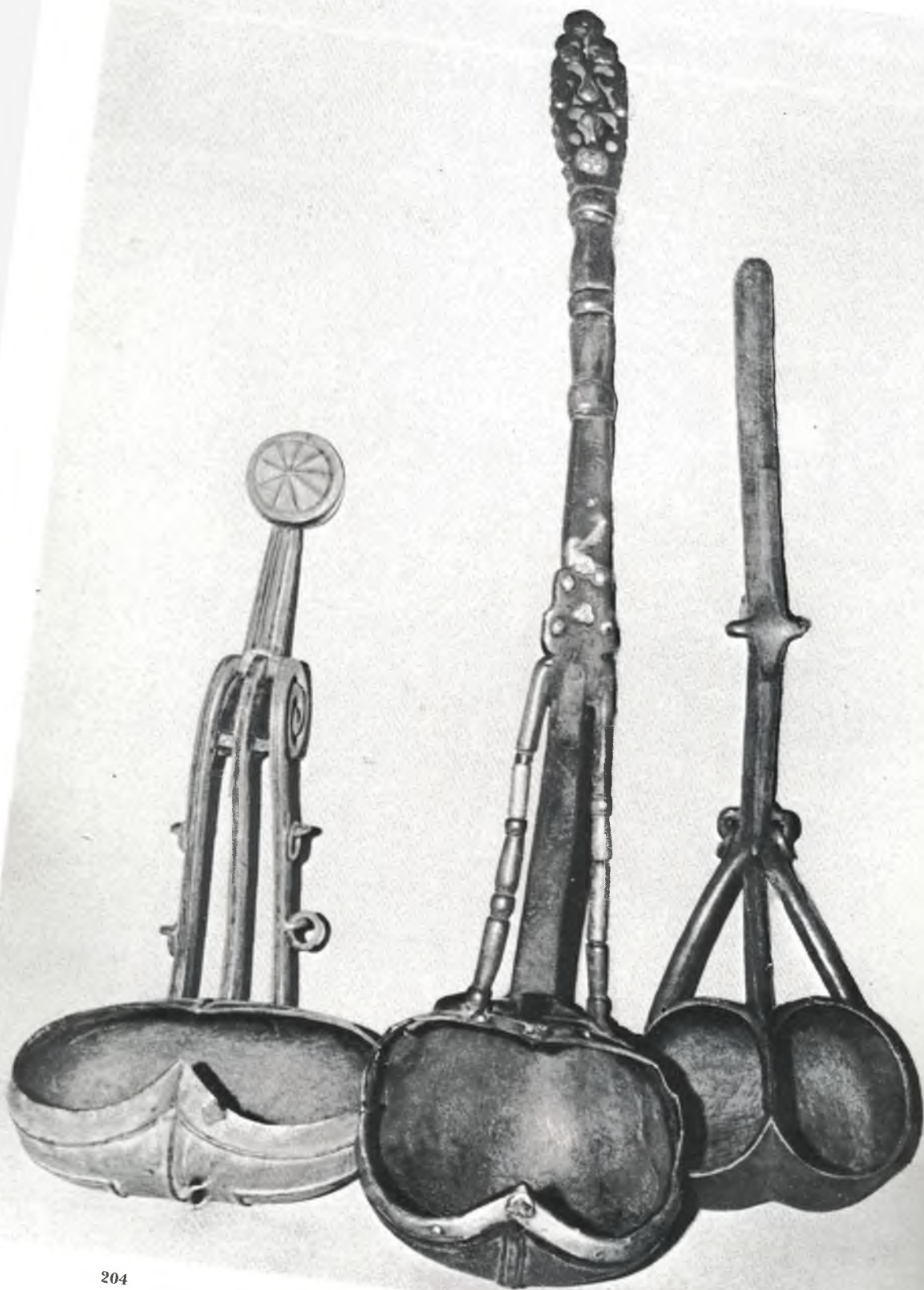

Вешалка и ее
фрагмент.
Дерево,
серебро,
резьба,
инкрустация.
Карагандин-
ский ОИКМ

Вешалка.
Альбом
А. Ворониной-
Уткиной. МАЭ

Тегене —
миска для
кумыса.
Дерево,
резьба,
узорные
металлические
шляпки.
Конец XIX в.
Семиречье. МАЭ

Черпаки.
Дерево,
резьба.
Северо-
Казахстан-
ский ОИКМ

глава 11

ТИСНЕНИЕ
ПО КОЖЕ

Обработка кожи — один из традиционных видов казахского ремесла. Из кожи делали колчаны, мужские пояса, обувь, сосуды типа подойника — *копек*, узкогорлые фляги с круглым туловом — *каз мойын*, фляги в виде опрокинутой волюты — *каухар*, подседельники — *тебинги*, потники — *токумы*. Шорники изготовляли седла, конскую сбрую. Седло, обтянутое верблюжьей кожей, называлось *аут*. Много таких изделий, украшенных тиснением, хранится в музеях Ленинграда и Алма-Аты. Многие из них экспонировались на выставке Третьего конгресса ориенталистов.

К великолепным художественным памятникам относятся колчан — *курамсақ*, украшенный накладными металлическими пластинами с узорами и вставками самоцветов, из коллекции ГМЭ. Старинный кожаный колчан хранится в МАЭ. На нем укреплен круглая накладная бронзовая пластинка. В центре круга — гнездо с камнем, от которого радиально расходятся четыре миндалевидные фигуры.

Из кожи делали и настенные ковры, по композиции и орнаментальным мотивам сходные с войлочными и ворсовыми. Центральное поле состоит, как правило, из четырех розеток в виде крестовидных фигур с узором бараньи рога по углам. Внутренняя плоскость розеток заполнена металлическими пластинами в виде солярных кругов. Бордюр выделен шнуровой линией, изображениями тамги, элементами орнаментальных мотивов центрального поля. Иногда центральное поле кожаных ковров заполнено тисненными силуэтными изображениями человека и растительными мотивами, а бордюры — стилизованными фигурами из парных узоров рога барана.

Характерной чертой кожаных ковров является рельефность тиснения, выполненного особой штамповкой с обратной стороны на специальных выпуклых матрицах, оставляющих глубокие следы на лицевой поверхности увлажненной кожи. Фрагменты кожаных ковров с рельефным тиснением в виде сердцевидных фигур и растительного орнамента хранятся в МАЭ и в Омском краеведческом музее.

Очень сложное тиснение выполнено на старинном ковре из кожи, хранящемся в ЦГМК. Основной мотив декора —

S-образный знак. В центральном поле ковра — лирообразные фигуры, составленные из двух противопоставленных S-образных знаков. Бордюр ковра образуют две полосы, одна из которых образована изображениями этого знака, вторая — рельефными змеевидными линиями.

Рельефное тиснение наносилось на кожу, которой обтягивалась декоративная поверхность сундуков — *жагланов*. Рассмотрим тиснение на сундуках, один из которых хранится в ЦГМК, другой — в ГМЭ. Композиция тиснения на алма-атинском сундуке состоит из трех рядов ромбов, по углам которых — стилизованное изображение рогов оленя и барана. Внутренняя плоскость ромбов заполнена фигурными кружками из металла, символизирующими солнце. По краям круглые, полукруглые и прямоугольные металлические пластины, обогащающие общий фон рисунка тиснения.

Узоры на сундуке Ленинградского музея более древние. В центре на нем стилизованное изображение черепахи, а вокруг фигуры в виде больших запятых, обрамленные белым шнуровым орнаментом и окрашенные в зеленый цвет. Много растительных мотивов. Тиснение нанесено в три приема с обратной стороны увлажненной кожи специальным крупным штампом.

Уникальным является старинный подседельник — *тебинги*, хранящийся в ЦГМК. На нем стилизованные изображения двадцати восьми слонов и парящих орлов.

На старинных экземплярах этого вида изделия тиснение дополнялось накладными серебряными пластинками в виде солярных знаков. Это характерно почти для всех регионов Казахстана, но особенно для Центрального и Северного. В музеях Ленинграда и Омска хранятся старинные экземпляры тебинги, в тиснении которых встречаются изображения копья и рогов оленя. Тиснение в них также обогащено накладными фигурными металлическими пластинками с насечкой серебром. Тебинги, украшенные золотыми и серебряными пластинками со вставками драгоценных и полудрагоценных камней, экспонировались на выставке Третьего конгресса ориенталистов в Петербурге (XXII, л. 304—305).

Пороховница.
Кожа, тиснение.
Омский ИКМ

Подойник.
Кожа, тиснение. ЦГМК

Фляга и подойник.
Кожа, тиснение.
ЦГМК

Фляги для хранения кумыса.
Кожа, тиснение.
ЦГМК

В Семиреченском крае узоры тиснения на тебинги были аналогичны ковровым. Это — квадрат, в который вписаны крестовидные фигуры с узором рога барана по углам. Окаймлен квадрат растительным орнаментом и завитками рогов.

Совершенно сходный характер узоров в тиснении имеют потники — *токумы*. Они также аналогичны ковровым. Иногда по углам потники украшались металлическими фигурными пластинами с насечкой серебром.

Известны потники с вышивкой, они назывались *кестели токум*.

Рельефным тиснением украшались и кожаные сосуды, уникальные экземпляры которых ныне хранятся в МАЭ, ГМЭ, ЦГМК. Такие сосуды из тисненой кожи были включены в опись выставки Третьего конгресса ориенталистов (XXII).

Одним из интересных музейных экспонатов является плоский кувшин — *каукар* с невысокой изящной шейкой, сплошь тисненный, который использовался для хранения кумыса. Узоры тиснения на нем — крупная сердцевидная фигура и трилистники.

К другой группе кожаных фляг относятся *торсуки*, которыми пользовались в пути. Они с круглым туловом, высокой массивной шейкой и петлями. Несколько таких фляг с крупным тиснением геометрических и других мотивов хранятся в ЦГМК и в ГМЭ.

На одной из них — округлой формы и с узкой рифленой шейкой в тиснении преобладают растительные мотивы, главным образом — трилистники. В средней части тулова шнуровой орнамент. Края окаймлены полукруглыми фигурами.

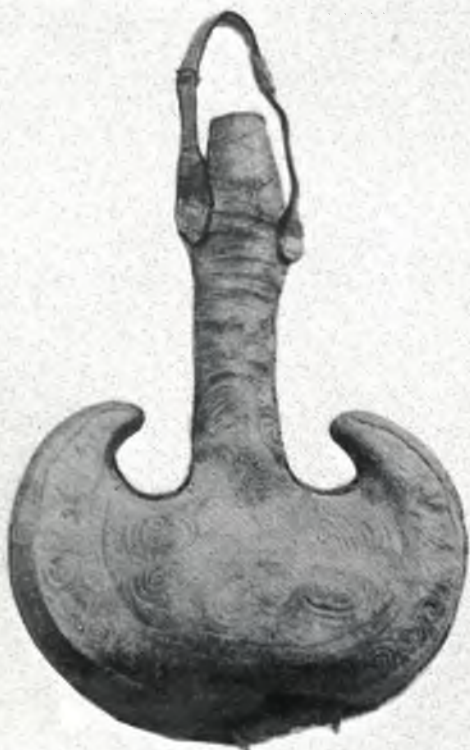
Очевидно, одним мастером выполнены три фляги, в тиснении которых также использованы трилистники, полукруглые фигуры, шнуровой орнамент. Кроме этих мотивов, в центре одной из фляг концентрический медальон с радиальными лучами — символ солнца, в центре другой — солярный знак и цветы.

На выставке Третьего конгресса ориенталистов экспонировались фляги, покрытые серебряными фигурными пластинами.

В тиснении фляг использовались также геометрические, зооморфные мотивы, в частности узор рога оленя, тамги. Фляги, в тиснении которых использованы тамги и узор рога оленя, хранятся в музеях Ленинграда, Омска, Ташкента, Алма-Аты и областных центров Казахстана.

Конек — подойник — один из древнейших сосудов. Форма его архаична. Это цилиндрическая низкая бадейка, удобная для доения кобылиц. Делали подойники из верблюжьей кожи, на которой тиснение получается рельефным и четким. Обычно узоры на них были крупные — геометрические, зооморфные, растительные, трилистники, завитки рогов и т. д. Красиво тиснение на подойнике из ЦГМК. Это четыре сердцевидные фигуры, соединенные вершинами и окаймленные заштрихованными треугольниками, сходными с подобным орнаментом на сосудах эпохи бронзы.

Разновидностью подойника являются сосуды, которые используются не для доения, а для хранения кобыльего молока. Они больше размерами и имеют высокие узкие шейки. В тиснении таких сосудов используются завитки и узор рога барана.

ТИЩЕИИ ПО КОЖЕ

Фляги для хранения кумыса. Кожа, тиснение. ЦГМК

Фляга для хранения кумыса. Кожа, тиснение. Омский ИКМ

Торсык — фляга для хранения кумыса. Кожа, тиснение. МАЭ

Мерка для
муки. Кожа,
тиснение.
Кзыл-Ор-
динская
область

Жаглан —
сундук.
Кожа, тисне-
ние. Джамбул-
ская область.
ГМЭ

Тебинги.
Кожа, тис-
нение, метал-
лические
накладки.
ЦГМК

Тебинги.
Кожа, тис-
нение. Художе-
ственный фонд
Казахской ССР

Тебинги — боковые части седла. Кожа, тиснение, медь, накладки. Семипалатинская область. МАЭ

Тебинги. Кожа, тиснение, металлические накладки. ГМИК им. А. Кастеева

Тебинги.
Кожа, тиснение.
Начало XX в.
Северный
Казахстан. МАЭ

Ковер. Кожа,
тиснение,
серебряные
накладки. Фраг-
мент. ЦГМК

глава 12

НАРОДНЫЕ МАСТЕРА

Как известно, народное творчество анонимно, но имена некоторых, наиболее талантливых и одаренных мастеров, обогативших казахское искусство своими неповторимыми творениями, дошли до наших дней. Их изделия: седла, ювелирные украшения, головные уборы невесты, мужские пояса, утварь из дерева и т. д.—хранятся в музеях Казахстана, Москвы, Ленинграда, Омска.

В народной памяти сохранились предания о знаменитом мастере XVIII века Булане. Он воспитал целую династию баянаульских умельцев. Среди его учеников наиболее одаренными были Кунбас, Ибрай и Абдрахман.

Во время перекочевков аулов с зимовок в горах Баянаула на джайляу Булан ехал впереди каравана верблюдов, покрытых коврами, обвешенных красивыми колокольчиками, сделанными мастером: на верблюде, возглавлявшем караван, возвышалась *каржара*—пика, обложенная медью и украшенная перьями. Продолжателем художественных традиций Булана в XIX веке был мастер золотых дел и резчик по дереву Кулмагамбет Байбақы-улы (1827—1889 гг.) из Баянаула (585). Он принимал участие в выставках, которые проводились в Омске в 1868 г. и в Петербурге в 1876 г. Сохранилась его фотография у юрты с летней мастерской. На фотографии видны наковальня, на деревянной подставке с низкими ножками кожаные мехи, различные стальные резцы, зубила и другие инструменты.

В каждой мастерской ювелиров были кузнечные мехи. Они представляли собой грушевидный мешок из выделанной бычьей кожи с растягивающимися складчатыми стенками для нагнетания воздуха и устанавливались на деревянной подставке с подуwalом. Возле мехов располагались наковальни с рогом, на которых загибали кольца и втулки.

Кулмагамбет Байбақы-улы делал конские сбруи, женские украшения и саукеле. Он воспитал поколение мастеров Баянаульского, Каркаралинского округов и Прииртышья, среди которых наиболее знамениты резчики Макат и Кадыр Байжанов (657, с. 73), ювелиры Абдыкарим Есалин и Омар. К школе Кулмагамбета относились и мастера Акбопе, Конкыш, ювелиры Жусип и

Ултарак из династии *косшатыр ұстасы*, работавшие в аулах в горах Далба. Свои ювелирные изделия косшатырцы продавали на Куяндинской, Баянаульской и Акмолинской ярмарках. Известно, что Акбопе сделал в подарок семинаристу К. И. Сатпаеву, впоследствии известному советскому ученому, изящный миниатюрный ножик.

На Иртыше, в горах Чингисского, Калбинского, Тарбагатайского и Алтайского хребтов были известны резчики Таутан, Азмагамбет, мастер по изготовлению седел Мукан, чтившие традиции Кулмагамбета и работавшие уже в советское время—в период коллективизации. «Таутан еще мальчиком вырезал острым инструментом на скалах Чингис-тау изображения птиц, животных и полевых трав. Вокруг рисунков возникали затейливые орнаменты с изумительно точным и последовательным повторением узора. Первыми открыли мастерство Таутана горные мергены—охотники на архаров. Таутан ходил из аула в аул. Искусная, неповторимая резьба его ложилась на кованые серебром седла, пояса, уздечки и кумганы» (605).

В Зайсане почетом были окружены Киирбай Домбалов и Наби Карибаев—мастера по изготовлению золоченых седел, инкрустированных самоцветами (657, с. 173).

Техническим совершенством отличалась работа известного ювелира Рымгали Ошакпаева (1889—1968 гг.)—потомка мастеров, работавших в Калбинских горах в течение многих веков. Он сам добывал золото, серебро, делал инструменты, например, острый стальной крючок для обработки металла, кости и рога. Этим инструментом он гравировал ножны серебряного с позолотой парадного оружия. Стальным молотком со сдвоенным острием размечал рисунок, затем покрывал его ровным слоем серебра. Широко применял мастер штампы и формы. Известны его формы для отливки навершия художественных изделий, фигурных накладок, блях и застежек (672).

В Каркаралинской степи было много искусных кузнецов, ювелиров и резчиков. Во второй половине XIX века и начале XX века многие из каркаралинских мастеров работали на Куяндинской ярмарке, имели там мастерские.

Народный мастер, резчик по дереву и кости Сабит из Каркаралинского района

Знаменитый ювелир Кулмагамбет из Баянаульского района. Фото Н. Буланже. 1868 г.

Их изделия пользовались большим спросом. Об одном из них — Кулыбеке Каржасбаеве — золотых дел мастере говорили, что он недостижим в мастерстве. Он жил на территории совхоза Бесоба. Особенно красивыми делал он женские украшения и конскую сбрую. В 1916 году мастер изготовил по старинному образцу дальнобойное орудие и инкрустировал его серебряными пластинами. При изготовлении боевых топоров он закачивал сталь. Золотую и серебряную проволоку для скани (филиграни) Кулыбек Каржасбаев получал на стальной плите с отверстиями. Его мехи, наковальни, по форме напомина-

ющие гусиную головку, молотки, резцы и другие инструменты и приспособления сохранились до наших дней и находятся у Тойганбая Битыбаева — его младшего брата и ученика.

Все необходимые инструменты мастера изготовляли сами и бережно хранили в рабочем ящике — *кобди*.

К школе Кулыбека Каржасбаева принадлежали резчики Захария Карымбаев, Кали Кожугулов, работавшие на Куяндинской ярмарке. Его современниками были талантливые мастера Аскар Хакасов, Куйкалак Кулмуканов, Апи Куйкалаков и его потомки Жуман, Тилепалды, Ойранбай и Омарказы, известные в Каркаралинской и Акмолинской степи. Они жили в верховьях реки Нура, возле древних рудников, в которых добывали золото, медь, свинцовую руду. Жуман Сикомов сам добывал железо и делал из него изящные зеркала.

Одаренными были мастера северных и северо-западных областей Казахстана, жившие на обширном пространстве от Иртыша до Урала. Они делали дорогие саукеле, пояса, конскую сбрую.

Большой вклад в историю казахского декоративного искусства внесли мастера Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей. Всенародным уважением пользовался знаменитый мастер Баймухаммед Бабас-улы из рода кереев (675, с. 83—84). Он был гравером. Рельефные рисунки на металл он наносил с помощью особых стальных резцов. Известны выполненные им серебряные миски, блюда, чаши. Его серебряное блюдо с рельефным узором было опубликовано (595).

В Эңбекшилдерском районе Кокчетавской области работал ювелир Е. Сулейменов, в Кургальджинском — Шарип Ералиев. В этой области были известны потомственные мастера братья Мажен и Досымжан Абыльтасовы, Баймаканов Кузе. Боевой топор, представленный Кузе на выставку в Петропавловске, затем в Петербурге (1876 г.), отличался чистотой работы и крепостью закала.

В XIX веке и в первой четверти XX века в Акмолинской степи знамениты были мастер ажурной резьбы Мухамеджан, Жумкей Кенжебаев, Чилдын Карасуы, Жуман Туртаев и другие. В колхозе имени Буденного Темирско-

Ювелирная мастерская

Народный
зодчий Данияр
Карибаев из
Джезказганс-
кой области

го района Акмолинской области работали Каир Айжарыков, Отемис Калниязов, Темир Темирбеков. Все они были ювелирами и резчиками по дереву: делали парадные больших размеров юрты, сауке, конскую сбрую. Их изделия также были показаны на выставке Международного конгресса ориенталистов в Петербурге.

Учениками ювелира Жумкея (XIX в.) были золотых дел мастер Оспан Кошебеков (род. в 1885 г.). Он жил в Казгородке на реке Нура и был известен по всей Целиноградской области. Некоторые изделия ювелира хранятся в ЦГМК.

Из замечательных мастеров старого поколения в Целиноградской области работали Ахмет Тубеков, Жакан Сыздыков, ювелир Жусуп, в горах Актау и Ортау жил потомственный мастер Жакежан Кылышбаев (род. в 1886 г.). Вместе с братом Бекежаном и другими умельцами — артелью в пятьдесят человек он делал сабли, мечи, чеканы во время восстания 1916 года. Изготовленный им боевой чекан хранится в Целиноградском музее. Жакежан Кылышбаев делал также браслеты, перстни и кольца из золота и серебра.

В бассейне реки Сарысу были известны кузнецы Атакан, Ахмет, на реке Атасу — Касым. По происхождению Касым из семьи обедневшего султана. Он был тонким знатоком казахского искусства. Его учеником был Даир Садыков с реки Жаксы-Кон (совхоз Талды-Сай). Выдающимися ювелирами были мастера Джезказганского и Улутауского районов. Сделанные ими мужские пояса, седла, убранные самоцветами, накладными золотыми и серебряными рельефными пластинами, показанные на выставке конгресса ориенталистов в Петербурге, представляют большую художественную ценность.

Одним из старейших мастеров Джезказгана был Байман Алтайяков.

В 1916 году по поручению Амангельды Иманова он руководил большой мастерской и ковал для его соратников оружие: самострелы, сабли, чеканы, кинжалы, украшая некоторые серебряной насечкой. Часть их ныне хранится в ЦГМК. У автора хранится сувенир Баймана Алтайякова — ножик.

Создателями художественных предметов, хранящихся в музеях Тургайской и Кустанайской областей, были мастера из династии *коккоз кыпчақ*, идущей из средневековья: Кулмурат, Есжан и Бимагамбет, их ученик Топай Бимагамбетов (род. в 1892 г.), живший в Амангельдинском районе. До сих пор сохранились многочисленные штампы и формы Топая, например, штамп для нанесения рисунка, форма для отливки блях, украшавших сауке, браслетов, пуговиц, тонких, как проволока, колец для серег и других изделий, а также его старинные наковальня и мехи (670, с. 81—92).

Потомственными мастерами были предки ювелира Садуакаса Когентаева

(род. в 1898 г.) из аула на реке Джиланчик. Его дальний предок Койбас, от него Елубай, от него Бедыкожа, от него Беимбет, от него Таутан, от него Когентай—словом, династия мастеров, работавших непрерывно на протяжении почти трехсот лет. Сам Садуакас был учеником своего отца, мастера Когентая.

Первоклассным мастером в Тургайской долине был Б. Тюнетов. В Джетыгаринском районе работал кузнец Г. Аманов (род. в 1900 г.). Потомственный ювелир Жармак Жумабаев (род. в 1902 г.) из аула на реке Джиланчик, около Акколя, впоследствии жил в совхозе «Южный», вместе с отцом делал саукеле, массивные браслеты, нагрудные украшения и другие вещи.

В урочище Еки-Дын, при слиянии рек Кара- и Сары-Тургай, находился большой зимний аул. В этом ауле была старинная мастерская, где работали ювелиры Кожахмет и Мырзахмет Еликбаевы. Мастерская была создана еще их дедом, в ней работал их отец Еликбай—ювелир, известный по всему Тургаю.

Красивые юрты и мебель делали резчики по дереву Тургайской и Кустанайской областей Болат Дошанов, Абдильда Досмаилов, Естай Гленов, К. Кукашев.

Кроме Центрального Казахстана, ювелирное искусство было широко распространено в Западном Казахстане. Большой художественный интерес представляют ювелирные изделия из серебра и золота мастеров Мангышлакской, Гурьевской и Актюбинской областей. По народным преданиям, талантливыми мастерами были Мукаш и Елешем. Их изделия ныне хранятся в ЦГМК. Другой выдающийся мастер Мангышлака—резчик, ювелир, архитектор и строитель мавзолеев Бекпенбет. Его ювелирные работы из серебра и золота можно увидеть в Гурьевском областном историко-краеведческом музее. В сохранении традиций полихромного стиля и развитии ювелирного искусства велика была роль самого Бекпенбета, его сына Назархана и родственников Борана, Шаншара и Таусара.

Черты полихромного стиля сохранялись в изделиях потомков старинных мангышлакских мастеров Кулмурзы Отегенова (род. в 1895 г.) и Мурына

Сенгирбаева (1859—1954 гг.)—резчика, ювелира, архитектора, сказителя, со слов которого записан героический эпос «О сорока батырах», ныне хранящийся в библиотеке Академии наук Казахской ССР. Мурын в молодости работал вместе с отцом, изготавливал длинные ружья, сабли, массивные браслеты и перстни в полихромном стиле.

В Гурьевской области известен мастер Халел. В этом же регионе славились изготовлявшие юрты Махамбет Коибаров, Сахи Байтениязов, Назархан Екпенбетов.

Своеобразны по форме и орнаментации женские украшения мастеров бассейна Сырдарьи и с берегов Аральского моря, например, массивные браслеты, перстни, нагрудные украшения, колты и накосные украшения ювелира Карамырзы из района Ак-мечети. Известен мастер Алданазар из Жана-Кургана, имевший мастерскую. Его преемником стал сын Алимбет. В Сырдарьинском районе работал мастер Жолтай. Его мастерская, инструменты, различные штампы и формы для литья браслетов, серег и пуговиц перешли к его сыну Палжигиту Берсугурову.

В Шиелинском районе были известны мастера Исхак (XIX в.) и его воспитанник Жусуп-уста Танабаев (1904—1969 гг.), также имевшие мастерские. Около Кзыл-Орды работал ювелир Кобын-уста Аманжолов (род. в 1897 г.)—воспитанник умельца Карамырзы.

В городе Туркестане и его окрестностях было много мастерских. В них работали Айдар Мамыров, Абдрахман Даулетов и др. В изготовленных ими кроватях, шкафах, ларях, подставках использованы резьба, роспись, инкрустация.

В Семиреченском крае мастера специализировались на изготовлении конской сбруи, мужских поясов и настенных украшений из кожи, применяя древнюю технику инкрустации. В Семиречье работал мастер Чокпар. Его мехи, наковальни и инструменты перешли к сыну—художнику Даркенбаю Чокпарову. Из славных резчиков Семиречья наиболее одаренными были А. Бозжигитов из Панфиловского района и Е. Касымбеков из Кегенского района. Некоторые из сделанных ими седел и потников хранятся в ЦГМК.

И ЦГМК, и ГМИ КазССР им. А. Кастеева постоянно пополняют свои коллекции произведениями народных мастеров, организовывая экспедиции в самые отдаленные районы республики. Тканые и войлочные ковры, алаша, бау, баскуры делают мастерицы Чимкентской области Ажар Жусупова, Бибайша Романова, Улбама Джусупбаева, Факия Матжанова и др. Они являются постоянными участницами выставок-продаж в Центральном художественном салоне-магазине г. Москвы и неоднократно награждались грамотами. Ворсовыми коврами, сотканными М. Шихамановой, украшен интерьер дворца культуры Чимкентского объединения «Фосфор». А текеметы мастерицы А. Шингизиевой вывешены в профилактории этого же объединения. За последние годы наметилась тенденция творческого сотрудничества народных мастеров и профессиональных художников. Так, художник и архитектор С. Бультрикова еще на стадии эскизного проекта дегустационной юрты в Каскеленском опытном хозяйстве Алма-Атинской области включила в интерьер изделия известной народной мастерицы К. Заурбековой. Или художник С. Иляев сделал эскиз занавеса в технике аппликации для сцены актового зала каракулевого завода в Чимкентской области, а мастерица А. Жусупова выполнила его в материале. Художники Д. Чокпаров, Ж. Умбетов, М. Мусаев в течение нескольких лет изучают старинные технологические приемы обработки кожи, дерева, кости. Благодаря им сегодня восстановлены многие тайны народного ремесла, выставочные и музейные экспозиции обогатились произведениями, убедительно доказывающими, что и сегодня традиционное изделие может быть не только воспроизведено в материале с той же выразительностью и мастерством, как это было раньше, но и теперь деревянная кумысная посуда, кожаный торсык или кесекап, резные деревянные ожау могут стать предметами первой необхо-

димости в быту, как удобные и высокоэстетические вещи.

Принятое несколько лет назад постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» отметило огромное значение этой отрасли творчества как неотъемлемой части социалистической культуры, вдохнуло новую жизнь в традиционные промыслы, помогло возродить многие утраченные виды народного ремесла. В наше время слишком мала доля произведений ручного авторского труда, несущих черты подлинной неповторимости. Привлечение к работе старых мастеров несомненно будет способствовать повышению квалификации кадров, продолжению традиций, заложенных старшими поколениями.

Искусство народных мастеров является существенным слагаемым нашей социалистической культуры. Забота о нем со стороны партийных, советских и хозяйственных органов, творческих союзов и широкой общественности — залог его дальнейшего совершенствования и развития.

Традиции казахского народного прикладного искусства прямо и опосредованно повлияли на изобразительное искусство республики. Они прослеживаются в живописи, графике, скульптуре, отдельных работах монументально-декоративного искусства. Черты народного искусства вливаются в современное профессиональное искусство.

Искусство народных мастеров служит источником вдохновения не только для художников, работающих в станковом и монументальном искусстве, но и для художников-прикладников. Наиболее полно народные традиции прослеживаются в творчестве К. Тыныбекова, А. Ихановой, Ж. Крупко, Б. Заурбековой и других.

В нашем государстве народное искусство казахов получило новую жизнь, и можно не сомневаться, что и в будущем оно будет занимать достойное место в многонациональной советской культуре.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ЦГА Казахской ССР

Фонд 3, оп. 1

I
Дело об отправлении экспонатов на всемирную выставку в Париже (1866—1867 гг.)—д. 602

Фонд 64, оп. 1

II
Заявление Газиной о возвращении ей драгоценностей—д. 141

III
Ведомости об оборотах внешней и внутренней торговли по Сибирской границе (1883—1886 гг.)—д. 2823

IV
Отчеты о деятельности Куяндинско-Ботовского ярмарочного управления и о торговых оборотах ярмарки за 1905—1909 гг. и проч.—д. 3613

V
Дополнительная инструкция о программе Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге и переписка по этому вопросу (1886—1889 гг.)—кн. 2, д. 4189

Фонд 338, оп. 1

VI
Дело по донесению заседателя Каркаралинского окружного приказа об открытии им алебаstra, извести, белой глины и минеральной воды (1826—1833 гг.)—д. 338

VII
Дело об установлении торговых связей с киргизами (1824—1831 гг.)—д. 350

VIII
Дело о выдаче письменных видов и заграничных билетов казахам внешних округов (1824 г.)—д. 388

IX
Дело о выдаче заграничных билетов казахам внешних округов и торговцам (1825—1826 гг.)—д. 414

X
Дело о торговле во внешних округах Омской области (1831 г.)—д. 544

XI
Дело о торговле во внешних округах (1831—1835 гг.)—д. 545

Фонд 345, оп. 1

XII
Ведомость о торговле в Казахской степи (1854—1855 гг.)—д. 369

XIII
Ведомость о ходе торговли во внешних округах (1857 г.)—д. 579

XIV
Отчеты областного правления и внешних окружных приказов и материалы к ним (1859 г.)—д. 667

XV
Ведомости о торговле в окружных приказах (1859—1860 гг.)—д. 670

XVI
Ведомости о торговле во внешних округах Казахской степи (1860—1861 гг.)—кн. 1, д. 694

XVII
Ведомости и сведения о ходе торговли во внешних округах (1863—1864 гг.)—д. 800

XVIII
Дело о ходе торговли в Каркаралинском и Кокчетавском округах (1865—1866 гг.)—д. 902

XIX
Ведомости о ходе торговли во внешних округах (1866—1867 гг.)—д. 921

XX
Сведения о ходе торговли во внешних округах области Сибирских киргизов за 1861 г.—д. 2265

Фонд 345, оп. 2

XXI
Исчисление казахского населения и принадлежащего им скота по Каркаралинскому округу для обложения ясаком (1858—1861 гг.)—д. 101

XXII
Дело о сборе материалов для устройства выставки на международный конгресс ориенталистов в городе Санкт-Петербурге в августе 1876 года—д. 6934

Фонд 374, оп. 1

XXIII
Дело о выдаче разрешения великобританскому подданному, живописцу Аткинсону на проезд к Алтайским и Уральским горам для снятия видов (28 октября 1846 г.)—д. 4130

XXIV
Дело об учреждении постоянных ярмарок в Акмолинском, Каркаралинском и Аягузском внешних округах (1842—1844 гг.)—д. 4912

XXV
Дело о разрешении купцу Попову, советникам Аргамачеву и Коновалову заниматься изысканиями золотоносных и др. руд (1839 г.)—д. 5314

XXVI
Дело об открытии в Каркаралинском округе в ущельях и горах Ку месторождений аметистовых камней—д. 5353

Фонд 393, оп. 1

XXVII
Годовой статистический отчет за 1892 г. о состоянии города Акмолинска и Акмолинского уезда Акмолинской области (1893 г.)—д. 35

ЦГИА СССР

Фонд 401

XXVIII
Всероссийская промышленно-художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде—XI, Кустарный комитет

Фонд 789—Академия художеств МИДа, оп. 11, д. 164

XXIX
Письмо Дудина в Академию художеств от 5 марта 1906 г. с просьбой о выдаче ему пособия и предложением приобрести у него альбом фотографий—1891 г., Дудин Самуил Мартынович

XXX
Письмо Дудина в Академию художеств от 30 марта 1907 г. с расчетами стоимости работы над альбомом «Орнаменты Средней Азии»—1891 г., Дудин Самуил Мартынович

Фонд 853 (личный фонд)—«Григорьев Василий Васильевич, профессор института истории Востока Петербургского университета», оп. 1

XXXI
Секретное донесение Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору о тайной разработке золота и тайной продаже его за границу киргизами—д. 82, 1861

XXXII
Русанов И. Ф. Статистический и этнографический очерк Киргизской степи Сибирского ведомства—д. 241

Фонд 853, оп. 2

XXXIII
Кайсацкие названия одежды и украшения—д. 124

Фонд 1264—Первый Сибирский комитет, оп. 1

XXXIV
О причислении в купечество сибирских киргизов (1834—1835 гг.)—д. 358

Фонд 1265 — Второй Сибирский комитет, оп. 1

XXXV

Записка министра внутренних дел от 6 мая в Сибирский комитет касательно учреждения в киргизской степи караван-сараяв или постоянных дворов — д. 49

Фонд 1291, оп. 81

XXXVI

О доставлении в Санкт-Петербург киргизской кибитки, подаренной государю императору ханом Внутренней орды Джангиром Букеевым (1828 г.) — д. 122

XXXVII

О невзимании с киргизских товаров пошлин и об отмене запрещения иметь им для своих оборотов какие-либо деньги кроме червонцев — д. 124, 1827 г.

1

Абдуллаев К. А., Буряков Ю. Ф., Бурякова Э. Ю. Раскопки городища Канка в Ташкентской области. — В кн.: «Археологические открытия 1976 года». М., 1977

2

Абу-Дулаф. Вторая записка Абу-Дулафа. Изд. текста, пер., введ. и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., изд. вост. лит., 1960

3

Абу-л-Гази. Родословная туркмен. Изд. А. Н. Кононова. М.—Л., 1958

4

Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. — В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968

5

Акишев К. А. Исследования в Казахстане. — В сб.: «Археологические открытия 1966 года». (Сборник статей. Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков.) М., «Наука», 1967

6

Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978

7

Акишев К. А. Курган Иссык. — В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974

8

Акишев К. А. Некоторые итоги раскопок городища Отрар. (1971—1975 гг.) — В кн.: «Археологические исследования в Отраре». Алма-Ата, 1977

9

Акишев К. А. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени. — В кн.: «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». Алма-Ата, 1976

10

Акишев К. А. Резной нефрит из Отрара. — В сб.: «Археологические исследования в Отраре». Алма-Ата, 1977

11

Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). — В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973

12

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, изд. АН КазССР, 1963

13

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII вв. по результатам раскопок 1971—1973 гг. — В кн.: «Древности Казахстана». Алма-Ата, 1975

14

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках в городище Отрар в 1974 году. — В кн.: «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». Алма-Ата, 1976

15

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы.) Алма-Ата, «Наука», 1972

16

Алпамыс. Казань, 1984

17

Альбом казахского народного костюма. Алма-Ата, 1958

18

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск I. (XVII век) М.—Л., изд. АН СССР, 1960

19

Андреев Д. Л., Матвеев С. И. Замечательные исследователи горной Средней Азии. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов. Под редакцией Н. Г. Фрадкина. М., гос. изд. геогр. литературы, 1949

20

Анна Комнина. Алексиада. Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965

21

Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Иртыше. — В кн.: «Поиски и разведки в Казахстане». Алма-Ата, 1972

22

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII века). — В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968

23

Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: «Культура древних скотоводов и

земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969

24

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960

25

Базилевич К. В. В гостях у Богдыхана. (Путешествия русских в Китай в XVIII веке.) Л., 1927

26

Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы.) М.—Пгр., 1923

27

Баллод Ф. В. Старый и новый Сарай, две столицы Золотой Орды, и современные им селения Нижнего Поволжья. Казань, 1923

28

Барданес Х. Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь по поручению акад. Фалька. — «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI. Спб., 1825

29

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч., т. V. М., 1966

30

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. II, ч. I. М., 1966

31

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III. М., 1966

32

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. — Соч., т. IV. М., 1966

33

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Соч., т. II, ч. I. М., 1966

34

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. — Соч., т. II. М., 1966

35

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I. М., 1963

36

Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии. — Соч., т. II, ч. I. М., 1966

37

Басенов Т. К. Прикладное искусство Казахстана. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1958

38

Безин И. Н. Турецкая хрестоматия, т. III. Спб., 1890

- 39 Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. М., 1940
- 40 Бернштам А. Н. Очерки по истории гуннов. Л., 1951
- 41 Библиотека иностранных писателей о России. т. I. Спб., 1832
- 42 Аль-Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений. Пер. и прим. М. А. Салье. Избр. произв. т. I. Ташкент, 1957
- 43 Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. I—III. М.—Л., 1950—1953
- 44 Боголюбов А. А. Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым. Спб., 1908, вып. I
- 45 Бродовский М. И. Технические производства в Туркестанском крае. Приложение к промысловому альбому Туркестанского края. Спб., 1875
- 46 Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык. Сост. Лазарь Будагов. т. I. Спб., 1869
- 47 Булгаков П. Г. Сведения арабских географов IX—начала X века о маршрутах и городах Средней Азии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1954
- 48 Бурундуков Н. Ф. Ковры Туркестана. Указатель к коврам, выставленным на исторической выставке в музее училища им. Штигилица. Спб., 1904
- 49 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., «Наука», 1974
- 50 Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Алма-Ата, «Наука», 1961—1968
- 51 Валиханов Ч. Ч. Идиге (джир).— В кн.: «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». Спб., 1904
- 52 Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. М.—Л., «Искусство», 1940
- 53 Веймарн Б. В., Сысоев П. М. Народное декоративное искусство СССР. (Альбом) М.—Л., «Искусство», 1949
- 54 Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических материалов и статей, изданных Этнографическим Отделом Имп. Общества Любителей Естественных наук, Антропологии и Этнографии. М., 1893
- 55 Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. I. Поэтика. Спб., 1913
- 56 Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973
- 57 Влангали А. Г. Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. Спб., 1853
- 58 Востров В. В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев.— В сб.: «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960
- 59 Всеобщая история искусств. В 6-ти томах, т. I. М., «Искусство», 1956
- 60 Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве. М., 1882
- 61 Вяткин М. П. Батыр Срым (освободительное движение в Казахстане в конце 18-го в.). М.—Л., 1947
- 62 Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. I, II. Спб., 1897
- 63 Гельвальд Ф. Земля и ее народы. Пер. с послед. нем. издания в 4 томах под ред. Ф. Груздева, т. II. Живописная Азия. Спб., изд. П. П. Сойкина, 1898
- 64 Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов и их жительства, обрядов, обыкновенной одежды, т. I—4. Спб., 1776—1799
- 65 Герберштейн Сигизмунд, фон. Записки о московитских делах. Павел Йовий Новокомский. Книга о Московитском посольстве. Введ., пер. и прим. А. И. Малесина. Спб., Изд. А. С. Суворина, 1908
- 66 Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисловием и указателем. М., 1885
- 67 Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Сграта-новского. М., 1972
- 68 Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составлено Гиршфельдом, переработано Галкиным, т. I, II. Ташкент, 1902—1903
- 69 Григорьев Г. В. Каунчи-Геппе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940
- 70 Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Сост. Г. Е. Грумм-Гржимайло, т. II. Поперек Бей-Шаня и Нань-Шаня в долину Желтой реки. Спб., 1899
- 71 Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана.— В кн.: «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. II
- 72 Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. Л., 1958
- 73 Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. М.—Л., 1950
- 74 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967
- 75 Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— В сб.: «Древности Восточной Европы». М., 1969
- 76 Диваев А. А. Киргизская легенда о ветхозаветном великане Аджге (оге), с пред. Н. Ф. Катанова. Казань, 1908
- 77 Диваев А. Киргиз-кайсацкий богатырский эпос. Ташкент, 1922
- 78 Диваев А. Алпамыс батыр.— В кн.: «Киргиз-кайсацкий богатырский эпос». Ташкент, 1922
- 79 Диваев А. Камбар батыр.— В кн.: «Киргиз-кайсацкий богатырский эпос». Ташкент, 1922
- 80 Диваев А. Кобланды батыр.— В кн.: «Киргиз-кайсацкий богатырский эпос». Ташкент, 1922
- 81 Дингельштедт Н. А. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сырдарьинская область. Часть I. Обычное право. Водное хозяйство. Спб., 1893
- 82 Добросмыслов А. И. Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912
- 83 Дополнения к актам историческим,

- собранные и изданные Археологической комиссией. Т. X. Спб., 1867
- 84
Древняя и средневековая культура юго-восточного Устурта. Ташкент, 1978
- 85
Древняя культура Центрального Казахстана (под ред. акад. А. X. Маргулана). Алма-Ата, «Наука», 1966
- 86
Ерзакович Л. Б. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1966
- 87
Ерзакович Л. Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине.— В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972
- 88
Живописный альбом «Тароды России». Спб., Картогр. заведение А. Ильина, 1880
- 89
Живопись древнего Пяндж сента. (Сборник работ, посвященный 25-летию Таджикской ССР. Отв. ред. А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов) М., 1954
- 90
Жирмунский В. М. Следы огузов в низовьях Сырдарьи.— В кн.: «Тюркологический сборник», т. I. М.—Л., 1951
- 91
Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л., 1975
- 92
Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964
- 93
Зелинский Густав. Киргиз. Поэма. Пер. с польск. Георгия Гребенщикова. Рис. художника Гр. Гуркина и В. Белослюдова. Томск, «Бытовая Сибирь», 1910
- 94
Зименко В. М. Александр Осипович Орловский (1777—1832). М., 1954
- 95
Иакинф Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Спб., 1829
- 96
Ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара.— Библиотека Института Востоковедения АН СССР, № 524
- 97
Ибн Рузбихан. Воспоминание участника о походе Шейбани-хана в Туркестан.— В кн.: «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Сб. I (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.). Алма-Ата—М., 1935
- 98
Ибн Рузбихан (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани). Михман-наме-йи Бухара. (Записки Бухарского гостя.) Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М., 1976
- 99
Ибн Фадлан. Записки.— МИТТ, т. I. М.—Л., 1939
- 100
Ибн Фадлан. Путешествие ибн Фадлана на Волгу.— МИТТ, т. I. М.—Л., 1939
- 101
Ибн Хаукаль. Китаб-ал-масалик вел-мамалик. (Книга путей и провинций).— МИТТ, т. I. М.—Л., 1939
- 102
Ибн Хардадбех. Китаб-ал-масалик вел-мамалик. (Книга путей и провинций.) Лейден, 1889
- 103
Ибрагимов И. И. Этнографические очерки киргизского народа.— В сб.: «Русский Туркестан». М., 1872, вып. II
- 104
Ал-Идриси. Нузхат-ал-муштак фиктирак ал-афак. Рукопись ГИБ, ар. Н. С. 176
- 105
Известия англичан о России XVI в. (Ченслер. Дженкинсон. Ранфорд. Баус) Пер. с англ. С. М. Середонина. М., 1884
- 106
Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968
- 107
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. (Латинский текст). Вступит. статья, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., изд. вост. лит., 1960
- 108
Истахри. Китаб масалик ва-Мамалик. (Книга путей и стран).— МИТТ, т. I. М.—Л., 1939
- 109
История о Казанском ханстве. Коммент. Г. З. Кунцевича. Спб., 1915
- 110
История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1977
- 111
История и археология Крыма. М., 1958
- 112
Ал-Йакуби. Китаб ал-булдан. (Книга стран.) Лейден, 1892
- 113
Кадырбаев М. К. Памятники Тасмолинской культуры.— В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966
- 114
Кадырбаев М. К., Курманкулова Ж. К. Захоронения воинов Савроматского времени на левобережье реки Илек.— В кн.: «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». Алма-Ата, 1976
- 115
Казахский народный орнамент. Алма-Ата, 1958
- 116
Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961
- 117
Калиновский Д. О. О развитии и распространении идеи свободной торговли. Спб., 1859
- 118
Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. Спб., 1842
- 119
Карнович Е. П. Покорение царства Астраханского.— В кн.: «Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края». Вып. I. Астрахань, 1896
- 120
Каруц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Пер. Е. А. Петри. Спб., 1910
- 121
Катанаев Г. Е. Краткий обзор и перечень предметов, которые желательно иметь в Степном отделе Нижегородской Всероссийской выставки 1896 г. Омск, 1895
- 122
Киргизско-русский словарь. Издание второе. Оренбург, 1903
- 123
Кириллов И. К. О казахских жузах.— В кн.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Алма-Ата, 1961
- 124
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951
- 125
Клапчук М. Н. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. Альбом. Хранится в ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР
- 126
Кадырбаев М. К., Агапов П. В. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, «Жалын», 1979
- 127
Климент Александрийский.— В кн.: «Древние авторы о Средней Азии». Пер. Баженова Л. В. Ташкент, 1940
- 128
Клодт Е. А. Казахский народный орнамент. Зарисовки художника

- Е. А. Клодта. М., Гос. изд. «Искусство», 1939
- 129
Книга Большому Чертежу (памятник XVII в.). Издание Г. И. Спасского. Спб., 1838
- 130
Книга Большому Чертежу. Издание под редакцией К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950
- 131
Ковалевский Е. П. Путешествие в Китай, т. I. Спб., 1853
- 132
Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины.— В сб.: «Археологические памятники в Таласской долине». Фрунзе, 1963
- 133
Козырев А. А. Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. Спб., 1911
- 134
Коншин Н. Я. Краткий статистический очерк промышленности и торговли Акмолинской области за 1880—1894 гг. Омск, 1896
- 135
Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картой Средней Азии. Сост. Л. Костенко. Спб., 1871
- 136
Красовский А. Область сибирских киргизов. Сост. Красовский. Ч. III. Спб., 1868
- 137
Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев.— В сб.: «Русский Туркестан». М., 1872, вып. II
- 138
Кропоткин П. Н. Геологическое строение северо-западной части Четского района Карагандинской области Казахской ССР. Рукопись. 1936 и 1937 гг. Фонды института геологических наук им. К. И. Сатпаева Акад. наук КазССР
- 139
Кудряшов М. И. Песнь о Нибелунгах. Спб., 1890
- 140
Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972
- 141
Кушаев Г. А. Ранние погребения Алакульской впадины.— В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968
- 142
Кушакевич А. А. О гончарном производстве в Ходжентском уезде.— В сб.: «Русский Туркестан». М., 1872, вып. II
- 143
Кызласов А. Р. Ташгыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины. М., Изд-во МГУ, 1960
- 144
Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961
- 145
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. т. 1—2. Спб., 1893—1906
- 146
Лебедев А. К., В. В. Верещагин. (Очерк жизни и творчества). М.—Л., «Искусство», 1939
- 147
Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.—Л., 1949
- 148
Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в Жеты-Асарской культуре.— В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968
- 149
Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. М., 1971
- 150
Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Жеты-Асарской культуры.— В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., «Наука», 1966
- 151
Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832
- 152
Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Спб., 1870
- 153
Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972
- 154
Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. М., 1960
- 155
Литвинский Б. А. Кангойско-сарматский фарн.— В кн.: «К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии». Душанбе, 1968
- 156
Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940
- 157
Львович Д. Солдатские рассказы о Туркестанском крае, ч. I. Степь. Спб., 1875
- 158
Львович Д. По киргизской степи. Путевые очерки. Пгр., изд. А. Ф. Девриена, 1914
- 159
Маев Н. Туркестанская выставка 1890 г. Путеводитель по выставке и ее отделам. Ташкент, 1890
- 160
Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875
- 161
Максиди. Ахсан-ат-такасин фи ма'рифат-ал-акалим. (Наилучшее распределение для познания стран.) Лейден, 1877
- 162
Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья (подбойное погребение Кудырбай в квадратном плане).— В сб.: «Новое в археологии Казахстана» (Сборник статей. Отв. ред. канд. ист. наук М. К. Кадырбаев). Алма-Ата, «Наука», 1968
- 163
Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища.) Алма-Ата, «Наука», 1968
- 164
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951
- 165
Мамонтов В. И. Разведки и раскопки в Волгоградской области.— В кн.: «Археологические открытия 1976 года». М., «Наука», 1977
- 166
Маргулан А. Х. Джезказган — древний металлургический центр.— В кн.: «Археологические исследования в Казахстане», Алма-Ата, 1973
- 167
Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950
- 168
Марко Поло. «Книга» Марко Поло. Пер. со старофранц. И. П. Минаева. М., 1956
- 169
Марко Поло. Путешествие. Пер. со старофранц. И. П. Минаева. Л., 1940
- 170
Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969
- 171
Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ), т. I. М.—Л., 1939
- 172
Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. (Сборник тюркских диалектов.)

- тт. I—III. Изд. Му'аллима Риф'ата. Стамбул, 1914—1916
- 173
Мейер А. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Сост. Генерального штаба подполковник А. Мейер. Спб., 1865
- 174
Мендикулов М. М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устьурта. Алма-Ата, 1956
- 175
Мершиев М. С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза.— В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, «Наука», 1968
- 176
Мершиев М. С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв.— В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970
- 177
Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и комментарии С. А. Аннинского (предисловие: Б. Греков). М.—Л., 1936
- 178
Миллер А. Ковровые изделия Востока. 1924
- 179
Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекции Дашковского Этнографического Музея. Вып. I. М., 1887
- 180
Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937
- 181
Мухаммед Хайдар Дуглати. Тарих-и Рашиди (Рашидова история). Рукопись хранится в Гос. публ. библиотеке ТаджССР. Отрывки в русском переводе даны в соч. В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. II
- 182
Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. М., «Наука», 1968
- 183
Наковник Н. И. Охотники за камнями. (Очерки) Л., 1966
- 184
Нессви. Сирет-ас Султан Джелал-ад-дин Менкуберти. (Жизнь султана Джелал-ад-дина Менкуберти.) тт. 1, 2. Париж, 1891—1895. (Отрывок в русском переводе дан в МИТГ, т. II.)
- 185
Нурмухаммедов Нагим-Бек. Искусство Казахстана (альбом). М., 1970
- 186
Нурмуханбетов Б. Н. Могильник Кыркескен.— В кн.: «Археологические открытия 1976 года». М., 1977
- 187
Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана.— В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969
- 188
Обзор Тургайской области за 1895 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Тургайской области. Оренбург, 1896
- 189
Окладников А. П. Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. М.—Л., 1964
- 190
Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966
- 191
Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959
- 192
Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.—Л., 1959
- 193
Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II. Л., 1970
- 194
О некоторых технических производствах в Туркестанском крае.— В сб.: «Русский Туркестан». М., 1872, вып. II
- 195
Оразбаева Н. А. Народное декоративно-прикладное искусство казахов. Л., 1970
- 196
Орловский А. О. Выставка произведений. Путеводитель. М., 1958
- 197
Осмоловский С. Ф. Степняк. Геолого-промышленный очерк. М.—Л., Цветметиздат, 1932
- 198
Очерк внутренней торговли Киргизской степи. Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Спб., 1867, т. III, кн. 8—9
- 199
Паллас П. С. Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, II. Спб., 1773
- 200
Пальчевский А. О. Оренбургское укрепление и окрестности его. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868
- 201
Петри Э. Ю. Сибирские инородцы.— В кн.: «Сибирский вестник». Научно-литературное периодическое издание под ред. Н. М. Ядринцева. Приложение к «Восточному обозрению». Спб., 1886, кн. I
- 202
Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951
- 203
Плано Карпини. История Монголов. Введ., пер. и примечания А. И. Малеина. Спб., 1911
- 204
Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. М., 1967
- 205
Плетнева С. А. Половецкие погребения в урочище Каменная балка.— В сб.: «Археологические раскопки на Дону». Ростов-на-Дону, 1962
- 206
Поддубный И. П. Население Азиатской России.— В сб.: «Азиатская Россия». Спб., 1914, т. I
- 207
Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде, отдел XIII—Степной край. М., 1896
- 208
Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. Спб., 1914
- 209
Потанин Г. Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916
- 210
Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. по поручению имп. Русского географического общества Г. Н. Потаниным. Вып. II. Спб., 1881; вып. IV. Спб., 1883
- 211
Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.). Алма-Ата—М., 1935
- 212
Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана.— В кн.: «Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции». Ашхабад, 1949, вып. I
- 213
Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966
- 214
Путешествие Амвросия Кантарини.— Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. Спб., 1836

- 215
Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод с арабского под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939
- 216
Радлов В. В. Атлас древнейшей Монголии.— В кн.: «Труды Орхонской экспедиции», вып. I. III. Спб., 1892—1899
- 217
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х томах. Т. I, ч. 2. Спб., 1888
- 218
Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Собраны В. В. Радловым. Спб., 1866
- 219
Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 году. Спб., 1882
- 220
Реутовский В. С. Поиски и разведки на золото В. С. Реутовского. Томск, 1899
- 221
Романовский Г. Д. Краткий очерк исследования восточной части Кыргызской степи Западной Сибири. Спб., 1903
- 222
Ромм А. Г. Очерк истории изобразительного искусства Кыргызской ССР. М.—Л., 1941
- 223
Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. Спб., 1911
- 224
Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинудинские курганы. М.—Л., 1962
- 225
Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953
- 226
Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962
- 227
Руденко С. И. Башадарские курганы. 228
Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР в 1947 г. Л., 1948
- 229
Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Кыргыз-Кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772
- 230
Рычков П. И. Топография Оренбургская. Спб., 1762
- 231
Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников.— В кн.: «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». Алма-Ата, 1976
- 232
Сатпаев К. И. Избранные труды. Т. I, II. Алма-Ата, 1970
- 233
Сборовский А. Отчет по статико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Кокчетавского района. С картою. Спб., 1908
- 234
Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньинова. Спб., тип. Н. Греча, 1839
- 235
Севергин В. Первые основания минералогии естественной истории ископаемых тел. Спб., 1798
- 236
Севергин В. Подробный словарь минералогический. Т. I. Спб., 1807
- 237
Семенов-Гян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. 1856—1857. М., Географгиз, 1958
- 238
Сенигова Т. Н. Керамика городища Алтын-асар. (Опыт хронологической периодизации.) Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953
- 239
Сенигова Т. Н. Культовые сооружения около мавзолея Ходжи Ахмета Ясави.— В кн.: «Археологические исследования в Отраре». Алма-Ата, 1977
- 240
Сенигова Т. Н. Новые находки в Семиречье.— В сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970
- 241
Сенигова Т. Н. Поселение Актобе.— В кн.: «Археологические исследования на склонах Каратау». Алма-Ата, 1962
- 242
Сенигова Т. Н. Средневековый Гараз. Алма-Ата, «Наука», 1972
- 243
Скалов Б. А. Материалы по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Под ред. проф. К. Д. Глинки. Описание средней части Тургайско-Уральского района. Спб., 1909
- 244
Скачков К. А. Наши торговые дела в Китае. Спб., 1863
- 245
Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950
- 246
Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область. Спб., 1887
- 247
Смирнов Я. И. Восточное серебро. Спб., 1909
- 248
Смолянинова Н. Н., Малева В. А. Находка бавенита в скалах месторождения Батыс-Тау (Центральный Казахстан). Материалы по геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии. М., 1959
- 249
Соколов Д. Руководство к минералогии, с присовокуплением статистических сведений о важнейших солях и металлах. Спб., 1832
- 250
Список изданий Переселенческого Управления. Спб., 1914
- 251
Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Перевод с китайского с примечаниями архимандрита Палладия.— В кн.: «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. IV. Спб., 1866
- 252
Старостина З. М. Геологическое строение северной окраины гор Ерментау и прилегающей части левобережья р. Уленты. Рукопись 1937 г. Фонды Института геологических наук АН КазССР
- 253
Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. М.—Л., 1963
- 254
Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. Подготовка писем и коммент. Н. Д. Черникова. Отв. ред. Ю. С. Калашников. Т. I. М., 1962
- 255
Гатицев В. Н. История Российская в 7-ми томах. Т. I. М.—Л., 1962
- 256
Тетеревников А. Н. Очерк внутренней торговли Кыргызской степи. Спб., 1867
- 257
Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Ула. Л., 1932
- 258
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Спб., 1884
- 259
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948
- 260
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962
- 261
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948

- 262
Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. III. Древности времен переселения народов. Спб., 1890
- 263
Тревер К. В. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Улы. М., 1937
- 264
Трофимова Т. А. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей.— В кн.: «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1958
- 265
Труды Орхонской экспедиции. Вып. VI. Спб., 1903
- 266
Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г. Т. I. Спб., 1879—1880
- 267
Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе 1905 г. Екатеринослав, 1907
- 268
Ухтомский Э. Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (1890—1891). Спб., 1897
- 269
Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951
- 270
Фальк И. П. Записки путешествия по Киргиз-Кайсацкой степи.— Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI. Спб., 1824
- 271
Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976
- 272
Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., изд. МГУ, 1966
- 273
Феофилакт Симокатта. История. Пер. с греческого проф. С. И. Кондратова. Лит. обработка перевода и прим. К. А. Осиповой. Отв. ред. и автор вступит. статьи чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. М., изд. АН СССР, 1957
- 274
Ферсман А. Е. Из истории культуры камня в России. М.—Л., 1946
- 275
Фон-Этцель А., Вагнер Г. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.-В. Аткинсона, А. Г. Фон-Миддендорера, Г. Рауде и др. Составили А. Фон-Этцель и Г. Вагнер. Пер. с нем. Н. Делпиша. Спб., 1885
- 276
Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. Пер. с нем. Д. Е. Бертельса. М., 1960
- 277
Худуд ал-Алам. (Пределы мира.) Рукопись Туманского. Издание в факсимиле, с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930
- 278
Худуд ал-Алам. (Пределы мира.)— МИТТ, т. I. М.—Л., 1939
- 279
Цветева Г. А. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968
- 280
Чалая Л. А. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай.— В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969
- 281
Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области.— В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1970
- 282
Чалая Л. А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Булак.— В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973
- 283
Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965
- 284
Чухров Ф. В. Зона окисления сульфидных месторождений степной части Казахстана (особенности и закономерности парагенезиса минералов). М., 1950
- 285
Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме. (Книга побед.) Подготовка к печати, предисл. и прим. А. Урунбаева. Ташкент, 1972
- 286
Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме. Персидский текст. Самарканд, 1969
- 287
Шаровольский И. В. Сказание о мече Тюрфинге. Вып. 3. Киев, 1906
- 288
Шахназаров А. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. Спб., 1908
- 289
Шевченко—художник. Альбом. Киев, 1954
- 290
Ядринцев Н. М. Древне-усуньское городище Чигу-Чан.
- 291
Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб., 1891
- 292
Якоби А. И. Поездка в киргизские степи Западной Сибири для исследования причин чумы рогатого скота.— Сборник сочинений судебной медицины. Т. I. Спб., 1874
- 293
Яковлев Д. И. Голодная степь Казахстана. М., 1941
- 294
Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г.— ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. VII. Археология
- 295
Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, 1958, т. V. Археология
- 296
Алексеев К. Предание о происхождении киргиз-кайсаков.— «Воскресный досуг», 1871, № 32
- 297
Андре К. Направление торговых путей в Средней Азии.— «Вестник РГО», Спб., 1859, ч. XXVII, кн. 12, отд. 3
- 298
Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков.— «Новые ежемесячные сочинения», Спб., 1796, ч. 114
- 299
Андреев И. Г. Письма одного гражданина к своему другу.— «Чтение в Имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1871, кн. 4
- 300
Аничков И. В. Поездка на киргизские поминки в 1892 году.— ИОАИЭ, 1897, т. XIV, вып. 2
- 301
Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинская.— МИА, 1951, № 23
- 302
Арсеньев А. Ю. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678).— «Вестник археологии и истории». Вып. 17. Спб., 1906

- 303
Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник.— «Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии», 1963, вып. 4
- 304
Артамонов М. И. Белая Вежа. (Из истории русского поселения на Дону. X век.)—СА, 1952, XVI
- 305
Балкашин Н. Торговые движения между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями.— ЗСОРГО, 1881, кн. III
- 306
Баранов Е. Козу-Курпеч и Баян-Слу.— «Нива», 1899. Литературное приложение, кн. 1—3
- 307
Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней Азии.— Записки Института востоковедения АН СССР, 1937, № 6
- 308
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.— «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. 1, № 4, Спб., 1897
- 309
Бежкович А. С. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов (1859—1862).— СЭ, 1953, № 4
- 310
Бернштам А. Н. Чуйская долина.— «Труды Семиреченской археологической экспедиции», МИА, 1950, № 14
- 311
Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана.— «Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии», 1949, вып. 2
- 312
Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.— «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1937, № 4
- 313
Бернштам А. Н. Находки у озера Борового в Казахстане.— «Сборник МАЭ», 1940, т. 13
- 314
Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке.— КСИИМК, 1940, вып. 5
- 315
Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26
- 316
Беспалов В. Ф. Варисская структура Джекказган-Атбасарского района.— «Проблемы советской геологии», 1936, VI, № 11
- 317
Бланкеннагель. Путевые записки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793 и 1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева.— «Вестник РГО», 1858, ч. XXII, кн. 3, отд. 2
- 318
Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое описание земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства.— ВСОРИ, 1848, XIV, ч. 3
- 319
Большой С. Записки доктора Саввы Большого о его приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о киргиз-кайсацкой степи.— «Сын Отечества», 1822, ч. 76, № 4, 11, 12
- 320
Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды.— «Отечественные записки», 1830, ч. 43
- 321
Броневский С. Б. О сельском хозяйстве и свойствах Усть-Каменогорского края.— «Земледельческий журнал», 1831, № 2
- 322
Бутузов Ф. Археологические раскопки в Оренбургской и Тургайской областях.— ИОАИЭ, 1894, т. XI, вып. 5
- 323
В. Г. К вопросу о перенесении таможенной линии с р. Урала на Сыр-Дарью.— «Торговый сборник», 1864, № 46, 48
- 324
Венюков М. И. О торговле России с Китаем.— «Известия РГО», 1872, т. VII, вып. I
- 325
Венюков М. И. Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851—1860 гг.— «Записки РГО», 1861, кн. III
- 326
Верещагин В. В. Путешествие в Среднюю Азию.— «Сияние», Спб., 1873, № 21—37
- 327
Веселовский Н. И. Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского.— ЗРГООЭ, т. XI, вып. 2, 1887
- 328
Видонова Е. С. Катандинский халат (по материалам реставрационной мастерской ГИМ).— Труды ГИМ, 1938, вып. XIII
- 329
Вирский М. Сведения о Зеравшанском округе.— МСТК, 1876, вып. IV
- 330
Вицин Р. Производство ковров на Кавказе и в Закаспийском крае.— «Живописная Россия», 1903, III, № 113—116
- 331
В киргизской степи (об интересной киргизской игре «кыз-бори»).— «Живописное обозрение», 1876, № 50
- 332
Воинов В. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь Великого князя Владимира Александровича.— «Современная летопись», 1868, № 24
- 333
Воинов В. Собрание Ханенко в Петрограде.— «Аполлон», 1916, № 1
- 334
Волин С. Л. Сведения арабских источников X—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах.— ТИИАЭ АН КазССР
- 335
Востров В. В. Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров. (По материалам экспедиции 1955 г.)— ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. VI. Археология
- 336
Высотская Т. Н., Черпанова Е. Н. Находки погребений IV—V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3
- 337
Гайдукевич В. Ф., Капошина Е. И. К вопросу о местных элементах в культуре Северного Причерноморья. (По археологическим данным.)— СА, 1951, XV
- 338
Гейнс А. К. Киргизские очерки.— «Военный сборник», Спб., 1866, т. XLVII
- 339
Герман Б. Ф. Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь.— «Вестник Европы», 1816, № 17
- 340
Герман Б. Ф. О горных разведках, произведенных в киргизской степи экспедицией 1815 г.— «Горный журнал», Спб., 1829, ч. I, кн. 3
- 341
Герн В. Из записной книжки.— Памятная книга Семипалатинской области за 1899 г. Семипалатинск, 1899

- 342
Грен А. От форта № 1 (Казала) до форта № 2 (Кармакчи). Из путевых заметок о киргизской степи.— «Инженерный журнал», 1862, № 4
- 343
Григорьев В. В. Оренбургские киргизы.— «Народная беседа», Спб., 1864, кн. I
- 344
Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении.— «Известия АН КазССР. Серия археология», 1948, № 46, вып. I
- 345
Грязнов М. П. Золото Восточного Казахстана и Алтая.— «Сообщения ГАИМК», Государственная Академия истории материальной культуры, вып. 110, М.—Л., 1935
- 346
Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— «Археологический сборник», Л., 1961, вып. 3
- 347
Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае.— «Человек», 1928, № 2—4
- 348
Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, 1956, вып. 61
- 349
Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых.— «Вестник РГО», 1851, ч. III, кн. 5, отд. 4
- 350
Давыдова А. Д. К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971, № 1
- 351
Давыдова С. А. Кустарная промышленность в Средней Азии. Отчет 1890 г.— Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Спб., 1894, вып. II
- 352
Диваев А. А. Киргизские причитания по покойнику.— ИОАИЭ, 1898, т. XIV, вып. 5
- 353
Диваев А. А. Рассказ об Алантксаралифе (киргизская легенда).— ЗВОРАО, т. XI, 1899
- 354
Дневные записки Путимцова в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжи и обратно в 1811 году.— «Сибирский вестник», 1819, ч. VII
- 355
Добросмыслов А. И. Киргизские изделия из шерсти и волоса.— «Известия Оренбургского отдела РГО», 1899, т. XIII
- 356
Драверт П. Л. Аширит.— «Сибирская природа», 1922, № 5
- 357
Драверт П. К минералогии кайназойских отложений Обь-Иртышского бассейна.— «Известия ЗСОРГО», 1925, т. V
- 358
Драверт П. Л. Платина в окрестностях курорта Боровое и о возможностях ее нахождения в других районах Казахстана.— «Известия ЗСОРГО», Омск, 1929, т. IV
- 359
Дудин С. М. Орнаменты киргизов. Из коллекции художника С. Дудина.— «Зодчий», 1905, № 52
- 360
Дудин С. М. Казахский орнамент.— «Восток. Журнал литературы, науки и искусства», М.—Петроград, 1925, кн. 5
- 361
Дудин С. М. Ковровые изделия Средней Азии.— Сборник МАЭ, 1928, т. 7
- 362
Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-кайсацкая орда.— «Современник», 1851, № 9, т. XXIX
- 363
Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XIV вв.— «Вестник АН КазССР», 1966, № 5
- 364
Жарков Я. П. Записки саратовского купца Жаркова о киргизах.— «Библиотека для чтения», Спб., 1852, № 9, т. 115
- 365
Жданко Г. А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». М., 1958, т. III
- 366
Заседание Распорядительного комитета 25 апреля 1894 года. № 17.— ЗСОРГО, кн. XVII, Омск, 1894, вып. 3
- 367
Засецкая И. П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— «Археологический сборник», Л., 1968, вып. 10
- 368
Засецкая И. П. Электровая диадема из погребения у с. Верхне-Погромного в Нижнем Поволжье.— Сообщения Государственного Эрмитажа, 1966, вып. 27
- 369
Захаров А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.— «Труды ГИМ», 1926, вып. I
- 370
Золото Тарбагатая.— «Вестник РГО», Спб., 1851, ч. III
- 371
Зуев Ю. А. К этнической истории усуней.— ТИИАЭ АН КазССР, «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», 1960, т. XIII
- 372
Зуев Ю. А. К вопросу о языке древних усуней.— «Вестник АН КазССР», 1957, № 5
- 373
Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств.— ТИИАЭ АН КазССР, 1960, т. VIII
- 374
Ибрагимов И. И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. (Из записной книжки)— «Военный сборник», 1874, № 9
- 375
Ибрагимов И. Очерки быта киргизов.— «Древняя и новая Россия», 1876, № 9
- 376
Идаров С. Киргизская степь Сибирского воеводства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область.— ЖМВД, 1854, ч. VII
- 377
Из рукописи капитана Андреева (XVIII в.).— «Сибирский вестник», 1820, ч. X
- 378
Иностранцев К. А. Из истории старинных тканей. Алтабас, Дороги, Зендень, Миткаль, Мухояр.— ЗВОРАО, 1901, т. XIII
- 379
Кадырбаев М. К. Исследование кургана с каменными грядками в Джамбулской области.— «Вестник АН КазССР», 1959, № 7
- 380
Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. VII
- 381
Кальнинг В. Начало киргизских поминков и несколько слов о киргизском коневодстве.— «Журнал коннозаводства», 1873, № 5
- 382
Карелин Г. С. Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю.— ЗРГООГ, 1883, т. X
- 383
Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края.— ГОУАК, Оренбург, 1910, вып. XXII
- 384
Кастанье И. А. Надгробные сооружения в киргизской степи.— ГОУАК, Оренбург, 1911, вып. XXVI

- 385
Кафаров П. О торговых путях по Китаю и подвластным ему владениям.—«Записки РГО», 1850, кн. 4
- 386
Киргизы. Исторический очерк и народный характер.—«Природа и люди», 1879, кн. 4
- 387
Киргизы. Этнографическая выставка 1867 г.—ИОЛЕАЭ, 1878, т. XXIX
- 388
Киргизы и их жизнь.—«Нива», 1870, № 40
- 389
Киселев С. В. Из работ (археол.) Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г.—СЭ, 1935, № 1
- 390
Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция в 1938 г.—ВДИ, 1939, № 1
- 391
Киселев С. В., Евтюхова Л. А. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.—«Труды ГИМ», 1941, вып. XVI, «Работы археологических экспедиций»
- 392
Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды.—ЖМВД, 1849, ч. XXVIII
- 393
-ков. Киргизы.—«Воскресный досуг», 1864, № 72
- 394
Ковалевский Е., Гернгросс. Описание западной части Киргиз-кайсацкой степи.—«Горный журнал», 1840, ч. IV
- 395
Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда.—«Известия Археологической комиссии», 1905, вып. 16
- 396
Кокшаров Н. И. Известие о бирюзе в Киргизской степи.—«Записки имп. Петербургского Минералогического Общества», серия ВГО, Спб., 1885, ч. 20
- 397
Колмогоров Г. В. О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства.—«Вестник РГО», Спб., 1855, ч. XIII, кн. I
- 398
Кокшаров Н. И. Несколько новых наблюдений, произведенных над кристаллами арегонита, медного колчедана, скородита и диоптаза.—НИСГИ, 1873
- 399
Конкин В. Н. Украшения из половецкого погребения (X—XI вв.).—СА, 1969, № 2
- 400
Коншин Н. Я. К вопросу о переходе киргизов Семипалатинской области в оседлое состояние.—ПКСО за 1898 г.
- 401
Коншин Н. Я. Материалы для истории Степного края.—«Записки подотдела ЗСОРГО», 1903—1905, вып. 1—2
- 402
Коншин Н. Я. От Павлодара до Каркаралинска.—ПКСО, 1901, вып. V
- 403
Коншин Н. Я. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области.—ПКСО, 1901
- 404
Коцовский В. Краткий обзор горно-заводской промышленности Семипалатинской области на 1898 г.—ПКСО, 1898, вып. IV
- 405
Краснопольский А. А. Предварительный отчет о геологических исследованиях, произведенных в Западной Сибири в 1895 г.—«Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги», Спб., 1896, вып. V
- 406
Краснопольский А. А. Геологические исследования в Акмолинской и Семипалатинской областях.—«Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги», Спб., 1900, вып. XXI
- 407
Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851—1860 гг.—«Записки РГО», 1861, кн. 3
- 408
Крачковская В. А. Мусульманское искусство в собрании Ханенко.—«Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», Л., 1926
- 409
Крит Н. Заметка о торговых путях из Китая в Россию через азиатскую границу.—«Известия РГО», 1865, т. I
- 410
Кругликова И. Т. Погребения IV—V вв. н. э. в деревне Айвазовское.—СА, 1957, № 2
- 411
Курц Б. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII веке.—«Новый Восток», 1928, № 23—24
- 412
Кушакевич А. А. Аулы, кишлаки и урочища, в которых расположены зимовые стойбища кочевников Ходжентского уезда.—МСТК, 1872, вып. I
- 413
Кушакевич А. А. Сведения о Ходжентском уезде.—ЗРГООГ, 1871, т. IV
- 414
Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка из могилы Ак-Кюна (Алтай).—КСИИМК, 1951, вып. 36
- 415
Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.—СА, 1964, № 2
- 416
Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.—«Вестник МГУ». Историко-археологическая серия. 1958, № 4
- 417
Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 г.)—«Известия АН КазССР», 1951, вып. 3
- 418
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.—ВДИ, 1947—1949
- 419
Леваневский М. А. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда.—«Землеведение», 1894, кн. 2, 3, 4; 1895, кн. 2—3
- 420
Лерх П. И. О Туркестанском фотографическом альбоме.—«Известия РГО», 1874, г. X
- 421
Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы.—СА, 1967, № 2
- 422
Лотин В. В. Кибитки киргизские в применении к потребностям войны.—Протоколы Заседания Общества русских врачей в Санкт-Петербурге 1878 г. Спб., 1879
- 423
Маковецкий П. Е. Юрта. Астнее жилище киргизов.—ЗСОРГО, 1893, кн. XV, вып. I
- 424
Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае.—«Известия РГО», 1878, г. XIV, вып. I
- 425
Мамыщев М. Прием и угощение у киргизов.—«Вестник Европы», 1809, ч. XLIV, № 7, 8
- 426
Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX века в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза.—ТГИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I
- 427
Маргулан А. Х. Историко-топографический фон восточного Бет-

- пак-Дала.— «Вестник АН КазССР», 1950, № 6
- 428
Маргулан А. Х. Археологические разведки в бассейне р. Сары-Су.— «Вестник АН КазССР», 1947, № 7
- 429
Маргулан А. Х. Валиханов как художник.— «Вестник АН КазССР», 1950, № 8
- 430
Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г.— «Известия АН КазССР. Археология», 1949, вып. 2
- 431
Маргулан А. Х. Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры.— ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. VII
- 432
Мариковский П. И. Животный мир, способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Семиречья.— «Труды заповедников Казахстана», Алма-Ата, 1973, т. III
- 433
Мартынов Г. С. Исыкская находка.— КСИИМК, 1955, вып. 59
- 434
Масанов Э. А. Из истории ремесла казахов. (Вторая половина XIX — начало XX в.)— СЭ, 1958, № 5
- 435
Масанов Э. А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле.— ТИИАЭ АН КазССР, 1961, т. XII
- 436
Масанов Э. А. Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX века.— ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. VI
- 437
Материалы по истории торговли Сибири.— «Известия РГО», т. I, Спб., 1865
- 438
Медведский П. Внутренняя Букеевская орда в хозяйственно-статистическом отношении.— «Журнал Министерства государственных имуществ», 1862, тт. XXX—XXXI
- 439
Медоев А. Г. Каменный век Сары-Арки в свете новейших исследований.— «Известия АН КазССР. Общественные науки», 1964, № 6
- 440
Медоев А. Г. Топография стоянок каменного века в Прибалхашье.— «Вестник АН КазССР», 1965, № 5
- 441
Мелиоранский П. Небольшая орхонская надпись на серебряной крынке Румянцевского музея.— ЗВОРАО, т. XV, вып. 1, 1904
- 442
Мелиоранский П. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями.— ЗВОРАО, т. XIV, вып. 1, 1902
- 443
Мелиоранский П. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Акмата?— ЗВОРАО, т. XVII, вып. 4, 1907
- 444
Мершчиев М. С. Поселение Чоль-Гобе в предгорьях Киргизского Алатау.— «Вестник АН КазССР», 1962, № 12
- 445
Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА, 1951, № 23
- 446
Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.— СА, 1956, № 26
- 447
Минаева Т. М. Погребение с сожжением близ г. Покровска.— «Ученые записки Саратовского государственного университета», 1927, т. 4, вып. 3
- 448
Могилевский Л. Живая вода дружбы.— «Знамя», 1972, № 8
- 449
Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки.— МИА, 1956, № 78
- 450
Муренко А. Альбом фотографий во время путешествий в Хиву.— «Отчет РГО за 1863 г.», Спб., 1864
- 451
Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией.— «Записки РГО», 1855, кн. X
- 452
Небольсин П. И. Очерки волжского низовья.— ЖМВД, 1852, № 7, 8
- 453
Небольсин П. И. Рассказ троцкого 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапа Абу-Бакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем.— «Географические известия», 1850, вып. 3
- 454
Нестеров А. Д. Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда.— ЗВОРАО, 1900, т. XII, вып. 4
- 455
Обручев К. М. Изучение кустарных промыслов Туркестанского края.— «Записки Русского технического общества», 1894, т. X
- 456
Ольденбург С. Ф. О С. М. Дудине.— Сборник МАЭ, Спб., 1911, т. IX
- 457
Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, 1958, т. V
- 458
Остафьев В. А. Очерк Акмолинской области.— «Сельское хозяйство и лесоводство», 1893, № 1—4
- 459
О торговле с киргизами.— «Журнал Министерства мануфактуры и торговли», Спб., 1828, № 4
- 460
Отчет археологической комиссии за 1896 год. Спб., 1898
- 461
Отчет археологической комиссии за 1907 год. Спб., 1909
- 462
Отчет о поездке на этнографическую выставку в Москву.— «Известия РГО», 1867, т. III, отд. 1
- 463
Очкин А. Киргиз-кайсаки.— «Детская библиотека», 1837, № 1
- 464
П. А. Киргизская степь в хозяйственном отношении.— «Экономический журнал», Спб., 1888, кн. 8
- 465
Пашино П. И. О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области.— «Известия РГО», 1867, т. III
- 466
Петри Э. Ю. Орнамент кудинских бурят.— Сборник МАЭ, Игр., 1918, т. V
- 467
Петровский Н. Ф. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии.— «Известия Кавказской шелководственной станции», Тифлис, 1900, вып. 5—11
- 468
Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75
- 469
Плетнева С. А. Печенеги, горки и половцы в южнорусских степях. (По материалам археологической экспедиции.)— МИА, 1958, № 62
- 470
Плотников В. Н. Поминки (ас). Этнографический очерк из быта Зауральских киргизов.— ЗООРГО, 1870, вып. 1
- 471
Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана.— «Известия АН КазССР. Серия общественных наук», 1968, вып. 5
- 472
Полторацкая Л. К. Южные склоны Алтая и Тарбагатайский край.— «Живописная Россия», 1884, т. XI

- 473
Полторацкая Л. Виды и типы Западной Сибири.— «Антропологическая выставка», М., 1879—1880, т. III, ч. 2—ИОЛЕАЭ, т. XXXV, ч. II, «Труды Антропологического отдела», т. V
- 474
Полторацкий В. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарьею (земель, вошедших в состав нынешней Туркестанской области).— ЗРГООГ, 1867, т. I
- 475
Портреты казахской депутации.— «Иллюстрация», 1860, № 116
- 476
Поспелов М. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. Прим. Я. Ханыкова.— «Вестник РГО», 1851, ч. 1, кн. 1, отд. 6
- 477
Потанин Г. Н. ³Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году.— ЖМНП, 1883, ч. 227, июнь
- 478
Потанин Г. Н. Поминки по Чингисхану.— «Известия РГО», 1885, т. XXI
- 479
Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки.— «Живая старина», 1916, вып. II—III
- 480
Потанин Г. Н. Из поездки в Каркаралынский уезд 1913 г.— «Известия ЗСОРГО», 1913, т. 1, вып. 2
- 481
Потанин Г. Н. Доклад о казахских легендах.— Юбилейный сборник ЗСОРГО, 1897
- 482
Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии.— «Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1868, кн. 2
- 483
Потанин Г. Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии.— «Древности. Труды имп. Московского археологического общества», 1885, т. X
- 484
Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича.— «Русское богатство», 1896, № 8
- 485
Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении.— «Этнографический сборник», 1864, т. VI, № 1
- 486
Потапов Л. П. Очерк этногенеза южных алтайцев.— СЭ, 1952, № 3
- 487
Праздник в палатке хана Малой киргиз-кайсацкой орды Джангира.— «Русский инвалид», 1844, № 5
- 488
Пугаченкова Г. А. О каменных колоннах из Таласской долины.— «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», 1948, вып. 2
- 489
Пугаченкова Г. А. Сауранские башни.— «Труды САГУ. Новая серия», 1957, вып. 57
- 490
Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в.— «Труды САГУ», Ташкент, 1950, вып. XI
- 491
Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргачбия.— «Известия АН КазССР. Архитектурная серия», 1950, вып. 2
- 492
Пугаченкова Г. А. О резных деревянных колоннах XIV—XV вв. в г. Туркестане.— «Известия АН КазССР. Архитектурная серия», 1948, вып. 1
- 493
Путинцев М. От Семипалатинска до Копала. Из путевых заметок.— «Военный сборник», 1865, № 12
- 494
Радлов В. В. Аборигены Сибири.— «Живописная Россия», 1884, т. XI
- 495
Радлов В. В. Сибирские древности.— «Материалы по археологии России, изданные имп. Археологической комиссией», 1902, № 27
- 496
Райкова И. А. Кендырь.— МИЕПСР, Пгр., 1919, № 23
- 497
Раскопки в Семипалатинской области ОАК за 1898 г.— Спб., 1901
- 498
Ротчев А. Г. Очерки торговли Семиреченской области.— «Русский вестник», 1870, № 5
- 499
Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае.— «Материалы по этнографии», 1927, т. III, вып. 2
- 500
Русаков М. П. О направлении поисково-разведочных работ на корунд в Центральном Казахстане.— «Вестник АН КазССР», 1959, № 9
- 501
Руссо Г. Кайсаки Букеевской орды. Рисунки с натуры художника Г. Руссо.— «Нива», 1873, № 5; «Досуг и дело», 1888, вып. 2
- 502
Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.— «Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете», Саратов, 1926, т. 1
- 503
Сабанщиков. Рын-Пески.— «Заволжский муравей», 1832, № 12
- 504
Сборовский А. Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии.— ЗСОРГО, 1896, кн. XIX
- 505
Сведения, сообщенные К. Миллером и Кушелевым.— «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1759, апрель
- 506
Свиньин П. П. Картины Оренбурга и его окрестностей.— «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 99
- 507
Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс. (Биографические данные о председателе Оренбургской Пограничной комиссии. 1787—1845.)— ТОУАК, 1907, вып. XIX
- 508
Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургай.— ЗСОРГО, 1870, вып. 1
- 509
Селевин В. А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала.— «Труды САГУ», серия XII—география. Ташкент, 1935, вып. 12—13
- 510
Семенов А. А. Ковры русского Туркестана.— «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2
- 511
Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов.— «Мир ислама», Спб., 1912, № 3, т. 1
- 512
Сенигова Т. Н. Находки кремня в западных районах чинка Усть-Урта и в Приаральских Кызыл-Кумах.— «Известия АН КазССР. Археологическая серия», 1951, вып. 3
- 513
Сенигова Т. Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года.— ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1
- 514
Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). (Из работ Сталинград-

- ской археологической экспедиции.)— МИА, 1960, № 78
- 515
Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда Волгоградской экспедиции (1951—1953).— МИА, 1959, № 60
- 516
Сказания Приска Панийского. Пер. Дестуниса Г. С.— «Ученые записки II-го отд. Академии наук», Спб., 1861, кн. VII, вып. 1
- 517
Скалон К. М. Изображение дракона в искусстве IV—V вв.— «Сообщения Государственного Эрмитажа», 1962, вып. 22
- 518
Скальковский К. Минеральные богатства в Киргизской степи.— «Горный журнал», 1869, № 10
- 519
Словцов И. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г.— ЗЗСОРО, 1881, кн. III
- 520
Случайные находки из Тургайской области.— «ОАК за 1901 г.», Спб., 1903
- 521
Смирнов К. Ф. Быковские курганы. (По материалам Сталинградской археологической экспедиции.)— МИА, 1960, № 78
- 522
Спасский Г. О торговых сношениях России с Западным Китаем.— «Отечественные записки», 1856, № 12
- 523
Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды.— «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, X
- 524
Спасский Г. И. Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с ней.— «Сибирский вестник», 1818, ч. XII
- 525
Спасский Г. И. Древности Сибири.— «Сибирский вестник», 1818, ч. II
- 526
Спицын А. А. Бухарский клад и Мономахова шапка.— «Известия Археологической комиссии», 1909, вып. 29
- 527
Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г.— «Известия Археологической комиссии», 1905, вып. 17
- 528
Сласов В. В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной.— «Северный вестник», 1895, № 4
- 529
Сымонович Э. А. Погребения X—XII вв. Каменского могильника (Запорожская область).— КСИИМК, 1956, вып. 65
- 530
Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», Иркутск, 1900, т. III, вып. 23
- 531
Тереножкин А. И. Казахские фрески XIX в.— «Искусство», 1938, № 2
- 532
Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIII
- 533
Терещенко А. В. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда.— «Московитянин», 1853, т. VI, кн. 2, № 22, отд. 7
- 534
Гихонова М. А., Черняков И. Т. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье.— СА, 1970, № 3
- 535
Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи. По материалам Тагискена. (Из работ Хорезмской археологической экспедиции.)— СА, 1966, № 2
- 536
Тревер К. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг.— «Сообщения ГАИМК», 1931, № 9—10
- 537
Трусова И. Ф. Нижне-палеозойские ультра-основные и основные интрузии Центрального Казахстана.— «Труды ГИМ», 1948, вып. 92
- 538
Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1869 г.— ИОЛЕАЭ, 1878, т. XXIX, ч. 3
- 539
У-р, барон. Четыре месяца в киргизской степи.— «Отечественные записки», 1848, ч. LX; «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1849, № 78
- 540
Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.— СА, 1964, № 1
- 541
Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии.— «Старые годы», 1914, октябрь—декабрь; 1915, июнь
- 542
Формозов А. А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане.— КСИИМК, 1950, вып. 31
- 543
Формозов А. А. Древности Усть-Урта.— «Вестник АН КазССР», 1947, № 7
- 544
Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 году.— «Записки РГО», 1847, кн. II
- 545
Чепелев В. Об искусстве казахского народа (Орнаментика).— «Искусство», 1936, № 4
- 546
Чермак Л. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь.— ЗЗСОРО, 1900, кн. XXVII
- 547
Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда.— ЗЗСОРО, 1906, кн. XXXII
- 548
Чудинов Б. М. Древние горные работы на месте современных рудников треста «Каззолото».— «Советская золотопромышленность», 1936, № 10
- 549
Чупин П. Поиски цветных камней в Заиртышской степи в конце прошлого столетия.— ЗЗСОРО, 1894, кн. XII, вып. 2, 3
- 550
Шангин И. П. Историческое известие об открытии диоптаза с кратким описанием месторождения оного.— «Таганрогское Металлургическое общество», 1830
- 551
Шангин И. П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в киргизскую степь в 1816 году.— «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, кн. I
- 552
Шахатов Г. Замечания о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды.— «Земледельческий журнал», 1832, № 8
- 553
Швабский, есаул. О семенах и посеве тургайской пшеницы и проса, называемых в киргизской степи.— «Земледельческий журнал», 1832, № 5
- 554
Шелководство в Туркестанской области и Коканде.— «Известия РГО», 1866, т. II
- 555
Шкапский О. А. Киргизы-крестьяне.— «Известия РГО», 1905, т. XXXVIII, вып. 4

- 556
Шкорпиль В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— «Известия Археологической комиссии», 1905, вып. 17
- 557
Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела, в Акмолинской области.— ЗЗСОРО, 1894, кн. XVII, вып. 1—2
- 558
Штрейс И. А., А., Колотухина С. Е. Геологическое строение гор Ортау-Кусмурун.— «Труды ИГН», Алма-Ата, 1943, вып. 101
- 559
Эварницкий Д. И. Каменные бабы.— «Исторический вестник», 1890, № 7
- 560
Юферов В. Н. Сообщение об этнографическом конгрессе, бывшем в Париже в 1878 г.— «Известия РГО», 1879, т. XV, вып. 3
- 561
Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 годах.— «Древности. Труды имп. Московского Археологического Общества», 1883, т. IX, вып. 2—3
- 562
Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона.— «Известия ВСОРО», 1889, т. XX, № 4
- 563
На выставке в Омске.— «Акмолинские областные ведомости», Омск, 1876, № 12, 13, 15
- 564
Несколько слов о байте...— «Акмолинские ОВ», 1876, № 13
- 565
О золотых россыпях в Киргизской степи.— «Акм. ОВ», 1877, № 7
- 566
Выставка в Петропавловске.— «Акм. ОВ», 1878, № 5
- 567
Выставка в Акмолинске (1877).— «Акм. ОВ», 1878, № 5
- 568
Некролог.— Особое «Прибавление» к «Акм. ОВ», Омск, 1889, № 28
- 569
Мартынов Г. С. Находки в размытом овраге.— «Алма-Атинская правда», 1959, 10 мая
- 570
Коныр-Аулие.— «Витебские губернские ведомости», 1892, № 63
- 571
Гости Внутренней киргизской орды на выставке.— «Волжский вестник», Казань, 1890, № 195
- 572
Русанов И. О ремесленности у киргизов.— «Воронежский листок», 1863, № 10
- 573
III. Киргизское обеднение.— «Восточное обозрение», Спб., 1885, № 6, 9, 12
- 574
Судьба русского крестьянства в киргизской степи. Из Зайсанского поста. Корреспонденция.— «Восточное обозрение», Спб., 1886, № 3
- 575
Кочевой быт и исследования в степях.— «Восточное обозрение», Спб., 1886, № 12
- 576
Путевые заметки по дороге в Ташкент.— «Всемирная иллюстрация», Спб., 1870, № 76
- 577
Борель П. Ф. Кочевка казахского аула.— «Всемирная иллюстрация», 1873, № 41
- 578
Семейство казахов-адаевцев. Рисунок художника Г. Борлинга.— «Всемирная иллюстрация», 1873, № 206
- 579
Муренко. Альбом фотографий во время путешествия в Хиву.— «Всемирная иллюстрация», 1873, № 217
- 580
Кайсаки Хивинских степей.— «Всемирная иллюстрация», 1874, № 287
- 581
Казахская архитектура.— «Всемирная иллюстрация», 1874, № 287
- 582
Исаев Д. Отрывки из дневника. (Ярмарка в ханской ставке.) Русский дневник.— «Воскресный досуг», 1859, № 92, 111; 1864, № 73
- 583
Г. (Поганин Г. Н.) Заметка о хлебопашестве в киргизской степи.— «Газета для сельских хозяев», М., 1861, № 18
- 584
Торговля товарами и металлами на азиатской границе в 1866 г.— «Голос», Спб., 1869, № 53, 60
- 585
Бурдуков Н. Ковровое производство в Закаспийской области.— «Закаспийское обозрение», 1903, № 112
- 586
Агеев В. Агат Семиречья.— «Известия», 1969, 2 апреля
- 587
П. Е. Киргизы.— «Иллюстрированная газета», Спб., 1871, № 20, 21
- 588
Б-н П. Каракалпаки и киргиз-кайсаки. Дети степей.— «Казанские ГВ», 1887, № 52
- 589
Тасбулатов Ж. Горное дело в местностях Кызыл-Эспе и Каска-Айгыр Каркаралинского уезда.— «Киргизская степная газета», Омск, 1894, № 7
- 590
Курманбаев А. К вопросу о Чуль-Биде.— «Кирг. СГ», 1894, № 22
- 591
Вопросы по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар.— «Кирг. СГ», 1894, № 29—31
- 592
Потанин Г. Н. О необходимости собирания произведений народного творчества киргизов.— «Кирг. СГ», 1894, № 29, 31
- 593
Ас (поминки) в Каркаралинском уезде.— «Кирг. СГ», 1894, № 32
- 594
Ивановский А. А. Хан Итбай. Киргизская сказка.— «Кирг. СГ», 1895, № 19; «Русские ведомости», М., 1894, № 171
- 595
Серебряное блюдо с казахским орнаментом.— «Кирг. СГ», 1896, № 12
- 596
Киргизские былины.— «Кирг. СГ», 1896, № 33
- 597
Шмидт Ю. А. Письмо в редакцию.— «Кирг. СГ», 1897, № 11
- 598
Копеев Ж. Мунакып Кулмухамед уста.— «Кирг. СГ», 1899, № 28
- 599
Орта-Жуз. Первый любимец бога (легенда).— «Кирг. СГ», 1900, № 17
- 600
Маев Н. Туркестанская выставка 1890 г. Путеводитель по выставке и ее отделам.— «Новости», Ташкент, 1890, № 281
- 601
Алекторов А. Е. Праздничные игры и забавы киргизов.— «Оренбургский листок», 1888, № 42
- 602
Уш кыз (три девушки). Киргизская сказка.— «Оренбургский листок», 1894, № 39, 40

- 603
Алекторов А. Е. Кесене. Из киргизских преданий.— «Оренбургский листок», 1899, № 37
- 604
Мартынов Г. С. Иссыкский клад.— «Пионерская правда», 1953, 13 октября
- 605
Кузнецов П. Счастье.— «Правда», 1949, № 259
- 606
И-в А. Земельный вопрос у киргизов.— «Русские ведомости», М., 1890, № 137
- 607
Чернышев А. Ф. Школа для киргизских детей в Оренбурге.— «Русский художественный листок», Спб., 1853, № 17
- 608
Калон А. Киргизы Малой орды. Рисунки с натуры.— «Русский художественный листок», 1858, № 31; «Нива», 1873, № 5
- 609
Типы киргиз-кайсаков, подвластных России, с фотографий А. Н. Шпаковского.— «Русский художественный листок», 1861, № 21
- 610
Витзен Н. Известия о киргизских и башкирских народах. Исторические, генеалогические и географические примечания.— «Санкт-Петербургские ведомости», 1734, № 28—31
- 611
О торговле русских с киргизами.— «Санкт-Петербургские ведомости», 1866, № 264
- 612
Позняк Д. Две недели в Золотой Букевской орде.— «Саратовские ГВ», 1859, № 38
- 613
Краткие сведения о некоторых сибирских губерниях. Семипалатинская область.— «Саратовские ГВ», 1889, № 96
- 614
О торговле и плодородии Киргизской степи.— «Северная почта», Спб., 1861, № 111
- 615
О ханской ярмарке в киргизской орде.— «Северная почта», Спб., 1864, № 158
- 616
О торговле киргизов Внутренней орды.— «Северная почта», Спб., 1868, № 96
- 617
Колмогоров Г. Несколько слов о Семиреченском крае.— «Северная пчела», Спб., 1857, № 3
- 618
Обычаи киргизов.— «Семипалатинские ОВ», 1871, № 7, 10
- 619
Померанцев. Джатаки. Из Зайсанского пограничного поста.— «Семип. ОВ», 1871, № 17
- 620
Чорманов М. Поминки по умершим у киргизов.— «Семип. ОВ», 1871, № 32
- 621
Киргизы Зайсанского приставства.— «Сибирская газета», Иркутск, 1881, № 31
- 622
Потанин Г. Н. На притоке реки Токраун.— «Сибирская жизнь», Томск, 1914, № 83, 86
- 623
Потанин Г. Н. Художественная этнографическая выставка в Томске, организованная Г. Н. Потаниным и художником Гуркиным.— «Сибирская жизнь», Томск, 1907, № 198; 1910, № 49
- 624
Очерки сибирской торговли.— «Сибирский листок», Тобольск, 1893, № 35—36
- 625
Выставка замечательных ремесленных произведений киргизов.— «Сибирь», Иркутск, 1875, № 33
- 626
О. П. (Д. Д. Минаев). Медикотопографическое описание киргизской степи.— «Томские ГВ», 1859, № 36—42
- 627
Иголкин. Очерки Сузунской ярмарки.— «Томские ГВ», 1865, № 7, 8
- 628
Коряковец (Нечаев). Посредничество Иртыша в киргизской скототорговле.— «Томские ГВ», 1865, № 11
- 629
Потанин Г. Н. Материалы для истории торговли Сибири. Привоз и вывоз товаров г. Томска в 1-ой половине XVII в.— «Томские ГВ», 1865, № 10, 11, 20
- 630
Золото Кендырлика.— «Томские ГВ», 1876, № 13
- 631
Исаков Л. Чудесный источник. Киргизская сказка.— «Тургайские ОВ», Оренбург, 1894, № 47, 48
- 632
Город Николаевск (Кустанай) как областной центр Тургайской области.— «Тургайская газета», Оренбург, 1895, № 2
- 633
Гадаев. Былина о хане Джангире, киргизе Джеронше и жене его Карашаш-Шешен.— «Тург. газета», Оренбург, 1895, № 10
- 634
Народное образование в Тургайской области в 1894 году.— «Тург. газета», Оренбург, 1895, № 16
- 635
Богатая киргизская свадьба — «той».— «Тург. газета», Оренбург, 1895, № 21
- 636
Алдияр. Киргизское предание.— «Тург. газета», Оренбург, 1896, № 25
- 637
Предание о киргиз-кайсаком хане Абул-Хаире.— «Тург. ОВ», 1899, № 52
- 638
Невольник. Предание о киргиз-кайсаком хане Абул-Хаире.— «Тург. газета», Оренбург, 1900, № 1
- 639
Васильев А. В. Козы-Корпеш.— «Тург. газета», 1900, № 6
- 640
Столпянский П. Киргизская кибитка при высочайшем дворе Николая I.— «Тург. газета», 1903, № 25
- 641
Иванов Н. Ляйли Межнун. Из киргизских преданий.— «Тург. газета», 1908, № 20
- 642
Выделка туземного оружия в Туркестанском крае.— «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1871, № 31
- 643
Кушакевич А. Заметки о туземных красильных веществах.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1872, № 32
- 644
Статистические сведения о кишлачном населении Катта-курганского отдела (кустарные промыслы казахов).— «Турк. ведомости», Ташкент, 1874, № 3
- 645
Загряжский Г. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1874, № 25, 27—32
- 646
Арандаренко Г. Кишлак Карнак.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1874, № 35
- 647
Аристов И. А. Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1889, № 38—40
- 648
Романович А. П. Туркестанская ста-

- ринная выставка 1890 г.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1890, № 37
- 649
Островский В. Киргиз-земледелец.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1897, № 70
- 650
Федченко Б. А. Поездка в Таласский Алатау.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1897, № 84
- 651
Молодов Э. Закаспийская область в 1898 г. (Казахи и туркмены. Хлопковый промысел, ковровое производство)— «Турк. ведомости», Ташкент, 1899, № 91
- 652
Н. К. Производство ковров в Туркестане.— «Турк. ведомости», Ташкент, 1910, № 277
- 653
Ш-в Г. Из быта киргиз.— «Турк. ведомости», 1912, № 220
- 654
Торговля в Среднеазиатских ханствах в начале настоящего столетия.— «Уфимские ГВ», 1893, № 46, 47, 51
- 655
Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жинағы. Алматы, 1945
- 656
Айтғыс. Алматы, 1965
- 657
Арғынбаев Х. Қазақтың ер-тұрман жабдықтары.— В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках», Алма-Ата, 1969
- 658
Әуезов М. Абай. Тарихи роман. Алматы, «Кітап», 1953
- 659
Батырлар жыры, I—II том. Алматы, 1963
- 660
Диваев Ә. Тарту. Ташкент, 1924
- 661
Жансүгіров И. Шығармалар. 6 томдық. Алматы, 1960—1964
- 662
Жармағамбетов Т. Екі жүрек. Повестер мен әңгімелер. Алматы, «Жазушы», 1968
- 663
Жолдасбаев С. 1969—1970 жылдардағы археологиялық барлау кезінде қазақтың тұрақты қоныстары жайлы хабар.—
- В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата, 1972
- 664
Қазақ ертегілері, I—II том., Алматы, 1962
- 665
Қазақ Совет Энциклопедиясы, 2 т.
- 666
Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. II т. Алматы, 1976
- 667
Қисса — Қозы Көрпеш (песни о Козы-Корпеше). Қазан, 1890
- 668
Майлин Б. Шығармалар. Алматы, 1962
- 669
Сейфуллин С. Тар жол тайғақ кешу. Тарихи-мемуарлық роман. Төртінші басылымы. Алматы, «Жазушы», 1977
- 670
Тәжімұратов А. Шебердің қолы ортақ. Алматы, 1977
- 671
Шәкәрім Хұдайбердіұлы. Түрік, қырғыз, қазақ шежіресі. Орынбор, 1911
- 672
Жаманбаев К. Зергер мұрасы. (О творчестве Р. Ошакбаева)— «Мәдениет және тұрмыс», 1974, № 3
- 673
Марғұлан Ә. Х. Қасым ұста.— «Қазақстан өнері», 1955, II октябрь.
- 674
Потанин Г. Н. Г. Н. Потаниннің ұлына Қазақтың қолөнері жайындағы хаты.— «Қазақ», 1914, № 52
- 675
«Шура», 1915, № 4, стр. 83—84
- 676
Аю ақын мен ұстаның айтысы. Жинаушы: Ғазитова Фатима. Латын әрпінде. 1941. 1—2 бб., К—226, № 2
- 677
Центральная научная библиотека АН КазССР. К—6, № 1; Шеберлік ертегі. К—150; Екі ұста. (Два кузнеца.)— тақже К—193, К—608
- 678
Ұста мен тігінші. Ертегі. Жинаушы: Жылқышев Ә. Латын әрпінде. 1940. 2—3 бб. К—118, № 1
- 679
Екі ұста. Ертегі. Айтушы: Шақышов Сақа. Араб әрпінде. 1941. 1—3 бб. К—193, № 1.
- 680
Екі ұста. Ертегі. Жинаушы: Молдыбаев Абай. Латын әрпінде. 1938—1940. 1—16 бб. К—208
- 681
Шеберлік. Ертегі. Жинаушы: Марғұлан Әлкей. Араб әрпінде. 1939. 1—2 бб. К—150
- 682
Алтын сақа. Ертегі. Жинаушы: Сыздықұлы Нұртай. Араб әрпінде. 1935. 124 б. К—6, № 1.
- 683
Ақылды етікші. Ертегі. Жинаушы: Диваев Әубәкір. «Тарту», 1924, 91—92 бб. (үзінді) Латын әрпінде. 1924. 19—21 бб. К—109, № 1.
- 684
Ойған боз. Ертегі. Тапсырушы: Өміржанов Әдірахман. Латын әрпінде. 1942. 8—9 бб. К—217, № 1
- 685
Ханның қазынасы. Ертегі. Тапсырушы: Нұржанов. Араб әрпінде. 1934. 1—4 бб. К—17, № 1
- 686
Ғылымның өнері. Ертегі. Айтушы: Қарақожин Мүслім. Жинаушы: Диваев Әубәкір. Араб әрпінде. 1—2 бб. К—64
- 687
Күн астында Күнікей қыз. Ертегі. Тапсырушы: Ескендірұлы Мыртай. Араб әрпінде. 1939. 1—15 бб. К—9
- 688
Алтын ат. Ертегі. Айтушы: Үмбетов Р. Жинаушы: Диваев Әубәкір. Араб әрпінде. 1927. 1—2 бб. К—34. № 1
- 689
Алтын құс. Ертегі. Жинаушы: Тәттімбетов Құрманғали. Латын әрпінде. 1934. 1—12 бб. К—70
- 690
Алтын құс пен сұр қасқыр. Ертегі. Айтушы: Қанқожақызы Мариям. Жинаушы: Диваев Әубәкір. Араб әрпінде. 1920. 1—5 бб. К—72
- 691
Жолбарыс, аю, қара құлақ, таутеке. Ертегі. Айтушы: Хұсайнов Әубәкір. Араб әрпінде. 1921—1924. 3-б. К—182, № 6

- 692
Өгізілген бүркіт. Ертегі.
1949. 1—2 бб. К—214
- 693
Еңбексіздің ісі. Уәзірдің шешуі.
Ертегі. Жинаушы: Марғұлан
Әлкей. Араб әрпінде. 1939.
3-б. К—150
- 694
Atkinson T. Oriental and Western Sibe-
ria. London, 1857
- 695
Borowka G. Skythian Art. London, 1928
- 696
Buschan J. Illustrierte Völkerkunde.
Stuttgart, 1923, Bd. II, t. 1.
- 697
E. Chavannes. Documents sur les “Tou-
Kiue” (Turcs), occidentaux, Recueillis et
commentés par E. Chavannes. St. Peter-
sbourg, 1903
- 698
Die geheime de Schichte der Mongolen.
Praha, 1956
- 699
Dr. Sueji Umehara. Studies of Noin-Ula
finds in North Mongolia. Tokyo, 1960
- 700
Falk, Joh. Pet. Beiträge zur topographi-
schen Kenntniss des Russischen Reiches.
Bd. II, III, St. Peterburg, 1785-1786
- 701
Girard R. Les rëdnes d’Eterith (680-
734), Paris, 1960
- 702
Marchal. Fabrication du vin chez les
kirghiz. D’après un croquis de
M. C. Marchal
- 703
Pelliot P. Notes sur le “Turkestan” de
M. W. Barthold—“T’oung Pao”,
vol. XXVII, 1930
- 704
Pes’chel O. Völkerkunde. 6. Auflage
V. A. Rirchoff. Leipzig, 1885
- 705
Pullyblank E. J. The Background of the
rebellion of An Zu-Shan. London, 1955
- 706
Rose Gustar. Reise nach dem Ural, dem
Altai und dem Kaspischen Meer. Berlin,
1837, t. 1
- 707
Salmony A. Sino-Siberian art in the
collection of C. T. Zoo. Paris, 1933
- 708
Schwarz, Franz. Turkestan, die Wiege
der indogermanischen Völker. Freiburg,
1900
- 709
Stralenberg F. Das Nord-und Östliche
Teil von Europa und Asia. Stockholm,
1730
- 710
Thiery Am. Histoire d’Attila et de ses
successeurs jusqu’a l’etablissement des
Hongrois en Europe, suivie des legendes
et traditions. Paris, 1856, t. II
- 711
Tomson. V. Turcica; Clauson J. Notes on
the irik bitik, UAS, Bd. 33, 1961, H3-4
- 712
Trever Camilla. Terracottas from Afrosi-
ab. M.-A., 1934.
- 713
Uchida J. A study on jou jan tribe.
New-York, 1950
- 714
Zaleski Br. La vie de steppes Kirghises
déscriptions, récits et contes. Paris, 1865
- 715
Ziu Mau-tsai. Die chinesischen Nachri-
chten zur geschichte Ost-Türken
- 716
Zywot Adolfa Yanuszkiewicza i jego lizty
ze stepov Kirgizkich. T. 1, 2. 2^{ie} izdanic.
Berlin, 1875

SUMMARY

The book by Member of the Kazakh SSR Academy of Sciences A. Kh. Margulan is concerned with applied art of the Kazakhs. Before he considers its main kinds and forms, the author introduces the reader to the sources, which describe the life-styles and culture of prerevolutionary Kazakhstan, tells about the researchers and artists, who portrayed customs, peculiar dwellings, weapons and house utensils of the Kazakhs. The best works by folk masters were displayed at different exhibitions in Petersburg, Moscow and other Russian cities, as well as at the International Congress of Orientalists in Paris. At present quite a few of them are at the State Hermitage Museum, the State Ethnography Museum of the Peoples of the USSR and the Anthropology and Ethnography Museum of the USSR Academy of Sciences. In his book the author is guided by the collection of the Kazakh applied art of these museums.

The book reviews in detail the roots of pattern-making of the Kazakhs and decorative and applied art as a whole. In the opinion of the author that was the art of nomadic tribes—Sakis, Huns, Usuns, Kanglys and Kipchacks, who inhabited the territory of Kazakhstan in ancient times. Reviewing the monuments found in this republic during archaeological excavation (mainly those of jewellery art), which are now at the Hermitage Museum and at the Archaeology Museum of the Ch. Valikhanov History, Archaeology and Ethnography Institute under the Kazakh SSR Academy of Sciences, the author concludes that jewellery art of the Kazakhs retained traits of the polychromatic style up to the 20th century.

The ornament used in the decor of diverse articles of Kazakh applied art contains a lot of old elements and figures such as horn-shaped volutes, S-shaped signs in the form of a comma and others, which are characteristic of Saki monuments.

Cosmogonic, zoomorphic, geometrical and vegetable are the major groups of patterns in the Kazakh ornament. The author describes each of them at length, indicating what technique of execution and material were applied, in what kind of articles they were used. Along with the major ornamental elements he tells about a lot of those derived from them. When producing articles, folk masters interpreted the elements, made according to certain traditional canons in their own way and that gave an inimitable peculiarity to works of folk art.

The art critic V. Chepelev wrote that the Kazakhs lived in the world of ornament, as it were. Utensils, clothes, weapons, plates and dishes—everything was covered with an ornament. The mobile dwelling of a nomad—the yurt and its interior might be mentioned as a vivid illustration. The most expensive and smart looking were the yurta of nobility that were intended to receive guests or made as a gift or for displays. Wedding yurta were decorated with especial assiduity and love, while the so-called specialized yurta of small size, used for camp life, had no decorations whatsoever.

The book contains a detailed description of all the parts of the wooden framework and the objects of interior and exterior decorations of the yurt.

Old traditions bound up with the ethnic history as well as with economic, social and climatic conditions are reflected in the national costume. Fur-coats and robes were the main types of outdoor and female clothes. Fur-coats of fur-bearing animals were covered with cloth and, sometimes, with brocade or silk. Old types of clothes were coats of foal hide called zharmak and cloaks of thick felt. Robes were made of suede and different imported fabrics. In the State Hermitage Museum there is a collection of Kazakh robes richly embroidered in chain-stitch (1st half of the 19th century). Trousers were also decorated with embroidery. The basic motifs on ornaments were medallions, solar circles and different vegetable patterns.

Vegetable patterns were embroidered mainly on articles made of textile fabric such as towels, napkins, curtains etc. Indicative of high embroidery technique are embroidered carpets called tuskiys, which are still popular with the Kazakhs.

Diverse were male and female head-dresses. Caps and hats, including gala ones, with wide, side-cut and turned up brims were of thick felt. They were embroidered in silk and trimmed with galloon. Fur caps boryk and tymak, like felt caps with turned up brims, are still in use.

The most beautiful of female head-gears is the nuptial saukeleh. This kind of caps is found with many peoples of Central Asia. The author introduces the reader to some saukelehs kept at the State Ethnography Museum of the Peoples of the USSR, the Anthropology and Ethnography Institute of the USSR Academy of Sciences, the History and Local Lore Museum of Omsk, the North-Kazakhstan Museum and others. Belts of leather, velvet, silk and wool were an inseparable part of the male and female costume. Male gala belts with pendants were made of printed leather and adorned with metal buckles with insets of semi-precious stones or carved plates of bone. Such belts are a very old attribute of clothing. Their best samples, including the belt of Abai Kunanbayev's father, are in Leningrad museums.

Folk craftsmen of Kazakhstan were makers of various floor and wall carpets of thick felt such as tekemets, syrmarks and tuskiys. Each of them needed a special technique of execution. For example, for tuskiys it was applique work. Thick felt was also used by women to make yurt decorations—large-size felt sections for the covering, woven ornamental carpet strips called baskury and bau.

Widely spread everywhere in Kazakhstan was weaving of fabric without nap. Fabrics with soft surface were used to make floor carpets—alasha with variegated stripes. Carpets without nap called takyr klem were also woven with an ornament.

The Kazakhs highly valued fleecy carpets. They constituted the main part of a bride's dowry. Nap fabric weaving was mainly developed near the Aral and Caspian Seas. North and East of the republic with large forest tracts were famed for carpenters and carvers in wood. Of wood they made yurta frameworks, utensils and furniture, built houses. Kazakh carvers knew different kinds of carving. Objects carved in wood were inlaid with bone figures and painted. The book gives a good description of the best samples of carving in wood and bone—yurta doors, cupboards, coffers, trunks.

Alongside other kinds of decorative and applied art considerably developed with the Kazakhs was metal working. From time immemorial they mined ore, smelted iron, silver, gold etc. Folk masters knew splendidly the techniques of casting, smithing, embossing, stamping, engraving, metal inlaying with silver and so on.

Held in great respect by the people were blacksmiths. They produced instruments of work, diverse domestic utensils, weapons etc. There were special craftsmen, who made saddles and horse harnesses. Saddles in regions of Kazakhstan were different.

Thus, for example, saddles in Eastern Kazakhstan had a wide and high pommel, while saddles in Central Kazakhstan were light and had a low pommel. Peculiar was the pommel shape in Western Kazakhstan—narrow, sticking up, with an oval top. Jewellers used gold, silver and semi-precious stones to make ornaments for women—ear-rings, bracelets, clasps, ornamented plates to saukelehs, buttons for outdoor gala clothes, braid and breast decorations of rectangular, three-cornered and arched form.

Breast adornments were mainly worn in Western Kazakhstan—the Mangyshlak and Guryev regions. They preserve typical features of the polychromatic style. Massive silver bracelets and rings were also made in the traditions of the polychromatic style. Since the beginning of time the Kazakhs were engaged in dressing sheepskin and leather. Leather was used to produce quivers, belts, foot-wear, vessels such as milk pails, flasks, piala cases, carpets, sitting cushions. Articles of leather were embossed on the reverse side by special proturberant dies. Relief stamping was applied to leather, which was used to decorate the planes of trunks. Besides leather embossing, carpets, trunks and girths had superposed figured plates of metal.

As is known, folk art is anonymous, but the names of some most gifted masters have come down to our days. The last chapter of the book is about them. It also deals with the continuity of folk art traditions, love and care for them in our time.

The Soviet state shows constant concern for preservation of the monuments of national culture and successful promotion of all the forms of folk applied art.

The list of illustrations

- p. 9**
Drawing by I. Klaprot
1816
- p. 10**
Drawing by I. Klaprot
1816
- p. 11**
Drawing by I. Klaprot
1816
Drawing by T. Atkinson
- p. 12**
Drawing by T. Atkinson
Drawing by T. Atkinson
- p. 13**
Drawing by T. Atkinson
Drawing by T. Atkinson
Drawing by M. Martov
- p. 14**
From Pallas' "Travelling"
Nomad camps
Steppe man
- p. 15**
Drawing by Kolychev. Kazakhs
19th century
Kazakh and Bashkir
- p. 16**
Rider
- p. 17**
Drawing by M. Fyodorov,
engraving by A. Seryakov
- p. 18**
Drawing by P. Kosharov
Kazakh arms
- p. 20**
Waggon
Arba
Riders. 1868
- p. 21**
Akyns and Musicians
1868
Semipalatinsk region Kazakhs. 1868
- p. 24**
Aul
Celebration
- p. 33**
Turkic Warrior
Petroglyph
Taldy-Kurgan region.
Dzhungarsky Alatau
Turkic Warriors with the Banners in the
form of Wolves' Heads
Petroglyph
Oi-Dzhailau
- p. 34**
Quilted felt from Pazyryk Barrow
Syrmak—felt spread carpet
Fragment
Made by Alima Kakhanova
Karaganda region
- p. 35**
Felt carpet
Pazyryk
The Hermitage
- p. 36**
Saddle covers
Fragments
Felt. Pazyryk
The Hermitage
Flask. Leather, appliqué work
Pazyryk
The Hermitage
Swan figures
Felt
Pazyryk
The Hermitage
- p. 37**
Flask
Leather, stamping
Pazyryk
The Hermitage
Belt buckle
Silver
Pazyryk
The Hermitage
- p. 38**
Napless carpets
Fragments
Noin-Ula
- p. 39**
Silk carpet
Fragment
Chain-stitch embroidery
Noin-Ula
- p. 40**
Battle of Camels
Petroglyph
The Karatau ridge, Arpa-Uzen
- p. 41**
Belt buckles
"Rest on a journey"
4th -3rd centuries B.C.
The Hermitage
- p. 42**
Kirghiz-kaisaks
- p. 46**
Duel of Warriors. Dish
Silver
Kulagysk
- p. 47**
Goddess Umai
Dzhambul region
A. Kastejev State Arts Museum of the
Kazakh SSR
Scene of kneeling
Rook drawing from Kudyrghe
- p. 48**
Decorative tiles from architectural monu-
ments of Kazakhstan
- p. 49**
Stone statues
- p. 50**
Stone statues
- p. 52**
Plaques from Kipchaks' burial-grounds
Bone
11th-12th centuries
Lower Volga
- p. 53**
Pendants, plaques, ear-ring
Pavlodar Irtysh
Mirrors
Pavlodar Irtysh
- p. 56**
Clasp with representation of horses
Bronze. Tasmola
Panthers attacking a steppe antelope
Buckle of Horse harness
6th century B.C. Chance find
Pavlodar Irtysh

- p. 57**
Clasp
Tasmola. Karamurun
Goats. Fragment of a cauldron
4th-3rd centuries B.C.
Alma-Ata area
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 58**
Plaques. Wood, carving
Pazyryk
The Hermitage
Plaque from the pommel of a saddle
Wood, gold leaf, carving, plated
Pazyryk
The Hermitage
- p. 59**
Elk. Plaque from the pommel of a saddle
Shibe Barrow
The Hermitage
Ram
Wood, carving
Shibe Barrow
The Hermitage
A wolf holding on elk's head in its maw
Wood, carving
Shibe Barrow
The Hermitage
- p. 60**
Cauldron. Bronze
Central State Museum of Kazakhstan
Camel. Fragment
Censer
Semiretchye
The Hermitage
- p. 61**
Censer
Village of Pokrovka
A. Kastejev State Arts Museum of the
Kazakh SSR
Winged snow-leopard
Fragment of a square censer
Censer. Issyk Hoard
A. Kastejev State Arts Museum of the
Kazakh SSR
- p. 62**
Head-dress. Pfofile
Issyk Barrow
5th-4th centuries B.C.
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
- p. 63**
Griffins' heads. Clasp
Western Kazakhstan
- Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
Griffins
Plaque
Nurmanbet I
5th century B.C.
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
Clasp
Tiger attacking a Camel
Karamurun II
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
- p. 64**
Bracelet with a figure of a fantastic wolf
3rd century B.C.
The Hermitage
Hinged bracelet with a figure of a horse
3rd century B.C.
The Hermitage
- p. 65**
Pendant. 3rd-5th centuries
Bronze, turquoise, precious stones
The Hermitage
Medallion, buttons and buckle. 3rd-5th
centuries
The Hermitage
- p. 66**
Plaque of a diadem
Fragment. 3rd-5th centuries
The Hermitage
Rectangular plaques
3rd-5th centuries
The Hermitage
- p. 67**
Trapezoidal and rectangular plaques
3rd-5th centuries
The Hermitage
Figured plaque and buckle in the form of
a bird's head
3rd-5th centuries
The Hermitage
Torque's ends
3rd-5th centuries
The Hermitage
- p. 68**
Kolts. 3rd-5th centuries
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
Horse-shoe shaped buckles 3rd-5th cen-
turies
The Hermitage
- p. 69**
Dish. Glaze ceramics
9th-12th centuries
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
Dish
Glaze ceramics
10th-12th centuries
Museum of Archaeology of the Kazakh
SSR Academy of Sciences
- p. 70-71**
Plaques, clasps
6th-10th centuries
Bronze, silver, gilding
- p. 72-73**
Kimaks' and Kipchaks' jewellery
- p. 76**
Frescos. 19th century
Photo by A. I. Terenozhkin
Camel's mat
Late 19th century
- pp. 78-79**
Frescos. 19th century
Photo by A. I. Terenozhkin
- pp. 80-81**
Frescos
19th century
Photo by A. I. Terenozhkin
- p. 90**
Tez—device for bending of yarta's dome
poles
- p. 91**
Aul of white yurtas
Photo by Kessler. 1868
- p. 93**
Yurta. Turgai region
Guests' yurta
Western Kazakhstan
- p. 94**
Nine ropes yurta
19th century
Northern Kazakhstan
Guests' yurta
19th century
Northern Kazakhstan

- p. 95**
d yurta
the yurta
- p. 96**
Yurta's interior decorations
19th century
Northern Kazakhstan
- p. 98**
Dodege—decoration of yurta's dome
from V. N. Beloslyudov's collection
Semipalatinsk Regional Museum of History and Regional Ethnography
Dodege. Fragments
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 99**
Yurta's doors. Felt
Semipalatinsk region
From S. M. Dudin's album
Kiiz esik—shi door mat with a bag
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- pp. 100-101**
Yurtas' interior decorations
19th century
- pp. 102-103**
Yurtas' interior decorations
20th century
- p. 104**
Uzik zhabky—decoration of yurta's dome
Fragment. Central State Museum of Kazakhstan
Uzik zhabky—decoration of yurta's dome
Fragment. Central State Museum of Kazakhstan
Ornament on baskur—woven stripe to decorate yurta's dome
Drawing by A. Voronina-Utkina
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 105**
Baskur
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
Baskurs. Fragments
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 106**
Shymshi—mat
The Kusak river aul. Aktogai district
- p. 107**
Shymshi—mat. 1950s
The Besoba sovkhos. Karkaralinsk district
Shymshi—mats. Fragments
A. Kastejev State Arts Museum of the Kazakh SSR
- p. 110**
Zhargak—fur-coat made of foals' hides
18th century
Drawing by I. Georgy
Sunday clothes
Second half of the 19th century
Northern Kazakhstan
- p. 111**
Sunday clothes. 19th century
- p. 112**
Sunday clothes. 1861
Kunanbai's and his wife's clothes. Photo. 1854
- p. 113**
Saukele—wedding head-dress
Drawing by P. Kosharov
- p. 114**
Womens' Sunday clothes
Drawings by E. Kornejev
- p. 115**
Saukele—wedding head-dress. Turgai region
Drawing by D. Lvovich
- p. 116**
Fiancee's dress
19th century
Photo by S. M. Dudin
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 117**
Young woman's dress. 1913
Photo by V. N. Vasilyev
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 118**
Women's head-dresses
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 120**
Zhargak shalbar—man's trousers
Chamois, silk-stitch embroidery
State Museum of History
- p. 121**
Man's trousers
Chamois, silk-stitch embroidery
Omsk Museum of History and Regional Ethnography
- p. 122**
Children's clothes
1853
Drawing by A. F. Chernyshov
- p. 124**
Man's winter robe
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 125**
Kebene-military cloak
Felt, chain-stitch embroidery
The Hermitage
Robe. Chamois, silk-stitch embroidery
Gift by Chingis Valikhanov
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 126**
Robe. Gift by Chingis Valikhanov
Omsk museum of History and Regional Ethnography
- p. 127**
Robes
States Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 128-129**
Man's Sunday robes
Silk-stitch embroidery
Middle of 19th century
The Hermitage
- p. 130**
Zhargak shalbar—man's trousers
Chamois, silk-stitch embroidery
Central State Museum of Kazakhstan
Zhargak shalbar—man's trousers
Chamois, silk-stitch embroidery
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 131**
Kalpak—high hat
Felt, chain-stitch embroidery
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
Ornament on tyubeteikas
Drawing by A. Voronina-Utkina
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences

- p. 132**
Air kalpak — man's hat
Chain-stitch embroidery
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
Man's hat
Velvet, gold embroidery. Uralsk region
Central State Museum of Kazakhstan
Saukele — woman's wedding head-dress
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 133**
Saukele — woman's wedding head-dress
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 134**
Saukele
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 135**
Saukele
North Kazakhstan Regional Museum of History and Regional Ethnography
- p. 136**
Fiancee's clothes — fur-coat and head-dress (saukele)
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 137**
Saukele's pendants
Saukele. Shown profile and frontally
- p. 138**
Saukele and gift's bag
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 139**
Women's belts
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 140**
Kise — men's composing belt
Belonged to Kunanbai
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
Fragment of a bag
- p. 141**
Man's boots
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
Man's boots with felt stocking
- p. 142**
Woman's shoes. Leather, silver
Guryev Regional Museum of History and Regional Ethnography
Woman's shoes
North Kazakhstan Regional Museum of History and Regional Ethnography
- p. 143**
Woman's shoes
Dzhambul Regional Museum of History and Regional Ethnography
- p. 146**
Processing of wool
Manufacture of syrmak
Putting of design
- p. 147**
Manufacture of tekemet
Felting of designs. Embroidery of tus kiiz
- p. 148**
Folk master Ulbosyn Kalkamanova
- p. 149**
Horizontal weaving loom
Vertical weaving loom
- p. 150**
Tekemets — felt spread carpets
Central Kazakhstan
- p. 151**
Tekemet
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
Tekemet
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 152-153**
Napped carpet
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 154**
Syrmak "bitpes"
Felt, cord
Central Kazakhstan
Tus kiiz
Felt, appliqué work
Central Kazakhstan
- p. 155**
Syrmak "bitpes"
Felt, cord
Central Kazakhstan
- p. 156**
Takyr klem — napless carpet
Central State Museum of Kazakhstan
Takyr klem — napless carpet
Wool, weaving
Shieli aul. Kzyl-Orda region
- p. 157**
Terme alasha — napless carpet
Wool, weaving
Shieli aul
Kzyl-rda region
Alasha — napless carpet
Wool, weaving
Shieli aul
Kzyl-Orda region
- p. 158**
Napped carpet
Wool, weaving
Central State museum of Kazakhstan
- p. 159**
Tus kiiz — wall carpet
Central Kazakhstan. Bayanaul district
Syrmak "bitpes"
Felt, cord
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 160-161**
Syrmaks
Central Kazakhstan
- p. 165**
Alebards and axes
From S. M. Dudin's album
- p. 167**
Aibalta — fighting axe
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 168**
Naimans' saddles
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 169**
Syrdarya Kazakhs' saddle
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 170**
Bracelet
Silver, niello
Bayanaul district
Central State Museum of Kazakhstan

- p. 171**
Clasp
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 172**
Pegs. Metal, casting
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 173**
Sabre
18th century
State Museum of History
Axe and dagger
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 174**
Fighting axe
Semipalatinsk Regional Museum of History and Regional Ethnography
Carpenter's axe
Steel, silver damascening
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 175**
Aibala—fighting axe
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 176**
Saddle
Silver plaques in the form of bows and soaring birds
Central Kazakhstan
Uirekbas—saddle with its pommel in the form of duck's head
North Kazakhstan Regional Museum of History and Regional Ethnography
- p. 177**
Breast adornment of harness
Cheek-pieces
Tselinograd Regional Museum of History and Regional Ethnography
Saddle with the pommel in the form of duck's head
A. Kastejev State Arts Museum of the Kazakh SSR
- p. 178**
Boitumar—breast decoration
Silver, hammering, stamping, filigree
Kzyl-Orda region
Museum of Archaeology of the Kazakh SSR Academy of Sciences
- p. 179**
Bracelets
Silver, niello
State Museum of History
- p. 180**
Bracelets
Silver, granulation, inlay
Central State Museum of Kazakhstan
Bracelet
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 181**
Signet rings
Silver, casting, hammering, granulation
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 182**
Sholpys—braids' decorations
Central State Museum of Kazakhstan
Signed rings, ear-rings, breast decorations
Western Kazakhstan
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 183**
Braids' decoration
Silver, precious stones, niello, inlay
Museum of Archaeology of the Kazakh SSR Academy of Sciences
- p. 184**
Rings. Silver, hammering, engraving
Southern Kazakhstan
Museum of Archaeology of the Kazakh SSR Academy of Sciences
Bracelet
Silver, granulation, niello
A. Kastejev State Arts Museum of the Kazakh SSR
- p. 185**
Clasp. Silver, granulation
A. Kastejev State Arts Museum of the Kazakh SSR
- p. 186**
Buttons
Silver, amber, agate, corals, stamping, casting, granulation
Eastern and Southern Kazakhstan
Museum of Archaeology of the Kazakh SSR Academy of Sciences
Buttons
Silver, precious stones
Buttons
Silver, niello, granulation
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
- p. 187**
Buttons
Silver, stamping
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences
Buttons
Silver, granulation
Central State Museum of Kazakhstan
- p. 191**
Cupboard and sideboard
Wood, bone, carving
Mbai Kunanbayev's Memorial Museum Semipalatinsk
- p. 192**
Stand
Wood, bone, carving, inlay
Central Kazakhstan
- p. 194**
Scoop
Wood, carving
Omsk Museum of History and Regional Ethnography
- p. 195**
Bed
Wood, caring
- p. 196**
Yurta's door
Chimkent region. Shoulder district
Kebezhe—chest. Fragment
Chimkent region. Shoulder district
- p. 197**
Yurta's door
Wood, bone, carving, inlay
State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR
- p. 198**
Bed
Wood, bone, metal, carving, inlay
A. Kastejev State Arts Museum of the Kazakh SSR
Stand
Wood, carving, painting
Central Kazakhstan
- p. 199**
Chest
Wood, carving, painting
Central State Museum of Kazakhstan
Chest
Wood, carving, painting
Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences

p. 200

Trunk. Wood, carving
Central Kazakhstan
Chest. Wood, carving
Chimkent region. Suzak district

p. 201

Saba ayak
Wood, bone, carving, inlay
State Museum of Ethnography of Peoples
of the USSR
Trunk. Wood, carving
Central Kazakhstan

p. 202

Peg
From A. Voronina-Utkina's album
State Museum of Ethnography of Peoples
of the USSR

p. 203

Peg
Wood, silver, carving, inlay
Karaganda Regional Museum of History
and Regional Ethnography

p. 204

Scoops
Wood, carving
North Kazakhstan Regional Museum of
History and Regional Ethnography

p. 205

Tegene—bowl for koumiss
Wood, carving, figured metal nail-heads
Late 19th century. Semiretchye
Museum of Anthropology and Ethnograph-
y of the USSR Academy of Sciences

p. 208

Flasks for koumiss
Leather, stamping
Central State Museum of Kazakhstan

p. 209

Powder box
Leather, stamping
Omsk Museum of History and Regional
Ethnography

Milking pail
Leather, stamping
Central State Museum of Kazakhstan

Flask and milking pail
Leather, stamping
Central State Museum of Kazakhstan

p. 210

Flasks for koumiss
Leather, stamping
Central State Museum of Kazakhstan

Flask for koumiss
Leather, stamping
Omsk Museum of History and Regional
Ethnography

p. 211

Torsyk—flask for koumiss
Leather, stamping
Museum of Anthropology and Ethnog-
raphy of the USSR Academy of Sciences

p. 212

Measure for flour
Leather, stamping
Kzyl-Orda region
Zhaglan—trunk
Leather, stamping. Dzhambul region
State Museum of Ethnography of Peoples
of the USSR

p. 213

Tebingi
Leather, stamping, metal plaques
Central State Museum of Kazakhstan

Tebingi
Leather, stamping
The Kazakh SSR Artistic Fund

p. 214

Tebingi—side parts of a saddle
Leather, stamping, cooper, plaques
Semipalatinsk region
Museum of Anthropology and Ethnog-
raphy of the USSR Academy of Sciences

Tebingi
Leather, stamping, metal plaques
A. Kastejev State Arts Museum of the
Kazakh SSR

p. 215

Tebingi
Early 20th century
Leather, stamping
North Kazakhstan
Museum of Anthropology and Ethnog-
raphy of the USSR Academy of Sciences

Carpet
Fragment
Leather, stamping, silver plaques
Central State Museum of Kazakhstan

p. 218

Folk wood and bone carver Sabit from
Karkaralinsk district
Famous jeweller Kulmagambet from Bay-
anaul district
Photo N. Bulanzhe. 1868

p. 219

Jeweller's workshop
Folk architect Daniyar Karibayev from
Dzhezkazgan region

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории
ВУА — Военно-ученый архив
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИК им. Кастеева — Государственный музей искусств Казахской ССР им. А. Кастеева
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЗСО РГО — Записки Западно-Сибирского отдела РГО
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР
ЗРГООГ — Записки Русского географического общества по отделению географии
ЗРГООЭ — Записки Русского географического общества по отделению этнографии
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИОИАЭ — Известия общества археологии и этнографии при Казанском университете
Изв. РГО — Известия Русского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МСТК — Материалы для статистики Туркестанского края
ОИКМ — Областной историко-краеведческий музей
ПКСО — Памятная книга Семипалатинской области
СА — Советская археология
Сообщ. ГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИГН — Труды Института геологических наук АН Казахской ССР
Тр. САГУ — Труды Средне-Азиатского государственного университета
ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ЦГА КазССР — Центральный государственный архив Казахской ССР
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГМК — Центральный государственный музей Казахстана

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.	
Источники и материалы по изучению казахского народного искусства	8
Глава 2.	
Экономические предпосылки развития художественных ремесел	26
Глава 3.	
Истоки казахского народного искусства	30
Глава 4.	
Ремесла и виды народного искусства казахов	74
Глава 5.	
Казахский национальный орнамент	82
Глава 6.	
Юрта и ее убранство	88
Глава 7.	
Казахский народный костюм	108
Глава 8.	
Ковроделие	144
Глава 9.	
Обработка металла и ювелирное искусство	162
Глава 10.	
Резьба по дереву и кости	188
Глава 11.	
Тиснение по коже	206
Глава 12.	
Народные мастера	216
Литература и источники	222
Түйін	241
Summary	243
The list of illustrations	246
Список сокращений	253

85.12
М25

Маргулан А. Х.
М25 Казахское народное прикладное искусство.— Алма-Ата: Өнер.— Т. I.
1986.— 256 с.

Первый том знакомит с видами казахского народного прикладного искусства, художественным кошоваланием, плетением, вышивкой, ткачеством, резьбой по дереву и кости, обработкой металла и кожи, а также орнаментом, народным костюмом и передвижным жилищем кочевников — юртой. Издание богато иллюстрировано. Рассчитано на широкий круг читателей.